

Александр Михайловский
Александр Харников

ИМПЕРСКИЙ СОЮЗ

В царствование императора
Николая Павловича

Разминка перед боем

Британский вояж

Военная фантастика
коллекция

Коллекция. Военная фантастика (АСТ)

Александр Михайловский

**Имперский союз: В царствование
императора Николая
Павловича. Разминка перед
боем. Британский вояж**

«АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Михайловский А. Б.

Имперский союз: В царствование императора Николая Павловича.
Разминка перед боем. Британский вояж / А. Б. Михайловский —
«АСТ», 2019 — (Коллекция. Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-112301-7

Машина времени открыла дорогу из будущего в прошлое, и вслед за кучкой энтузиастов на прямую связь с императором Николаем I вышли серьезные правительственные структуры РФ. Глава III отделения граф Бенкендорф отправится в командировку в будущее, дабы там немного подлечиться, а заодно и встретиться кое с кем из руководства РФ. Сотрудники спецслужб России берутся помочь коллегам из прошлого: в Лондон с деликатной миссией отправится группа силовиков для поимки Дэвида Уркварта — именно он направлял на Кавказ в помощь мятежным горцам оружие и деньги, добровольцев и военных советников. Но не так-то просто отловить главного ненавистника России и доставить в Петербург!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-112301-7

© Михайловский А. Б., 2019
© АСТ, 2019

Содержание

В царствование императора Николая Павловича	6
Глава 1	6
Кот – первопроходец	10
Мальбрук в поход собрался	13
В 1840 году в России и не только	17
Колдуй баба, колдуй дед...	18
Береженого и Бог бережет	20
«Он сказал: „Поехали!“ ...»	23
Гости из будущего	26
«Уважаемые товарищи потомки...»	29
Вернуться и остаться	33
Муж да жена – одна сатана	35
Глава 2	38
Что бы мы делали без армии...	38
Цели определены. Задачи поставлены. За работу, товарищи!	40
Шерше ля фам!	42
Давайте дружить семьями	45
Княжеский круиз	47
Глава 3	55
Здесь вам не там	55
Тыловое обеспечение	58
Дамские посиделки	66
В гостях у волшебника	68
Глава 4	72
Ни сна, ни отдыха измученной душе	72
Это уму непостижимо!	77
Нелегкие раздумья	82
Царская встреча	85
Встречный марш	89
Кто вы, господа?	92
Глава 5	95
Я хочу знать все	95
Паролем пусть будет это...	103
Глаза в глаза	105
Наша служба и опасна и трудна	111
Вот вам моя рука!	113
Глава 6	117
А теперь – пройдемте...	117
С высоты птичьего полета	119
Добрый вечер, господа!	121
От каждого по способностям	126
Конец ознакомительного фрагмента.	130

**Александр Борисович Михайловский,
Александр Петрович Харников
Имперский союз:
В царствование императора
Николая Павловича
Разминка перед боем
Британский вояж
Сборник**

*Авторы благодарят за помощь и поддержку Юрия Жукова и
Макса Д (он же Road Warrior)*

* * *

Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону.

© Александр Михайловский, 2019
© Александр Харников, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

В царствование императора Николая Павловича

Глава 1

В прошлое – через замочную скважину

Началась эта невероятная история с того, что Антон Воронин изобрел машину времени. Самую настоящую машину времени, с помощью которой можно было путешествовать из одного века в другой. Вот так, ни больше ни меньше.

Впрочем, свое изобретение, которое потянуло бы на несколько Нобелевских премий, Антон сделал на основе результата коллективного творчества. Разработки чего-то подобного давно уже велись в одном из закрытых питерских НИИ. Начались они еще в светлые годы советской власти, когда на такие вот не совсем понятные с точки зрения конечного результата исследования заинтересованные ведомства, чаще всего с грозными трехбуквенными аббревиатурами, щедрой рукой сыпали деньги из государственной казны.

Конкретно в этом НИИ работа шла ни шатко ни валко лет пять. А потом наступили суровые перестроечные и постперестроечные времена, когда финансирование перекрыли вовсе. Все, что удалось сделать, от греха подальше засунули в кладовку, после чего начальник 1-го отдела лично опечатал дверь кладовки большой мастичной печатью. Самое обидное заключалось в том, что все это произошло именно тогда, когда у группы, в которой трудился Антон Воронин, что-то начало вырисовываться.

Ну, а дальше пошли тощие и безденежные годы вялого полусуществования, когда сотрудники группы зарабатывали на жизнь монтажом спутниковых антенн и автомобильной сигнализации. Грех жаловаться, на подобных халтурах Антон зарабатывал неплохо. Во всяком случае, пустые бутылки и пивные банки по урнам не собирал и секунд-хэндом на рынках не приторговывал. Но все же, устанавливая сигнализацию на очередной «мерин» какого-нибудь прибалтийского амбала в малиновом пиджаке, с ностальгией вспоминал годы, когда занимался интересным для себя делом, мечтая совершить открытие, которое обессмертит его имя.

В начале нового тысячелетия, когда появилась новая мода на «оптимизацию производства», его НИИ окончательно пал под натиском рыночных отношений. Антона сократили, как и всех сослуживцев, объявив о закрытии конторы, которой они отдали столько лет.

Ликвидация НИИ прошла быстро и как-то безалаберно: нечто среднее между картиной Брюллова «Последний день Помпеи» и дележом добычи пиратами с острова Тортуга. Команде нового министра обороны, по кличке Фельдмбель, нужно было только «капитальное здание постройки третьей четверти XIX века в относительно хорошем состоянии». Вследствие этого, внимание 1-го отдела ослабло, и сотрудники смогли беспрепятственно «приватизировать» все, что плохо лежало.

Куркулистый Антон, естественно, не остался в стороне. Его интересовали не материальные ценности, а документы и опытные образцы. Он утащил домой почти доработанный блок, который мог со временем стать машиной времени, и толстую картонную папку с грифом «сов. секретно». Зачем он это сделал – сам не знал. Скорее всего, по старой советской привычке, вспомнив крылатое выражение: «Тащи с работы каждый гвоздь, ты здесь хозяин, а не гость».

Ну, а дальше, окончательно став на неверный и полный опасностей путь частного предпринимательства, Антон занялся коммерцией. Сперва у него появилась небольшая фирмочка, состоящая из него самого и секретарши. Фирма занималась установкой автомобильной сигнализации, ремонтом компьютеров и изгнанием из них вредоносных вирусов. Дела шли неплохо,

скоро появилась постоянная клиентура. Со временем Антон поднакопил денежек, расширил свой бизнес, купил хорошую трехкомнатную квартиру и машину-иномарку.

Но, занимаясь делами фирмы, количество сотрудников которой выросло до пяти, не забывал и об увлечении своей молодости. По вечерам Антон доставал из сейфа заветную папку с грозным грифом на обложке, перечитывал хранившиеся в ней документы, разглядывал чертежи и расчеты. По своим коммерческим каналам он заказывал необходимые для продолжения работы над машиной времени приборы и комплектующие.

И вот, лет через пять такой надомной работы, настал момент, когда Антон понял вдруг, что ему удалось создать нечто работоспособное.

Правда, эта машина времени меньше всего напоминала прибор, с помощью которого инженер Тимофеев отправлял в век XVI управдома Буншу и жулика Мирославского. Она скорее была похожа на пульт управления воздушного транспортного средства 50-х годов прошлого столетия. На стенде рядом с двумя жидкокристаллическими мониторами, были установлены датчики, тумблеры и прочие рубильники. Конструкция, скажем честно, внешне не впечатляла, но Антон считал, что для первого раза и этого будет вполне достаточно. Ну, а если машина заработает, то можно потом сварганить что-то более презентабельное.

День первого опытного запуска машины стал для Антона настоящим праздником. Еще и еще раз проверив все параметры своего детища, он с бьющимся сердцем начал на кнопку «пуск» и, дождавшись полного включения системы, повернул ручку, запускающую контур, создающий пробой во времени.

Все произошло до безобразия спокойно и буднично. В центре комнаты в воздухе появилась мерцающая голубоватая точка, которая медленно разрасталась, пока не стала размером с куриное яйцо. Из этого отверстия ударил луч яркого света, осветивший комнату, погруженную в вечерний полумрак.

С дрожащими от волнения руками изобретатель подошел к пульсирующему сгустку энергии. Тот неподвижно парил в воздухе, словно подвешенный на невидимых нитях. Антон осторожно заглянул в отверстие и был удивлен – нет, ошеломлен! – увиденной им картиной. Отверстие оказалось своего рода замочной скважиной, с помощью которого можно было заглянуть в прошлое.

Глазам Антона предстал кусочек старой петербургской улицы, какой ее изображали на своих картинах художники середины XIX века. Вот мимо прошло девушка с пышной юбкой, смешным чепчиком и осиной талией. С ней раскланялся какой-то франт в сером сюртуке и цилиндре. Вот проехала пыльная карета, запряженная четверкой лошадей. Вот прошло несколько мастеровых в картузах и передниках, о чем-то оживленно беседующих.

Сердце у Антона бухало в груди, словно кузнечный молот. На подгибающихся ногах он словно пьяный добрал до дивана и плюхнулся на него.

«Сбылась мечта всей моей жизни», – меланхолично подумал Антон. Потом, решив, что на сегодня хватит, счастливый изобретатель подошел к продолжающей работать машине времени, свернул «окно в прошлое» и, дождавшись исчезновения изумрудной точки, осторожно выключил агрегат.

«Вот так, тихо и незаметно, и произошло открытие мирового масштаба, – с легкой грустью подумал он. – И самое противное во всем случившемся, что рассказывать кому-либо об изобретении никому не хочется».

* * *

На следующий день Антон, словно кот у миски со сметаной, долго бродил вокруг машины времени, борясь с искушением повторить свою экскурсию в прошлое. Но он, хоть и с большим трудом, но все же поборол нетерпение и стал ломать голову – что же ему делать дальше? Под-

глядывание за обитателями Петербурга времен царствования императора Николая I, конечно, вещь весьма занятая. Но ему захотелось большего. Захотелось самому побывать в прошлом, чтобы окончательно удостовериться в том, что переместиться в прошлое и вернуться – вещь вполне реальная.

Размышления Антона прервало хрипкое курлыканье мобильного телефона. На дисплее высветилось: «Шурик». Это был старый школьный друг Антона. Впрочем, в его возрасте все школьные друзья – старые, и даже очень.

«Какой сегодня день недели? – со скрипом пошевелил извилинами Антон. – Вроде бы пятница... Вот засада – чуть не забыл! Ведь на субботу у нас назначен „банно-рюмочный“ день. Ой, блин, совсем я заработался... Фанатик науки хренов!»

Антон тряхнул головой и нажал на мобильнике кнопку с зеленой трубкой.

– Слушаю вас, гражданин начальник, – сказал он своему бывшему однокласснику голосом рецидивиста, пойманного с поличным на месте преступления. Дело в том, что Александр Шумилин был пенсионером МВД, и Антон не упускал случая подколоть его, напомнив о прежнем месте службы.

– Алло, Тоха, привет! Надеюсь, ты не забыл, что завтра суббота? – слегка хрипловатым голосом сказал Александр.

– Не, Шурик, я помню это, как таблицу логарифмов. – Антон вздохнул и потянулся в кресле. – Буду обязательно. С тебя веник, с меня – коньяк.

Александр рассмеялся.

– Ну, веник, допустим, у меня для тебя уже давно припасен, а вот коньяк... Ты что, Тоха, решил отправиться в запой?

– Поверь, Шурик, у меня для этого есть вполне законный повод, – напустил туману Антон. – Приеду, обязательно расскажу. Обещаю, что ты от удивления рот раскроешь.

– Ну, если так... – протянул Александр. – Кстати, завтра на помывку телес приедет наш великий эскулап и маг-целитель Леха. У него вроде со временем стало полегче, и он решил предаться вместе с нами сибаритству, обжорству и разврату. Наш медикус обещал сегодня вечером замариновать барашка, так что завтра будем вкушать его фирменные шашлыки.

– Это хорошо, – вздохнул Антон. – Я Леху сто лет не видел. Все дела да дела... А встретиться со старым другом времени как-то все не хватало. Я думаю, что и ему тоже будет интересно услышать мои новости.

– Ну, пока, до завтра, – сказал Александр.

– Пока, жди... – ответил Антон и сбросил соединение. Положив мобильник на стол, он задумался.

В школе он, Александр и Алексей были лучшими друзьями, что называется – не разлей вода. Одноклассники за это дали им прозвище Три А. Позднее, когда в советских газетах начали печатать жуткие рассказы о китайской мафии, какой-то острослов переименовал их прозвище, и друзей стали называть ТриАдой.

Конечно же, к этнической организованной преступности с восточным колоритом они не имели никакого отношения. Но так уж получалось, что почти все школьные шалости не обходились без их участия, за что им часто влетало от педагогов и родителей.

Окончив школу, каждый из друзей пошел по избранной им дороге. Антон поступил в ЛЭТИ, Александр после армии – в школу милиции, а Алексей – в 1-й Медицинский институт. Виделись друзья редко, учеба, работа, а потом и семья отнимали практически все время. Но каждая встреча была для них праздником.

Ну, и естественно, когда нужна была помощь, ее оказывали старые друзья. Антон выручал, когда требовалось разобраться с электроникой, Александр помогал разгребать вопросы, связанные с правоохранительными органами и криминалом, а Алексей – решал все их проблемы по линии здравоохранения. Так шел год за годом.

Отслужив в органах положенные четверть века, Александр вышел на пенсию и занялся журналистикой. Дело в том, что он еще во время службы в милиции попробовал себя в качестве репортера. Писать было о чем – каждый выезд на место происшествия – это готовый сюжет для газетной публикации. Со временем Александра стали печатать в солидных газетах. Во избежание неприятностей со стороны начальства, которое не жаловало представителей СМИ, свои материалы он подписывал псевдонимом. А выйдя на заслуженный отдых, Александр стал публиковать криминальную хронику уже под своим именем. Старые связи в уголовном розыске и следствии у него остались. Его приятели-опера время от времени скидывали ему информацию, которая не проходила в официальных сводках пресс-службы ГУВД. За это его ценили в изданиях разной степени желтизны, и материалы бывшего мента шли на ура.

По наследству от бездетной тетки ему досталась небольшая дача в «цыганской столице» Ленинградской области – поселке Пери. Александр отремонтировал старый домик, построил на участке баню, и с апреля по сентябрь жил на даче, отдыхая от шумного города, жары и духоты.

Старые школьные друзья время от времени навещали его. Александр к их приезду готовил веники, таскал воду, топил баню. Одноклассники, напарившись от души, споласкивались холодной водичкой, а потом с наслаждением отдыхали на веранде дачного дома, потягивая пивко, или что покрепче. Все зависело от настроения. Ну, и рассказывали друг другу о своих делах и проблемах.

Так было и в этот раз. Попросив сына соседа, отставного военного, чей дачный участок граничил с Шумилиным, бывшего десантника Николая, пожарить шашлыки, друзья отправились в парную. Там они долго и с удовольствием стегали свои бледные городские тушки душистыми березовыми вениками. Естественно, были и перерывы, когда красные, как раки, они вываливались в клубы пара в предбанник и там переводили дух, попивая заваренный в термосе духовитый травяной настой.

Наконец, когда доносившийся со двора запах жареного мяса стал нестерпимо соблазнительным, друзья в последний раз вышли из парилки, облились в мыльной холодной колодезной водой и пошли одеваться.

Выглянув из окна бани, Александр крикнул сидящему на обрубке бревна у мангала Николаю:

– Ну, как там наши шашлыки-машлики, готовы? – и, получив утвердительный ответ, пригласил бывшего десантника присоединиться к старикам и выпить с ними по рюмочке «настоящего армянского». Ну, и заодно послушать о «делах давно забытых дней». Николай, которого Александр знал еще пацаном, охотно согласился.

К сожалению, отец Николая, отставной майор-танкист, участник Афгана и первой Чечни, отправился по каким-то делам в город. Виктор Сергеев тоже был интересным собеседником. Под шашлычок и коньячок он не раз засиживался с друзьями до полуночи.

И вот, настал долгожданный праздник живота. Шашлык, снятый с шампуров, лежит на тарелках, коньяк разлит по стопкам, и все готовы выслушать первый тост. Но на этот раз ритуал был безжалостно скомкан. Антон, записной тамада компании, вместо ожидаемого витиеватого и смешного тоста, поднялся с лавки и каким-то будничным, бесцветным голосом сообщил всем присутствующим:

– Ребята, а я вот машину времени сделал...

Ответом ему были недоверчивые и недоумевающие взгляды друзей. Вроде еще не пил человек ничего крепче травяного настоя. Или это он в парилке перегрелся? Александр недоверчиво хмыкнул, Алексей профессионально поинтересовался у Антона – не кружится ли у того голова, а Николай хохотнул и голосом Антона Семеныча Шпака из знаменитой кинокомедии Гайдая произнес:

– А вот у нас инженер Тимофеев живого царя домой привел...

– Зря вы так, – даже обиделся Антон, – между прочим, я вам сказал истинную правду. Путешествовать во времени с помощью моей машины пока нельзя. А может быть, и можно... Сказать честно, я еще сам толком не знаю. Но взглянуть на то, что было сто семьдесят лет назад, мне уже удалось.

Антон немного помолчал, а потом продолжил:

– Только, знаете, ребята, я попрошу вас никому ни слова не говорить о том, что я вам сейчас рассказал. Сами понимаете, желающих воспользоваться моим изобретением может найтись немало. И не факт, что им захочется иметь дело с самим изобретателем. Как говорится, нет человека – нет проблем! К тому же быть на побегушках у какого-нибудь грабителя музеев – невелико счастье. Рано или поздно грохнут.

– А почему именно музеев? – удивленно спросил Алексей. – А не банков, или, к примеру, магазинов?

– Потому что картины и всякие штучки Фаберже стоят много, а весят мало, – ответил Антон, – ну, а тамошняя полиция нашим бандюкам не авторитет – покрошат ее из автоматов в один момент.

– Отставить панику! – решительно вмешался в разговор Шумилин. – О Тохином изобретении – никому ни слова! А ты, Антон, запомни: завтра у нас выходной, так что мы забежим к тебе вместе с Лехой и посмотрим, что же ты там наизобретал. И прошу запомнить: спички детям не игрушка. Тоха прав – желающих заполучить такую штуку будет немало... А сейчас – всем веселиться, и о делах больше ни слова!

Кот – первопроходец

После субботы, весело проведенной на даче у Шумилина, наступило воскресенье. Антон, утром вернувшийся домой вместе со своими друзьями, приготовился повторить свой опыт с машиной времени. А бывшие одноклассники, усевшись вокруг сварганенного хозяином квартиры девайса, с умным видом разглядывали машину, стараясь понять – как она работает.

Антон еще раз посидел за заветной папкой и прикинул варианты увеличения мощности временного портала. Ему показалось, что кое-что для этого сделать можно.

Несмотря на то, что ему уже было известно, как работает сей агрегат, Антон снова с замирающим от волнения сердцем включал аппаратуру. Снова в центре комнаты повисла в воздухе мерцающая голубоватая точка, снова из нее сверкнул луч света, и снова появилось пульсирующее «яйцо» – маленькое окошечко, через которое можно было заглянуть в далекое прошлое.

Полюбовавшись сценами из питерской жизни XIX века, Антон предупредил друзей, что он сейчас еще чуток увеличит мощность временного портала. «Яйцо» запульсировало сильнее и медленно стало увеличиваться. Скоро оно стало размером с блюдце. Все происходящее в прошлом теперь можно было увидеть более отчетливо.

Друзья пододвинули к «экрану» кресла и с комфортом стали любоваться Петербургом середины XIX века. Скажем прямо, зрелище было весьма занятное. Все происходящее мало походило на кадры из исторических фильмов, где актеры играли, а здесь люди – жили. Увиденное было реальностью.

Они с интересом изучали моду того времени, так мало походившую на нынешнюю. Мужская одежда выглядела на редкость тускло. Представители сильного пола носили сюртуки, преимущественно черного цвета, и темные брюки, чаще всего однотонные. Но иногда брюки были в клеточку. Клетчатými же были жилеты, надетые под сюртук, и галстуки.

Антон обратил внимание на то, что почти все мужчины гуляли с тростями, легкими, бамбуковыми, или тяжелыми, выточенными из ценных пород дерева, с массивными набалдашниками.

ками. У многих на груди на золотой цепочке висели лорнеты, а у некоторых в глаз был вставлен монокль.

Куда ярче выглядели представительницы прекрасной половины рода человеческого. Почти все они были затянуты в узкие корсеты, а их широкие юбки раздувались колоколом. С плеч дам спускались мягкие косынки, а шляпы-кибитки закрывали бледные лица кокетливых красавиц. У многих в руках были кружевные зонтики, которыми дамы защищались от яркого летнего солнца. Загар в те времена был не в моде.

Александр обратил внимание на то, что на улице никто не курил. Словно все петербуржцы вняли предупреждению Минздрава и разом избавились от пагубной привычки. Но порывшись в памяти, он вспомнил, что желание сберечь жизнь и здоровье здесь ни при чем. Просто император Николай I, дабы предотвратить пожары, губительные для русских городов, категорически запретил курение на улицах. И надо сказать, что этот запрет строго соблюдался.

Почему Александр решил, что его друг угодил во времена царствования Николая I? Да потому, что проходившие мимо двое солидных мужчин в вицмундирах и фуражках в разговоре громко ругали «мерзавца Канкрин и его дурацкую реформу». Александр же знал, что знаменитая денежная реформа министра финансов России Егора Францевича Канкрин началась 1 января 1840 года. Поскольку же люди на улице были одеты довольно легко, а на деревьях была свежая зелень, все происходило в конце весны – начале лета 1840 года.

Вволю налюбовавшись снующими туда-сюда петербуржцами, друзья решили провести эксперимент по перемещению из настоящего в прошлое какого-нибудь материального предмета. Посмотрев на огрызок яблока, которое только что закончил грызть Алексей, Антон взял тот с тарелки и с видом Ньютона, открывшего закон всемирного тяготения, издал боевой клич: – Первый, пошел! – и бросил огрызок в центр пульсирующего «блюдца».

Вопреки ожиданию, ничего страшного не произошло. Раздался тихий звон, и огрызок улетел в прошлое. Минут через десять его обнаружил на тротуаре могучий бородатый дворник в белом фартуке с большой метлой в руках. Недовольно ворча, труженик метлы смахнул огрызок из будущего в берестяной совок и выбросил его в ящик для мусора, стоявший у подъезда дома. Хотя этот огрызок отныне должен был храниться не в ящике для мусора, а в солидном музее, как первый материальный объект, пересекший границу времен.

Друзья переглянулись. Значит, машина времени могла не только служить средством наблюдения за прошлым, но и беспрепятственно перемещать туда материальные предметы.

– Интересно, – задумчиво сказал Алексей. – Огрызок – это здорово... А вот как насчет живого организма?

– Подопытных кроликов и морских свинок у меня нет, – отрезал Антон, – не держим-с, тут вам не зоопарк. – Неожиданно взгляд изобретателя остановился на мирно дремавшем на диване коте Мурзике. Тот был любимцем хозяина. Кошачка привезли Антону из деревни. Кот был умным, на удивление чистоплотным и ласковым животным. Лишь один грешок был у него – он подворовывал хозяйскую еду, оставленную без присмотра на кухонном столе. Но с этой криминальной привычкой своего любимца Антон давно уже смирился.

Кот был измерен, взвешен, с помощью Алексея, и признан годным для того, чтобы стать заменителем собак-космонавтов – Лайки, Белки и Стрелки. Мурзику досталась почетная миссия – стать первым в мире живым существом – времяпроходцем.

Антон прикинул, что кот свободно пройдет в открытый межвременной портал и, погуляв в прошлом, сможет вернуться в родное время. Если он, конечно, этого захочет. Коты ведь они такие – гуляют сами по себе. Найдет себе там хвостатую зазнобу, свою пра-пра-пра... Ну, в общем, дальнюю родственницу, и его путешествие затянутся на неделю, если не больше.

Для того чтобы Мурзик стопроцентно вернулся, Алексей предложил побрызгать вокруг места перехода из пульверизатора настоем валерьянки. А втянуть кота назад Антон решил используя старый трюк с шарфом – кошка любил качаться, вцепившись в него когтями.

Перед тем как запустить в прошлое Мурзика, Антон решил еще раз проверить все свои расчеты. Все же кошак – его любимая животинка, и случись с ней что-нибудь нехорошее, он потом себе этого никогда не простит.

И вот, наконец, все было готово. Включив машину и дождавшись, когда портал снова откроется, Антон взял в руки хвостатого Колумба и легким толчком отправил его в 1840 год. Кот даже не успел сказать историческое «мяу».

– Это маленький шаг для одного кота, – торжественно, голосом Левитана сказал Александр, – но великий – для всего человечества... Фанфар не надо! Кто тут последний за Нобелевской премией?

Потом, убедившись, что с Мурзиком все в порядке, он позвал его:

– Эй, животное, иди назад, домой. Кис-кис-кис...

Но кот не желал его слушать. Он невозмутимо развалился на брусчатке тротуара и стал приводить себя в порядок, всем видом напоминая присутствующим о важности личной гигиены.

– Быстро давайте сюда валерьянку, – яростно зашипел приятелям Алексей. – Кажется, ему там понравилось.

Тем временем кот приступил к вылизыванию своего нетронутого ветеринаром мужского достоинства. Оказавшаяся в двух шагах от него девица, гулявшая по улице со своей пожилой родственницей, густо покраснела и заслонила от созерцания кота-охальника раскрытым кружевным зонтиком.

Увидев эту непристойную сцену, дворник, неподвижно, словно часовой, стоявший у ворот дома, грозно замахнулся метлой на невоспитанное животное. Возможно, что это телодвижение навсегда бы разлучило Мурзика с его любимым хозяином и родным временем, но тут через портал наружу вылетел кончик шарфа, смоченный валерьянкой. Забыв обо всем на свете, кот с диким воплем вцепился в шарф, и тут же был втащен обратно в XXI век. Нечаянные свидетели этого события торопливо закрестились, поминая вслух нечистого.

Алексей, внимательно осмотрев слегка ошалевшего от всего пережитого первого в мире четвероногого хронопутешественника, заявил:

– Кот как кот, ничего особенного, усы лапы и хвост...

Тут, вырвавшись из цепких докторских рук неблагодарное животное помчалось на кухню – организовывать набег на котлеты, опрометчиво оставленные хозяином на столе без присмотра. А двуногие свидетели его подвига горячо стали обсуждать увиденное.

– Значица, так, друзья мои, – сказал Александр голосом Глеба Жеглова, – дело ясное, что дело темное. Объявляю нашу теплую компанию мобилизованной и призванной. Слово предоставляется мне.

То, что изобрел Тоха, друзья-товарищи, и в самом деле не налазит ни на одну голову. Вижу в этом изобретении как великие возможности, так и не менее великие неприятности. Поскольку кто виноват и так ясно, ставлю на обсуждение второй вопрос повестки дня: что делать?

– Э-э-э, Шурик... – произнес Антон, – не слишком ли резко?

– Не слишком, Тоша, не слишком, – неожиданно серьезно сказал Александр. – А что, если бы тот здоровенный мужик с метлой полез к нам в будущее вслед за котом? Ты только представь себе – тушка дворника провалилась к нам, а голова осталась бы в прошлом. Представляешь, какая получилась бы расчлененка? Убойный отдел на уши бы встал! А кровячки было бы не меньше ведра. Такого добра я на службе насмотрелся вдоволь. – Алексей кивнул, подтверждая слова друга, и бывший опер продолжил: – А я как-то не горю желанием стать фигурантом уголовной хроники.

– Ну что вы, ребята, – примирительно сказал Антон, – ну, не дотумкал я, и что?

– Не дотумкал он, понимаешь... – проворчал Александр. – В общем, граждане-изобретатели, правила техники безопасности гласят, что если ты лезешь в какое-либо опасное место, то рядом должен стоять друг и держать руку на расстегнутой кобуре. А еще желательно иметь рядом готовую к применению медицину. Медицину обеспечит Леха, а руку на кобуре, пока ты тут экспериментируешь, я подержу сам. Завтра же притащу свою «Сайгу». Всем все ясно?

– Так точно, гражданин начальник! – хором рявкнули Антон с Алексеем.

– То-то же, – проворчал Александр. – Покончив с техникой безопасности, перейдем к долгосрочному планированию операции. – Друзья тяжело вздохнули, а Александр, сделав вид, что не заметил этого, продолжил: – Любая операция начинается с чего? Вы угадали, с разведки. А первое правило разведчика – быть незаметным. Поэтому необходимо достать прикиды, аналогичные местным, и научиться их носить. В случае контакта с властями лучше всего косить под иностранцев...

– Прививки надо сделать, – вздохнул Алексей, – все, какие возможно. И обязательно от гриппа.

– А грипп-то зачем? – спросил Александр.

– А грипп – это не для защиты нас от их болезней, а наоборот, – ответил Алексей. – Ты же не хочешь, чтобы, не дай Бог, конечно, после нашей прогулки по столице империи Петербург вымер бы от эпидемии вроде знаменитой «испанки»? Тогда народу поумирало больше, чем было убито за четыре с лишним года Первой мировой войны.

– Тоже верно, – кивнул Александр. – Итак, друзья-товарищи, подготовительный период по освоению просторов XIX века предлагаю считать открытым.

Я, например, возьму на себя построение костюмов. Есть тут у меня одна дамочка – делает все, от набедренной повязки до космического скафандра. К тому же она, как я помню, шьет реквизит для «Ленфильма» и некоторых театров. То есть историю костюма знает.

Тоха же ведет наблюдение. Только, ради бога, сделай так, чтобы сюда не залетали посторонние предметы и их владельцы.

Леха обеспечивает иммунизацию контингента. Сроку на все про все – десять дней. Если управимся раньше – честь нам и хвала. Вопросы есть? Вопросов нет. Военный совет предлагаю считать законченным. Кто за? Кто против? Единогласно. Вольно! Разойдись! Можно покурить и опраться...

Мальбрук в поход собрался

Вернувшись поздним вечером домой, Шумилин долго размышлял над тем, чему он оказался свидетелем в квартире своего школьного друга. Его весьма заинтриговала возможность побывать в прошлом и своими глазами увидеть Петербург XIX века.

Дело в том, что еще во время службы в милиции, в свободное от розыска разных мазуриков время, он увлеченно штудировал историческую литературу, пытаясь разобраться в хитросплетениях событий далекого прошлого России. Пытаться понять, что же все-таки происходило в России и за ее пределами, было для него не менее увлекательным занятием, чем раскрыть самое запутанное преступление. К пенсии у него собралась довольно большая библиотека, в которой имелись книги по истории, сборники документов, мемуары военных и политических деятелей.

Поэтому бывший опер принял открытие школьного друга как подарок судьбы. По старой привычке он решил составить план грядущей разведывательной вылазки в прошлое.

Прежде всего, надо было соответствующим образом экипироваться. Это значило, что надо не только добыть одежду того времени, но и придумать соответствующую легенду на случай различных непредвиденных ситуаций.

И еще – брать или не брать с собой оружие? А если брать, то какое именно? Вариантов было несколько. Можно взять «Сайгу» и травматик. Но карабин трудно спрятать под одеждой, а если его носить открыто, то необычное для того времени оружие привлечет ненужное внимание. Травматик же на какое-то время сможет вывести из строя оппонента, но против тогдашнего кремневого пистолета, «Оса» или «Макарыч» не потянут. Как быть?

Конечно, можно попытаться нелегально добыть боевой ствол. Для отставного опера задача достаточно простая. Но случись что, и незарегистрированное оружие может отправить своего владельца не в прошлое, а в места, где люди валят лес и любят северным сиянием. Такой вариант Александра не устраивал.

Другое дело – создать тайник, или еще лучше – постоянную базу в прошлом. Тогда оружие будет находиться вне юрисдикции российских правоохранительных органов. Над этим стоило подумать. И Шумилин сделал пометку в рабочем блокноте.

Теперь насчет того, что можно было приобрести легально. Например, бронежилеты. Хороший броник скрытого ношения потянет на несколько десятков тысяч рублей. Деньги немалые. Конечно, Тоха может подкинуть грошей на парочку бронежилетов, но в дальнейшем надо будет покумекать насчет дополнительных источников финансирования. И Шумилин опять зачиркал ручкой по странице блокнота.

Теперь о базе. Ее надо создавать. Лучше всего завести в Петербурге какой-нибудь бизнес. Или, как говорили в те времена, дело. А еще лучше – приобрести недвижимость. Надо порыться в своих архивах и узнать, как это лучше сделать... Но опять все упирается в деньги. Причем не наши родные рубли и даже не заморские баксы. Надо раздобыть деньги того времени. В рабочем блокноте Шумилина появилась еще одна строчка.

А теперь о главном – для чего все это? Как любят говорить гаишники, «Если вы хотите перейти улицу, то прежде всего подумайте – а надо ли ее вообще переходить?» Путешествовать во времени лишь для удовлетворения собственного любопытства? Или для того, чтобы сделать что-либо полезное России?

Например, расстроить дуэль Лермонтова и Мартынова. Она состоится в Пятигорске на будущий год, а зимой 1840–1841 годов поэт будет в Петербурге... И Александр снова взялся за ручку.

Возможно мягкое вмешательство извне и в политические вопросы. Но для этого необходимо найти «доступ к телу». По мемуарам и документам того времени Александр был осведомлен о том, что император Николай I был недоверчивым и скрытным человеком. К нему было трудно подобрать ключик.

Но не был и тупым ретроградом, каким любили его изображать и в советской, и в российской либеральной исторической литературе. Николай Павлович чутко реагировал на информацию, поступающую из самых различных источников. У него была привычка лично вникать во все, что вызывало интерес и являлось из ряда вон выходящим. Значит, надо найти подходы ко двору царя. Для этого есть несколько вариантов, над которыми стоит подумать.

А поводы для вмешательства во внешнюю политику были. К примеру, в 1841 году Российско-американская компания продала свои владения в Калифорнии – Форт-Росс, который находился в сотне километров от нынешнего Сан-Франциско. Причем скорее даже не продали, а отдали даром, потому что покупатель недоплатил Российско-американской компании три четверти обещанной цены...

А через семь лет после продажи в тех местах, которые отошли недобросовестному приобретателю, было найдено золото, и началась знаменитая «Калифорнийская золотая лихорадка». И Александр опять сделал пометку в блокноте.

Так, мало-помалу его блокнот стал заполняться все новыми и новыми записями. Оказывается, нелегкое это дело – путешествовать во времени!

* * *

На следующий день он отправился к старой знакомой. Ольга Румянцева зарабатывала на жизнь тем, что шила костюмы для питерских театров и для реконструкторов, обожающих устраивать посиделки с выпивкой в старинном стиле. У нее-то он и хотел проконсультироваться по поводу моды того времени. Ну, и если повезет, заказать костюм для себя.

Ольга Валерьевна Румянцева была тридцатилетней, одинокой и бездетной. Вообще-то она в свое время закончила финансово-экономический институт. Но заниматься бумагами и сводить дебет с кредитом ей не хотелось. Скучно и неинтересно. Авантюрный характер часто толкал ее на разные экстравагантные поступки. Типа занятия йогой и каратэ.

Еще в юности Ольга обожала шить. Причем не сарафаны и халаты, а платья и костюмы, какие носили ее любимые герои исторических романов. Вскоре она могла вполне профессионально сшить фрак, вицмундир или кафтан. Особенно Ольга обожала тот период в истории России, когда жили и творили ее любимые Пушкин, Лермонтов, Гоголь Тургенев, Крылов и Жуковский. Поэтому лучшего специалиста в этой области Шумилин вряд ли смог бы найти.

Ольга Румянцева жила в старой однокомнатной квартире на Лиговке. Ее жилище напоминало одновременно и ателье, и костюмерную «Ленфильма». Повсюду на плечиках висели уже готовые или только начатые мужские и женские костюмы времен «Пиковой дамы» и «Героя нашего времени».

– Чем обязана твоему визиту? – кокетливо спросила Ольга после взаимных приветствий. – Если мне память не изменяет, последний раз мы виделись...

– Да... – задумчиво сказал Шумилин, – как быстро летит время...

– И не говори, – хозяйка легким движением смахнула со старинного венского стула какие-то лоскутки и маленькой ножкой в расшитой бисером туфельке подвинула его Александру, предлагая садиться.

– Спасибо, – поблагодарил тот. Присел, немного подумал, и перешел к делу:

– Ольга, не могла бы ты сшить несколько мужских костюмов, какие носили в начале 40-х годов XIX века?

– А зачем они тебе? Ты что, под старость лет в реконструкторы или ролевики решил податься? – подозрительно спросила его Ольга.

– Ну, что-то вроде этого, но не совсем, – довольно туманно ответил ей Александр. – Мы тут с приятелями решили снять любительский фильм о временах императора Николая Павловича. Хотим, чтобы все было натурально. Заплатим хорошо, не обидим. Но сделать все надо побыстрее... Так как, ты возьмешься?

– Гм, темнишь ты что-то, – ухмыльнулась Ольга, – ну, да ладно... «Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы», – хозяйка процитировала Святое Писание.

– «Не торопись языком твоим, и сердце твое да не спешит произнести слово пред Богом; потому что Бог на небе, а ты на земле; поэтому слова твои да будут немноги», – Александр ответил ей фразой из Екклесиаста. – Итак, с чего начнем? Что бы ты посоветовала сшить, для того чтобы внешне быть похожим на человека из того времени?

Ольга улыбнулась, и с видом маститого преподавателя начала лекцию:

– Что носили в начале 40-х годов XIX века? О женских костюмах разговор отдельный. А вот мужчины тогда выглядели весьма импозантно. Люди из приличного общества носили фраки и сюртуки. Цвет чаще всего был черный. К ним надевали темные брюки, а к цветным сюртукам – светлые гладкие и цветные клетчатые брюки.

Кстати, брюки тогда называли панталонами, – улыбнулась Ольга. – Панталоны держались на уже вошедших тогда в моду подтяжках, а внизу оканчивались штрипками, что позво-

ляло избегать складок. Для мужского костюма использовали дорогостоящие шерстяные ткани. Бальные фраки шили из бархата, жилет – из разноцветной парчи.

Ну, а жилеты, галстуки и носовые платки были исключительно в клеточку. Впрочем, существовали и другие варианты. Например, у императора Николая Павловича была гражданская пара, которую он надевал в зарубежных вояжах. Так вот, как вспоминали современники, жилет императора был сплошь расшит синими цветочками. А что, – улыбнулась Ольга, – очень даже оригинально и креативно!

Вообще же пестрота в мужской одежде считается признаком дурного вкуса. Считалось, что это чисто дамские выверты. – Ольга заговорщицки подмигнула Александру. – Впрочем, сие не касалось тогдашней российской творческой интеллигенции. К примеру, Иван Сергеевич Тургенев носил синий фрак с золотыми пуговицами в виде львиных головок, серые клетчатые панталоны, белый жилет и цветной галстук.

Да, и еще вот о чем надо помнить, – Ольга взяла стоявшую в углу комнаты щегольскую трость с набалдашником, инкрустированным стразами, и ловко крутанула ее перед носом своего гостя, – запомни, в то время повсеместно носили трости. К примеру, если человек был в цилиндре и фраке, то без трости он просто не мог выйти из дома. Трости были разные – от простых деревянных палок до комбинированных устройств. В продаже были трости-палатки, трости-портсигары, трости-гамаки, трости с компасом и географической картой, трости с часами. Трости были тонкими с круглым набалдашником, толстые бамбуковые и деревянные – «бальзаковские».

А ты не смейся, – нахмурилась Ольга, увидев, как развеселился Шумилин, наблюдавший за ее экзерцициями с тростью, – это очень важно, как человек держит трость в руках. Бальзак говорил, что по тому, как вы держите трость, можно сделать выводы о вашем характере.

– А были трости-оружие? – поинтересовался Александр.

– Естественно, были, – ответила хозяйка дома и встала в фехтовальную позицию, уперла левую руку в бок, выставив трость, как рапиру, – трости служили ножами для стилетов и даже шпаг. Массивную трость использовали как палицу.

И она снова стала махать тростью, словно Джеки Чан. Александр вспомнил, что помимо шитья костюмов Ольга умела еще кое-что. Например, съездить своей очаровательной ножкой противнику в челюсть.

– Да, вот еще что, – добавила Ольга, поставив, наконец, трость в угол и присев на изящную кушетку, – надо уметь правильно держать руки. На прогулке не занятые тростью и не поддерживающие даму руки закладывали в карманы редингота, сюртука или за спину.

Запомни еще, что в те годы, независимо от остроты зрения, было принято носить лорнет, лучше складной. Оправа могла быть изготовлена из золота, бронзы или панциря черепахи. Лорнет носили на цепочке на шее, закладывали его за вырез жилета или в горизонтальный карман на брюках чуть ниже пояса, или прикрепляли к пуговице фрака. На балу этот лорнет доставали, и кавалеры с его помощью разглядывали дам – «лорнировали».

– Впрочем, – с улыбкой заметила Ольга, – за слишком явное «лорнирование» девицы на балу или на спектакле, ее воздыхатель, если, конечно, таковой имелся, мог послать нахалу вызов на дуэль.

Примерно тогда же в моду стал входить монокль. Он мог быть как овальной, так и прямоугольной формы. Монокль носили на шнурке или цепочке, прикрепляя к верхней пуговице фрака или сюртука. Употребление этого прибора требовало немалого искусства. Полагалось элегантно приподнять надбровье, «принять стекло», а затем небрежным движением выбросить его из глаза...

Ну, а люди пожилые и консервативные носили обычные очки в металлической – даже золотой, или роговой оправе – в зависимости от достатка.

Тогда же в моду вошли вышитые бисером кошельки и бисерные цепочки для часов. На бисерных цепочках носили часы в жилетных карманах. Концы не завязанного галстука – ах, если бы ты знал, сколько труда и умения требовалось его завязать по моде тридцатых годов! – вздохнула Ольга, – скальвали на груди булавками с жемчужиной, камеей или драгоценным камнем.

Последней «вольностью» для мужчин того времени были пуговицы на рубашках и жилете, которые делались либо из подлинных драгоценностей, либо из их имитации.

Впрочем, провинция была консервативной, и люди там донашивали костюмы, сшитые по моде предшествующего десятилетия. Особенно это касалось отставных военных. Они еще долго носили свои мундиры, «времен очаковских и покоренья Крыма».

Ну, что еще добавить? – задумалась Ольга. – Еще непременно атрибутом человека из общества были карманные часы. Их носили либо на короткой цепочке с брелоками, висящей из жилетного кармана, либо на длинной цепочке, которую надевали через голову.

– А что в те годы носили на голове? – поинтересовался Шумилин, машинально поглаживая свои редущие волосы с довольно приличной уже плешью на макушке.

– Самым распространенным тогда головным убором был цилиндр, – ответила Ольга. – Он появился в восемнадцатом веке, и позже не раз менял цвет и форму. Существовал и складной цилиндр – шапокляк: на стальной пружинный каркас натягивался кусок шелковой материи. Особенно удобен он был в театре. Можно было сложить его и убрать под кресло.

А во второй четверти девятнадцатого столетия в моду вошла широкополая шляпа – боливар, названная в честь южноамериканского военного и политического деятеля Симона Боливара. Такая шляпа означала не просто головной убор – она указывала на либеральные взгляды ее владельца. Впрочем, боливары носили чаще всего люди молодые, фрондирующие, поэтому для твоего возраста он вряд ли подойдет.

– Да, – озадаченно промолвил Шумилин, – сложная эта наука – история костюма.

– А ты думал, – подмигнула ему Ольга, – но нет таких крепостей, которые не смогли бы взять большевики! Итак, приступим. – Она взяла с полочки у швейной машины матерчатый метр и властным жестом указала гостю на коврик рядом с кушеткой.

Александр вздохнул, покорно снял пиджак и приступил к самой неприятной для него в жизни процедуре – снятию мерки для шитья костюма...

В 1840 году в России и не только

Российской империей вот уже пятнадцать лет правил император Николай I. Было ему тогда сорок четыре года. Государь был полон сил и здоровья. После восстания мятежных гвардейских полков на Сенатской площади, царь подозрительно посматривал на любые попытки вольнодумства, и строго карал всех смутьянов.

Для того в 1826 году при Императорской канцелярии было создано III отделение, своего рода тайная полиция. Штат ее был мизерным для такой огромной страны, как Российская империя – всего двадцать восемь человек. Правда, год назад к III отделению ЕИВ канцелярии присоединили Корпус жандармов. Причем оба управления, III отделение и Штаб Корпуса жандармов под главным ведением генерал-адъютанта графа Бенкендорфа, подчинялись генерал-майору Леонтию Дубельту. Но численность жандармов тоже была небольшой – чуть менее трех тысяч человек.

На Кавказе который год шла война с упрямыми горцами, поддерживаемыми Турцией и Великобританией. Шамиль, став имамом Дагестана и Чечни, начал готовится к долгой и бескомпромиссной войне с «неверными».

В царствование Николая I открываются новые учебные заведения, строятся фабрики и заводы. В 1837 году началось движение по первой в России железной дороге Петербург – Цар-

ское село. В 1839 году начались две важнейшие реформы Николая Павловича – Финансовая, которой руководил министр финансов Канкрин, и Крестьянская, проводимая министром государственных имуществ Киселевым.

В Британии же правила юная – всего двадцать один год – королева Виктория. Некоторое время у нее был бурный роман с цесаревичем Александром Николаевичем, который путешествовал по Европе в поисках невесты. Но брак между королевой и русским принцем не состоялся. Цесаревич Александр женился на гессенской принцессе Максимилиане Вильгельмине Августе – в крещении Марии Александровне. А королева Виктория вышла замуж за своего кузена, герцога Альберта Саксен-Кобург-Готского.

Британия, еще не ставшая империей, вела активную колониальную экспансию по всему миру. В феврале 1840 года она наложила свою тяжелую руку на Новую Зеландию. Солдаты в красных мундирах вломились в Афганистан, но в Парванском ущелье были разбиты воинственными пуштунами.

В Китае началась 1-я Опиумная война.

Во Франции правил «король-груша» – Луи-Филипп I, представитель Орлеанской ветви Бурбонов. Это был король банкиров, а не аристократов. Именно при нем французская армия вторглась в Алжир.

В Пруссии правил, точнее доживал свои последние дни король Фридрих Вильгельм III. Он умрет в июне 1840 года, и новым королем Пруссии станет его сын, тоже Фридрих Вильгельм, только под номером IV.

Будущая звезда германской внешней и внутренней политики Отто фон Бисмарк был еще совсем юнцом, и в своих померанских поместьях занимался повышением их доходности, не помышляя пока о карьере дипломата и государственного деятеля.

Австрийским императором был тогда Фердинанд I, страдающий эпилепсией и водянкой головного мозга. Он был недееспособен, и потому руководил всей внутренней и внешней политикой двуединой империи канцлер Меттерних. Это был ярый русофоб, и политика его целиком была нацелена на создание максимальных неприятностей Российской империи.

Италии как таковой еще не было, но созданная политэмигрантом Мадзини организация «Молодая Италия» уже готовила восстания против королей, герцогов и графов. Джузеппе Гарибальди в это время воевал в Южной Америке на стороне мятежных бразильских и уругвайских провинций.

Испанией формально управляла малолетняя наследница престола Изабелла II, а фактически – военные хунты, сменявшие друг друга.

В САСШ В 1840 году состоялись выборы, на которых Гаррисон и Тайлер от партии вигов выиграли у Ван Бьюрена и Джонсона от демократической партии. Причем Ван Бьюрена обвиняли в том, что экономика при нем пришла в упадок (отсюда прозвище Ван Бьюрена – Ван Руин, от *ruin* – руина). Вице президентом при нем был Ричард Джонсон – убийца легендарного Текумзе – вождя индейцев шауни.

В общем, время было веселое...

Колдуй баба, колдуй дед...

Попрощавшись с друзьями, Антон снова внимательно осмотрел свое детище. Ему хотелось прикинуть – на что еще способна созданная им машина, и как с ее помощью перемещать крупногабаритные грузы.

Остаток вечера и половину ночи он провел за компьютером, просчитывая все возможные режимы работы агрегата. Прорисовывались кое-какие новые возможности. Кроме того, в голове у изобретателя возникла мысль сделать что-то вроде «времядетектора» – прибора, с помощью которого можно будет фиксировать работу портала. Такой прибор очень пригодился

бы путешественникам во времени – с его помощью на расстоянии можно было обнаруживать место «пробоя» и находить к нему кратчайший путь.

«Времядетектор» Антон собрал на следующий день. Прибор получился компактным и внешне похожим на небольшой тестер. Включив на пару минут машину времени, Антон вышел на лестницу, и сразу же с его помощью засек работу портала. Похвалив самого себя, Антон спрятал прибор в дорожную сумку. Он собрался навестить старого приятеля по НИИ, который одно время вместе с ним работал по этому проекту.

Приятель жил в Кировске – райцентре Ленинградской области. Город этот расположен на берегу Невы, недалеко от Шлиссельбурга. Добраться до него можно было по трассе «Кола». На автомашине – всего ничего, если конечно, не угодишь на выезде из Питера в пробку.

Юрий Тихонов – так звали его знакомого, был рад встрече. Он был старым холостяком. С его помощью Антон сумел когда-то найти несколько интересных решений, которые теперь, когда проект доведен до ума, могли существенно повысить мощность машины времени. Естественно, Антон не стал раскрывать перед приятелем все карты, сказал лишь, что хотел бы воплотить в жизнь кое-что из задумок молодости. Но Юрий, покачав уже изрядно облысевшей головой, сказал, что на прежних проектах он давно поставил крест, и теперь у него другое увлечение – история.

А потом они сели пить чай, и Юрий с увлечением стал рассказывать Антону о достопримечательностях Шлиссельбурга и его окрестностей.

Как человек любознательный, Антон с удовольствием слушал друга. Тем более что тот рассказал кое-что весьма для него интересное. Особенно заинтриговало Антона сообщение об одном таинственном объекте на окраине Кировска, носящем название «Красные сосны». Юрий прочитал гостю отрывок из книги Михаила Пыляева «Петербург и его окрестности». Вот что там было написано.

«В верстах двенадцати от Шлиссельбурга находится одно из урочищ, известное по пребыванию здесь великого преобразователя России. Стоить оно не вдалеке от Невы; на лужайке, посреди некогда густого соснового леса, название ему „Красные сосны“. Здесь останавливался Великий Петр на походе из Шлиссельбурга к Ниеншанцу; самые сосны, составлявшие круга, были посажены тогда солдатами на расчищенном месте для палатки Петра.

О Красных Соснах есть и древнейшие предания и даже одно легендарное, относящееся ко временам язычества. Древние финны совершали жертвоприношение своим богам Перкелю и Юмале в священных рощах. Под Красными Соснами, на высоком берегу Невы, и была такая священная роща; где чинится суд старшин; собиралось народное вече и приносились жертвы.

За несколько десятков лет тому назад Красные Сосны были обнесены забором, и одна из них росла посреди луга. Одинокую сосну тамошние жители признавали священным деревом. Кем была посажена эта сосна, предмет обожания? – предание не отвечает. Существует еще и другое предание, что на месте Красных Сосен, по водворении в земле финнов христианства, был сооружен храм – это подтверждает Павел, абовский епископ, который писал, что близь дороги в Нотебург, в лесу, находился монастырь.

Вот и существующая у финнов легенда о здешней местности. Когда, несколько сот лет назад, между Швецией и Россией происходила кровавая война, русские постоянно побеждали; неожиданно к шведам прибыл новый полководец Понтий Делагарди. Это был человек необыкновенный и находился в тайной связи с духами, при участии которых и стал побеждать русских. Делагарди проходил леса, горы и болота, с невероятного быстротой. Одно имя его приводило в ужас неприятелей. Однажды после побоища Делагарди

расположился на отдых, избрав место у Красных Сосен. Когда вождь заснул, у него мгновенно выросло на шее огромное дерево. Сильная тяжесть заставила Деллагарди проснуться. Хотя ему трудно было сдвинуть с себя чудное дерево, однако он успел сделать это при помощи злого Перкеля. Это происшествие Деллагарди приписал божескому гневу. Собрав свое войско, он немедленно отправился в дорогу и исчез. С тех пор его никто не видал».

Антон выслушал историю о чудо-дереве и о странной судьбе Деллагарди с большим интересом. Было в ней нечто, что заставило Антона встрепунуться и почувствовать, что информация сия окажется для него нужной и полезной. Он расспросил Юрия о том, как добраться до упомянутого в книге места, и попрощался с ним, обещав заглянуть в самое ближайшее время. Сев в машину, Антон отправился в сторону Красных сосен.

Свернув на Набережную улицу, он доехал до угла улицы Победы. Здесь, у памятника царю Петру, Антон припарковал машину.

Достав из сумки «времендетектор» и включив, Антон направил его в сторону деревьев, росших на берегу Невы. Прибор зашкалило! Если верить его показаниям – а причин не верить не было, – то получалось, что где-то здесь был знатный пробой во времени. Неизвестно было, можно ли с его помощью попасть в прошлое или будущее, но рассказ о старинном капище ижоры и о таинственном происшествии с Деллагарди, возможно, не был обычной выдумкой.

Обойдя с «времендетектором» в руках местность, прилегающую к памятнику Петру I, Антон определил участок, где прибор показывал наибольшие отклонения стрелки.

Всю дорогу до Питера он молчал, осмысливая увиденное и услышанное. В голове появился план по использованию «Кировского феномена»...

Береженого и Бог бережет

Ну, а Алексей Кузнецов как человек самой гуманной профессии занялся медицинским обеспечением предстоящей экспедиции в будущее. Для начала он порылся в специальной литературе, где описывались наиболее крупные эпидемии в истории России и Петербурга.

Самой известной была эпидемия холеры, пиком которой стал «Холерный бунт» 1831 года. Болезнь эта начала свой путь в 1827 году из Азии. Борьба с ней была тяжелой. Миновав карантин, она зашагала по России. Власти вели борьбу с этим бедствием, но так, что все старания медиков вызывали лишь стихийные бунты.

Причин для недовольства было много. Например, неумеренное употребление врачами хлорной извести. Стараясь обеззаразить воду, эскулапы и их помощники сыпали горстями хлорку в колодцы и пруды. Да так, что потом люди получали отравления, часто смертельные. А в прудах дохла рыба.

Учитывая, что значительная часть врачей была немецкого происхождения, среди народа поползли слухи о том, что «лекари-немцы специально травят православный люд».

Холерные бунты вспыхнули в Тамбове, Новгородской губернии, Севастополе и Санкт-Петербурге. Часто они сопровождались убийствами медиков. Во время холерного бунта в Старой Руссе было убито восемнадцать офицеров, врачей, фельдшеров и священников. Толпа подвергала пыткам офицеров, заставляя их признаваться в «отравлениях» и подписываться под этими «признаниями».

Первые случаи заболевания холерой были отмечены в Петербурге в июне 1831 года. Очевидцы вспоминали, что столица Российской империи являла тогда собой страшное зрелище. По пустынным улицам разъезжали зловещие холерные возки. На мостовой лежали трупы, которые еще не успели убрать. На кладбище везли и везли гробы. В день умирало по шесть сотен человек.

При первых признаках холеры Николай I и его двор выехали в Петергоф. Люди состоятельные тоже поспешили покинуть столицу.

Ну, а простой народ был предоставлен самому себе. Поползли слухи, что холеру в Питер завезли иностранцы, чтобы «переморить простой народ и сделать город сплошь немецким». Со второй половины июня в Петербурге начались погромы: толпы обезумевших людей останавливали и разбивали санитарные кареты, в которых везли больных, и выпускали их. Народ, дошедший до полного озверения, вступал даже в схватку с полицией.

Самый большой погром был устроен на Сенной площади, где находилась временная холерная больница. Обезумевшая толпа ворвалась в здание, выбила стекла во всех этажах, выбросила в окно мебель, разогнала больничную прислугу и убила двух врачей. Один из них, Дмитрий Дмитриевич Бланк, был родным братом деда Владимира Ильича Ленина по материнской линии.

Перепуганные столичные власти решили применить силу. Дело могло закончиться кровопролитием. Но его предотвратил император Николай I, спешно прибывший в столицу из Петергофа.

Въехав в открытой коляске на Сенную площадь, окруженную войсками, царь прямо из экипажа обратился к народу:

– Учинены были злодейства, общий порядок был нарушен. Стыдно народу русскому, забыв веру отцов, подражать буйству французов и поляков...

И чтобы успокоить народ, он решил лично продемонстрировать всем, что лекари не травят их, пытаются лечить.

Он взял склянку с ртутью (в то время ее использовали в качестве лекарства) и приготовился выпить. Лейб-медик царя Арендт, присутствовавший при сем, бросился к Николаю и предупредил его:

– Ваше Величество, лишитесь зубов! – на что царь спокойно ответил:

– Ну, так вы сделаете мне челюсть. – И спокойно, словно это был стакан его любимой минеральной воды, он выпил ртуть.

Увидев это, народ повалились на колени, а Николай закончил все тем, что подозвал какого-то старика, трижды облобызал его и уехал. Таким образом, царь без кровопролития успокоил народ на Сенной площади, хотя волнения в городе продолжались еще некоторое время.

Но это все касалось холеры. Алексей знал, что предохраниться от этого заболевания можно соблюдая элементарные правила гигиены. Достаточно было не пить сырую воду. Некоторые болезни можно предотвратить прививками. Надо будет сказать будущим хронопутешественникам, чтобы зашли к нему в клинику и подставили для уколов те части тела, которые обычно не показывают посторонним. Алексей мерзко ухмыльнулся, представив своих друзей со спущенными штанами.

Потом он сел за стол и стал набрасывать на листке бумаги список лекарств, которые следовало бы иметь при себе тем, кто отправится в далекий XIX век...

* * *

После визита к Ольге Румянцевой, Шумилин отправил к ней прочих кандидатов в путешественники во времени. Каждый должен был заказать себе костюм с учетом личных вкусов и той легенды, под которой собирался появиться в первой половине XIX века.

На общем собрании, друзья решили изображать среднестатистических представителей той группы населения, которую сегодня принято называть средним классом. То ли дворян среднего достатка, то ли дельцов с претензией на «благородство». Или «почетных граждан» – существовала тогда такая прослойка жителей российских городов.

Пока неутомимая Ольга Румянцева шила для них костюмы и обеспечивала всем необходимым реквизитом, Алексей и Александр старательно штудировали книги об императоре Николае I и его времени. А также о том, как жили не только всем известные исторические личности, но и обычные люди в славном граде Петра.

А жили они, надо сказать, совсем нескудно. Конечно, тогда еще на Руси не существовали такие привычные для XXI века радости, как интернет, видео и мобильник, дискотеки и спортбары. Но зато люди больше общались, посещали театры, балы, места увеселений. Последние же назывались в ту пору «вокзалами». Но к железной дороге, или как ее тогда называли – «чугунке», эти заведения никакого отношения не имели.

Вокзалы – это сады, городские и загородные, в которых владельцы организовывали концерты и дивертисменты с танцевальными вечерами и маскарадами. Само же понятие «вокзал» произошло от названия небольшого британского поместья, расположенного недалеко от Лондона и принадлежавшего Воксу де Броте, где устраивались балы, спектакли и фейерверки.

В России первые вокзалы появились еще при императоре Петре I. Они были платные и бесплатные. А в 1836 году в Павловске был построен первый «вокзал» в том виде, в каком мы сейчас пользуем подобные станционные сооружения. В тот год в России была открыта первая железная дорога, соединяющая Павловск и Царское село с Петербургом.

Общество Царскосельской железной дороги выстроило в Павловске, в числе прочих сооружений, залы для балов и концертов с общей столовой. В самом большом зале находился фонтан, построенный одним заморским умельцем.

Весной 1837 года, по утвержденному Николаем I проекту, на территории Павловского вокзала появились открытые концертные площадки и места для танцев с эстрадой. Здесь выступали известнейшие музыканты и певцы.

Например, в Павловске в течение нескольких сезонов гастролировал сам король вальсов Иоганн Штраус. Правда, это было уже во времена императора Александра II. Таким образом, Павловский музыкальный вокзал служил не только пунктом посадки пассажиров в поезда, но и местом народных гуляний и концертов.

Надо сказать, что полезная привычка гулять на свежем воздухе была распространена среди столичной знати. Даже император Николай Павлович любил поутру пройтись по дорожкам Летнего сада безо всякой охраны. В простой шинели он шел, вежливо раскланиваясь с теми, кого знал лично. Погуляв часик-другой, царь отправлялся по Дворцовой набережной в Зимний дворец, чтобы заняться там государственными делами.

Времена были еще патриархальные, и никто и слыхом не слыхивал про террористов с пистолетом, кинжалом или динамитом.

Александр и Алексей вживались в избранные ими образы, как разведчики перед заброской в страну пребывания. По сути дела они и были такими разведчиками. Первое их посещение Петербурга XIX века было чем-то вроде разведывательного поиска. Только вот задача взять языка пока перед ними не ставилась. Впрочем, мысль о языке Александру понравилась. Вот только кого взять с собой в будущее? Да и надо ли это делать?

И тут он вспомнил одну фамилию. Князь Владимир Федорович Одоевский был одним из умнейших и образованнейших людей того времени. Все в детстве, наверное, читали его сказки: «Городок в табакерке» и «Мороз Иванович»? Князь любил сочинять подобные истории для детишек, и даже написал несколько сборников.

Но мало кто знает, что Одоевский был еще и одним из первых русских фантастов. Им был написан удивительный роман «4338 год», в котором он попытался заглянуть в далекое будущее. И это ему удалось довольно успешно. Во всяком случае, описанный им мир был удивительно похож на наш XXI век.

Князь писал о путешествиях в космос, полете на Луну. Среди описанных им изобретений были приборы, похожие на телефон, кондиционер, ксерокс и многое другое. Одоевский доду-

мался даже до таких, весьма специфических изобретений, как сыворотка правды! И откуда он только обо всем этом знал?!

В своей неоконченной книге (интересно, а почему он ее так и не дописал?) князь рассказывал еще об одном изобретении, удивительно похожем на интернет. В его романе говорилось: «Между знакомыми домами устроены магнетические телеграфы, посредством которых живущие на далеком расстоянии общаются друг с другом». Кстати, упоминались в его романе и некие «зеленые человечки», прилетевшие на неизвестном летательном аппарате в Лондон. Так вот, оказывается, откуда пошла мода на «летающие тарелки» и прочие чудеса уфологии!

Ну, а геополитические прогнозы князя Одоевского были просто потрясающими. В его романе центрами мирового могущества в будущем стали Россия и... Китай. Одним словом, субъект сей был весьма интересный, и надо будет постараться с ним познакомиться поближе.

Антон решил, что именно Одоевский мог бы стать тем «языком», которого можно взять с собой в наше время. Шумилин прикинул, что в будущее князя не придется тянуть силком. Достаточно будет предложить ему своими глазами взглянуть на то, о чем он совсем недавно (роман «4338-й» был начат в 1837 году) писал, и Одоевский сам начнет проситься в XXI век.

Следовало также не забывать, что князь принадлежал к сливкам столичного общества и имел огромные связи при царском дворе. Он мог помочь хронопутешественникам обустроиться в прошлом.

А его знакомства в литературном и музыкальном мире Санкт-Петербурга?! Среди тех, кто ходил в друзьях Одоевского, были такие литераторы, как Белинский и Соллогуб, к которым позднее присоединятся Достоевский и Гончаров. Из музыкантов же в его дом были вхожи Глинка и Алябьев...

Шумилин перечитал всю информацию об Одоевском, которая была в его домашних архивах. В 1840 году князь жил на набережной Фонтанки в доме № 35. Александр хорошо знал это старинное здание, выстроенное в стиле классицизма. В середине XIX века оно принадлежало Его Императорского Величества Канцелярии и было расположено всего в двухстах метрах от Невского проспекта. Надо будет обязательно нанести визит к князю...

«Он сказал: „Поехали!“...»

И вот, наконец, настал, день, который все так долго ждали, и которого, если сказать честно, все немного боялись. К тому времени «кузина-белошвейка» – так мужчины стали называть Ольгу Румянцеву – сделала два костюма для хронопутешественников. И им понадобилась хотя бы пара дней, чтобы обнести новую и непривычную для них одежду.

Антон еще и еще раз проверял и перепроверял свою аппаратуру. Работала она безукоризненно. Явных багов он не обнаружил, все технические параметры были в норме. К тому времени Антон научился немного управлять машиной, и вместо Гагаринской улицы, куда первоначально был пробит временной тоннель, он вывел выход из портала в Летний сад, здраво рассудив, что там, среди зарослей декоративных кустарников и зеленых лабиринтов, появление людей из ниоткуда будет менее неожиданным, чем явление их перед всем честным народом где-нибудь на оживленной столичной улице.

Для подстраховки Шумилин взял с собой в прошлое пистолет ПСМ, одолжив у одного бывшего коллеги. Пистолет был наградной, вполне легальный. Александр пообещал, что в сводке происшествий по городу этот ствол стопроцентно не всплывет. Кроме того, он прихватил баллончик с перцовым газом. Ну, это скорее была защита от тамошних собак. Уж очень не хотелось быть покусанным каким-нибудь Трезором из прошлого. А для психологического воздействия на предков он приготовил нетбук, положив его в небольшой саквояж.

Вроде бы все должно пройти нормально, но друзей бил внутренний мандраж. Чтобы немного успокоиться, они решили выпить для храбрости по сто грамм хорошего дагестанского

коньяку. Ну, и заодно – за удачу, чтобы первое путешествие в прошлое не стало для них последним.

– Крайним, – Александр осторожно, по старой ментовской привычке поправил Антона.

Потом они облачились в непривычную и неудобную одежду – накинули сюртуки, натянули узкие штаны – панталонами их назвать ни у кого язык не поворачивался, – примерили цилиндры и, покрутившись у зеркала, полюбовались друг на друга. Выглядели они, конечно, смешно, но как будто все было на месте. Значит, пора в путь.

Антон включил аппаратуру перемещения на полную мощность. В центре комнаты появился голубоватый мерцающий круг. Сияние стало сильнее, и прибор загудел, как детский волчок. Еще одно нажатие на кнопку, и яркий, переливающийся всеми оттенками синего и изумрудного цвета круг превратился в нечто вроде окна, за которым зеленела листва и был виден кусочек голубого утреннего неба.

Вздыхнув, как перед прыжком в ледяную воду, Антон сказал сакраментальное: «Поехали!» Шумилин взял за руку Алексея и шагнул вместе с ним в неизвестность...

Петербург начала лета 1840 года встретил путешественников ярким солнцем и легким ветерком. Друзья вынырнули из будущего, как и рассчитывал изобретатель, в Летнем саду, в одном из уголков зеленого лабиринта. В это время парк был практически безлюден. Лишь один раз они заметили силуэт всадника, мелькнувший из-за зеленых шпалер – кому-то из любителей утренних прогулок в такой ранний час не спалось.

Часы Петропавловки пробили семь раз. Друзья вышли из ворот сада, полюбовались на знаменитую Фельтеновскую ограду, и побрели по набережной Невы в сторону Адмиралтейства. Вид на Петропавловскую крепость и правый берег Невы показался им немного непривычным. Не было «Дома политкаторжан», знаменитого «обкомовского» дома и крейсера «Аврора». Не было и современного Троицкого, или, как его еще называли по старинке, Кировского моста. А на его месте через Неву был переброшен наплавной Троицкий мост.

Правда, выглядел он весьма нарядно. Порталы, ограждения перил, фонарные столбы были из чугуна художественного литья. Фонарные столбы сделаны в виде пучков пик, увенчанных двуглавыми орлами с венком. Декоративные чугунные и медные детали моста – позолочены, сверкали на солнце.

Времени до визита к князю Одоевскому у них еще было много, и друзья решили побродить по родному, но совершенно чужому для них городу.

Они неторопливо пошли по набережной, с любопытством осматривая Петербург 40-х годов XIX века. Все для них было в диковинку. По Неве медленно плыли парусные корабли, баржи и ялики. Лодочники на пестрых яликах за скромную плату перевозили через реку всех желающих. По бульжной мостовой цокали подкованными копытами кони-тяжеловозы, влекущие огромные фуры с грузами. Мастерской люд спешил на работу. Но и люди, принадлежащие к так называемому «приличному обществу» тоже были видны на улицах Северной столицы в сей ранний час.

По Дворцовой набережной, напротив Мраморного дворца, гостям из будущего повстречался идущий не спеша навстречу высокий военный в темно-зеленом форменном сюртуке с золотыми эполетами и высокой фуражке с белым верхом и красным околышем. Военный выгуливал собаку – черного пуделя с серебристой манишкой и такими же серебристого цвета передними лапами. Подбежав к хронопутешественникам, пудель стал с любопытством обнюхивать их штiblеты и брюки.

– Гусар, быстро ко мне! – командным голосом позвал его хозяин. – Господа, – обратился он к друзьям, – не бойтесь, он не кусается...

Шумилин, у которого дома был свой пес, двухлетний ротвейлер по кличке Сникерс, собак как раз и не боялся. Он улыбнулся и, присев на корточки перед пуделем, почесал тому за ухом. Пес дружески замахал хвостом с кисточкой на конце.

– А мы и не боимся, – с улыбкой ответил военному Александр, – хороший у вас пес, умный, и совсем не злой.

Военный внимательно посмотрел на Антона и Александра голубыми глазами, улыбнулся уголками губ, слегка кивнул и продолжил прогулку.

– Леха, ты знаешь, а ведь я его раньше где-то видел, – Шумилин озадаченно посмотрел на друга.

– Шурик, а ты не ошибаешься? – поинтересовался Алексей. – Ну где ты его мог видеть? В Питере? В Москве? Или во время твоей командировки в Чечню? – Потом задумался и проворчал: – Хотя, знаешь, если честно, то и мне его лицо показалось знакомым...

Шумилин, пройдя еще шагов пять, неожиданно встал, как вкопанный.

– Леха, я вспомнил – это же царь! – изумленно воскликнул он.

– Точно! Государь-император Николай Павлович собственной персоной! – сказал растерянно Алексей и, смущенно прикрыв себе рот ладонью, добавил вполголоса: – Сказал бы мне кто месяц назад, что я буду вот так вот, что называется, лицом к лицу стоять рядом с самим Николаем I – ни за что бы не поверил!

– Между прочим, – уже спокойно сказал Шумилин, – я читал, что у Николая отличная память на лица. А это значит, друг мой, что он нас «срисовал» и при следующей встрече обязательно вспомнит о сегодняшнем разговоре.

Они не спеша дошли до недавно отстроенного после страшного пожара 1837 года Зимнего дворца. Здание блистало свежей краской, и трудно было поверить, что совсем недавно этот великолепный дворец представлял собой обгорелую коробку с закопченными стенами, обуглившимися рамами и кучей головешек внутри.

Друзья прошлись по Дворцовой площади, полюбовались на Александрийскую колонну. Потом прогулялись по бульвару, разбитому перед Адмиралтейством – это о нем писал Пушкин: «Онегин едет на бульвар» – и с любопытством осмотрели практически достроенный, но еще не освященный Исаакиевский собор – бессмертное творение архитектора Огюста Монферрана.

У Медного всадника немного задержались, вспомнив события, произошедшие здесь пятнадцать лет назад. Да, государь-император Николай Павлович был абсолютно прав, разогнав картечью декабрьский дворянский «Майдан». Какую бы кровавую заваруху устроили эти «борцы за свободу», дорвись они до власти! Да еще с учетом нашего российского размаха и широты души. Великая Французская революция в сравнении с Великой Российской смутой выглядела бы веселым водевилем.

Нагулявшись вволю по площади, на которой еще не было конного памятника императору Николаю I работы барона Петра Клодта, они свернули на Большую Морскую улицу, а с нее – на Невский проспект.

Главная магистраль города выглядела непривычно широкой. Вдоль мощенных плитами тротуаров в двух-трех метрах друг от друга стояли невысокие черные чугунные тумбы. По проспекту в разных направлениях двигались дрожки, коляски и кареты самых разных видов. Кареты были в основном четырехместными, на рессорах, с высокими козлами и откидной ступенькой у дверцы. Площадка сзади кузова часто была утыкана острыми гвоздями, а на некоторых каретах были закреплены обручи с остроконечными зубьями. Все это сделано было для того, чтобы вездесущие уличные мальчишки не катались на задках карет.

В Питере уже начался обычный трудовой день. Друзьям сразу же бросилось в глаза обилие военных: солдат в мундирах и офицеров в форменных сюртуках. Высшие армейские чины выделялись среди них высокими треуголками с пучком черных или пестрых перьев.

По проспекту сновали слуги, приказчики, куда-то спешили кухарки и горничные, коробейники на углах бойко рекламировали свой товар. Перед Гостиным двором на углах стояли продавцы калачей и саек, дешевой черной икры (осетры и белуги в то время еще водились в Неве), рубцов и вареной печенки. У некоторых на головах были лотки с товаром, большие лохани с рыбой и кадки с мороженым. Торговцы, лязгая замками и засовами, открывали двери лавок и магазинов.

От шума и криков торговцев у друзей с непривычки даже разболелась голова. Они решили немного отдохнуть и зашли в садик перед Александринским театром, где позднее появится памятник Екатерине Великой работы Микешина. Алексей и Александр решили посидеть на лавочке и обсудить план дальнейших действий.

Гости из будущего

Друзья стали прикидывать – как им лучше построить предстоящий разговор с князем Одоевским. Ведь надо было, ни много ни мало, «завербовать» князя. Несмотря на то что они перечитали сотни книг об эпохе императора Николая I, все равно жители XXI века были чужеродным телом в здешнем петербургском обществе. И им светила здесь роль в лучшем случае забавных иностранцев, на которых любопытно смотреть, но о чем-либо серьезном говорить с ними не следовало бы.

Чтобы стать в этом обществе своими, надо родиться в Санкт-Петербурге XIX века, вырасти, быть воспитанным английскими боннами и французскими гувернерами. А самое главное, быть своим по происхождению. Ведь все знатные дворянские фамилии Российской империи давно уже перероднились и перекумились друг с другом.

Друзья решили, что надо играть с князем в открытую и рассказать ему о том, кто они такие на самом деле и откуда явились. А дальше должны сработать природное любопытство и пытливый ум Владимира Федоровича. Этих качеств, судя по его книгам, у Одоевского было в избытке.

Алексей и Александр встали со скамейки и пошли по Невскому в сторону Фонтанки. Пройдя мимо Аничкова дворца, они свернули направо и вскоре увидели дом номер тридцать пять. Переглянувшись, хронопутешественники решительно вошли в парадный подъезд. Выскочившему навстречу швейцару Шумилин коротко бросил:

– К их сиятельству, князю Владимиру Федоровичу! Проводи нас, любезный.

Швейцар – он же секьюрити, или, как тогда говорили, привратник – профессионально, одним быстрым взглядом оценил нарядные, пошитые по последней европейской моде костюмы незнакомцев, почтительно поклонился и резво засеменил по мраморным ступенькам парадной лестницы.

– Вот здесь живет их сиятельство, – сказал швейцар, остановившись у мощной дубовой двери. Алексей кивнул ему и сунул в ловко подставленную ладонь медный семишник.

– Премного благодарен, барин, – молодец в ливрее раскланялся и радостно заспешил вниз по ступенькам. Шумилин несколько раз дернул за медную пупочку, которая заменяла в те времена звонок. За дверью забренчал колокольчик. Вскоре щелкнула задвижка, и дверь приоткрылась. На лестничную площадку вышел слуга – толстомордый парень, одетый в поношенную ливрею.

– Как доложить их сиятельству, господа? – позевывая, поинтересовался он. – И по какому делу вы изволите его беспокоить?

Александр, весело глядя на опухшую от безделья рожу лакея, с легким оттенком пренебрежения сказал:

– Передай князю, что пришли два почитателя его таланта. И непременно добавь, что прибыли они издалека.

Лакей впустил гостей в прихожую и принял у них трости, цилиндры и перчатки. Потом скрылся за дверью гостиной, и уже через пару минут вернулся и сообщил друзьям, что «их сиятельство просят господ зайти».

Алексей и Александр вошли в небольшую, но со вкусом обставленную гостиную. Князь Одоевский, мужчина средних лет, плотный, с мужественным волевым лицом, встретил их стоя у большого стола, заваленного газетами. Похоже, он только что читал местную свежую прессу.

– Добрый день, господа, – сказал князь, с любопытством и в то же время слегка настороженно разглядывая незнакомых ему визитеров. – С кем имею честь?

– Алексей Игоревич Кузнецов, медик, – представился один из них.

– Александр Павлович Шумилин, отставной поручик, – коротко кивнул второй.

– Господа, как мне доложил Иван, вы прибыли в Петербург издалека? – полувопросительно произнес Одоевский. – Я очень рад, что вы нашли время, чтобы зайти и поблагодарить меня за мои более чем скромные труды на литературном поприще.

– Именно так, ваше сиятельство, – сказал Шумилин. – Моим племянникам очень нравятся ваши сказки. И если бы вы сообразовали поставить свой автограф на одном из ваших произведений, то они были бы в полном восторге...

С этими словами Александр открыл саквояж и достал книжку. Это была сказка «Городок в табакерке», которую Шумилин купил недавно на «Крупке» – так в Питере по-простонародному называли городскую книжную ярмарку, расположенную в ДК имени Крупской.

Одоевский с интересом взял яркую книжку в синей обложке, с улыбкой прочитал ее название и начал бегло листать. Но тут же нахмурился, заметив, что с точки зрения тогдашней орфографии, текст в книге набран ужасающе безграмотно.

– Господа, да что же это? – растерянно бормотал Одоевский, перелистывая книгу. И тут он увидел год издания книги – 2011-й.

Князь вздрогнул, словно его ударило электрическим током. Лицо его побледнело. Кажется, что еще чуть-чуть, и он хлопнется в обморок. Князь хотел что-то спросить у Александра, но вместо слов из его горла вырвалось лишь какое-то шипение. Наконец, Одоевский сумел взять себя в руки.

– Господа, ради всего святого, скажите – что все это значит? – жалобно спросил он гостей. – Откуда у вас эта книга? И откуда вы сами?

– Да, ваше сиятельство, вы правильно все поняли, – кивнул князю Шумилин, – мы действительно пришли к вам из будущего. С помощью изобретенной нами машины, которая может переносить людей из одного времени в другое, мы шагнули из две тысячи тринадцатого года в год тысяча восемьсот сороковой. Мы ваши потомки, князь.

Одоевский захотел присесть и чуть было не промахнулся мимо кресла. В последний момент Шумилин успел поймать его за рукав. Плюхнувшись, наконец, в большое, обитое кожей кресло, князь изумленно переводил взгляд с одного своего гостя на другого. Потом он снова схватил детскую книжку, оставшуюся сиротливо лежать на столе, и стал ее лихорадочно листать.

– Да, именно так... – бормотал он, – нынче ничего подобного напечатать не могут... Какие краски, какие рисунки... Господа, а вы меня не разыгрываете? – со слабой надеждой в голосе спросил князь. – Может быть это просто мистификация?

– Нет, ваше сиятельство, – ответил Шумилин, – все обстоит именно так, как мы вам сказали. Мой друг сумел изобрести машину времени. И теперь мы можем путешествовать из прошлого в будущее. Помнится, вы совсем недавно напечатали роман «4338 год». Точнее, отрывок из него вы пять лет назад напечатали в «Московском наблюдателе», а второй отрывок должен выйти в альманахе господина Владиславлева «Утренняя заря»...

Одоевский, слушая Александра, снова побледнел. Алексей, внимательно наблюдавший за лицом князя, взял со стола графин с водой, наполнил стакан и протянул его Одоевскому. Тот машинально сделал несколько глотков и благодарно кивнул Кузнецову.

– Так вот, ваше сиятельство, – продолжил Шумилин, – многое из того, что было написано вами в том романе, уже существует. Мы путешествуем в космосе, летаем по воздуху, можем переговариваться друг с другом на расстоянии тысяч верст. Но у нас есть еще много того, о чем даже вы, с вашим умом и фантазией, не смогли придумать. Хотя... Возьмем, к примеру, ваш рассказ «Косморама». В этом году он должен быть опубликован в «Отечественных записках»... – Одоевский, внимательно слушавший Александра, машинально кивнул, – так вот, в этом рассказе речь идет о некоей таинственной детской игрушке, с помощью которой герой заглядывает в какой-то другой мир и видит различные сценки из жизни своей семьи... Я не ошибся? – Князь снова кивнул, и Александр продолжил: – Ваше сиятельство, если вы хотите, мы можем показать вам нашу «космораму». Правда, она называется по-другому.

Одоевский вскочил на ноги так стремительно, что чуть не опрокинул стоявший на столе графин с водой.

– Господа, я буду очень рад увидеть все собственными глазами! Скажите, где она, и я велю послать людей, чтобы ее принесли сюда!

– Она здесь, – сказал Шумилин и, с видом графа Калиостро, проводящего групповой сеанс гипноза и спиритизма, расстегнул саквояж и достал из него свой нетбук. Положив тот на стол, он поднял крышку-монитор и включил питание.

Одоевский наблюдал за манипуляциями Александра круглыми от удивления глазами. А когда на мониторе появилась яркая заставка – взлетающий в небо истребитель МиГ-29, князь невольно вскрикнул от удивления.

Шумилин стал показывать князю Одоевскому фотографии Петербурга XXI века, старт космической ракеты на Байконуре, нашу планету, снятую из космоса, невиданные в XIX веке вещи – автомобили, самолеты, корабли без парусов...

Князь как замороженный смотрел на эту фотосессию. Лицо его светилось от восхищения.

– Господи... Это правда... Изумительно... Какая красота... – бормотал он при виде все новых и новых фотографий.

Минут через двадцать Шумилин прервал показ.

– Ваше сиятельство, извините, но нам пора... – сказал он. – Мы должны откланяться, чтобы успеть вернуться в наше время.

– Как, вы уже уходите? – воскликнул изумленный и донельзя огорченный князь. – А может, вы погостите у меня и расскажете немного еще о вашей жизни в далеком будущем?

– Ваше сиятельство, – сказал Алексей, разводя руками, – к нашему величайшему сожалению, это сейчас невозможно. Мы сегодня должны быть у себя, в нашем времени. Впрочем... – он вопросительно посмотрел на Александра, – если вы желаете, то мы можем вас взять с собой. Короткое путешествие, всего-то день – два. Посмотрите на все собственными глазами, а потом мы вас вернем домой. Ну как, князь, рискнете?

Разговор с попыткой взять князя «на слабо» был отрепетирован друзьями заранее. И Одоевский клюнул. Он, почти не задумываясь, согласился на предложение гостей из будущего и готов был хоть сию минуту вместе с ними проследовать в 2015 год.

Быстро одевшись и взяв по совету Александра несколько книг и журналов, изданных в 1840 году, князь оставил записку супруге, которая гостила в имении родственников под Гатчиной. А на словах передал заспанному лакею, что вынужден по делам службы срочно выехать в Москву на несколько дней. Потом они втроем вышли из дома и пошли по Фонтанке в сторону Летнего сада.

Возвращение в XXI век прошло на удивление буднично. Зайдя в сад и найдя знакомый им пустынный уголок зеленого лабиринта, друзья дождались появления в воздухе голубоватого мерцающего круга.

А еще немного погодя они увидели интерьеры квартиры Антона и взволнованные лица своих друзей...

«Уважаемые товарищи потомки...»

Прибывших из прошлого путешественников друзья встретили как Юрия Гагарина после его знаменитого полета в апреле 1961 года. Антон бросился обнимать Алексея и Александра, а Коля Сергеев, который был вместе с Антоном на подстраховке и сидел в кресле у машины времени с «Сайгой» в руках, от волнения даже стал заикаться. Он повторял дрожащим голосом:

– Эт-то блестяще, эт-то восхитительно, эт-то...

Ошеломленный всем происходящим князь Одоевский скромно стоял в сторонке, с любопытством оглядываясь по сторонам. Его удивляло все: и яркий свет люстры, и непривычная мебель, а главное, машина времени, которая уже свернула временной портал, но продолжала еще работать, мигая светодиодами и издавая чуть слышное гудение.

Первым опомнился Александр. Он жестом остановил восторг своих приятелей и, повернувшись к Одоевскому, произнес:

– Друзья, хочу представить вам нашего дорогого гостя из прошлого, замечательного человека, его светлость, князя Владимира Федоровича Одоевского. Он любезно согласился быть нашим гостем.

Во время этого пышного, как кавказский тост, представления, Одоевский стоял, скромно потупившись, а потом сделал полупоклон. Антон и Николай смотрели на князя, словно папуасы на телевизор. В обычной питерской квартире – живой человек из XIX века, знавший Пушкина и многих других знаменитостей. Невероятно, но все сказанное – истинная правда.

– А теперь, князь, я представляю вам моих друзей, – сказал Александр, указывая рукой на притихших вдруг присутствующих. – Прошу любить и жаловать: Антон Воронин, изобретатель и создатель этой чудо-машины.

Князь с интересом посмотрел на Антона, а Шумилин тем временем повернулся к бывшему десантнику.

– А вот, князь, Николай Сергеев, боец специального подразделения. В наше время это что-то вроде ваших казаков-пластунов. Николай храбро воевал на Кавказе с немирными горцами, был ранен, потерял глаз...

Князь Одоевский, сочувственно покачав головой, сказал:

– Это же надо так, сто шестьдесят лет прошло, а на Кавказе до сих пор воюют! Выходит, что вы так и не сумели замирить горцев?..

Александр горько усмехнулся.

– Князь, война на Кавказе в нашей истории прекратилась пленением имама Шамиля в тысяча восемьсот пятьдесят девятом году. Он сдался князю Барятинскому в ауле Гуниб. А в наше время Первая война с чеченцами началась в тысяча девятьсот девяносто четвертом году. Николай воевал во Вторую чеченскую войну. Он был тяжело ранен в двухтысячном году под Аргуном.

Антон, наблюдавший за всем происходящим, вмешался в этот немного сумбурный разговор:

– Князь, у нас в ходу несколько другие обычаи, а потому я хотел бы предложить вам обходиться в разговорах без титулования. В наше время это не принято. Чтобы выказать уважение человеку, достаточно назвать его по имени и отчеству. Владимир Федорович, как вы относитесь к моему предложению?

– В чужой монастырь со своим уставом не лезут, – полушутливо сказал Одоевский и развел руками. – Господа, вы и дальше не стесняйтесь, подсказывайте мне, как надо себя вести в вашем времени.

– Вот и отлично, – сказал Антон. – Владимир Федорович, скажите, вы не устали? – Одоевский отрицательно покачал головой, и Воронин продолжил: – Тогда, если вы не возражаете, мы переоденем вас в то, что носят в нашем времени, и совершим небольшую прогулку по Санкт-Петербургу.

* * *

Переоделся князь довольно быстро. Во время этого действия Одоевский про себя вдоволь поудивлялся и потешился над тем, что носят потомки. Ему казались смешными джинсы, футболка, напоминающая нижнюю рубашку, и сандалеты, смахивающие на обувь итальянских лаццарони.

Наконец, экипировавшись должным образом, они вышли на улицу. Антон жил в центре города, на Гагаринской улице, называвшейся совсем недавно улицей Фурманова. Выйдя на набережную Кутузова, Антон и Александр попрощались с Кузнецовым и Сергеевым-младшим, и троим пошли в сторону Летнего сада.

Одоевский удивлялся всему. Его изумлял поток диковинных механизмов – автомашин – двигавшихся по набережной. Он удивленно и с трудно скрываемым осуждением поглядывал на наряды питерских дам, которые, радуясь теплой погоде, щеголяли в топиках и коротеньких шортах, открывавших соблазнительные животики и стройные ножки. Князь отчаянно краснел и старательно отводил взгляд от наиболее откровенно одетых прелестниц.

Пройдя по Фонтанке, наши друзья и Одоевский остановились у здания цирка Чинизелли, которое появилось здесь лишь в 1877 году. До того на его месте находился цирк Турнера, который использовали в основном для театральных представлений. Князь любовался на фасад здания, украшенный лепниной и скульптурами.

Одоевский жадно расспрашивал Антона и Александра о том, как живут нынче люди, какие у них развлечения, верят ли они в Бога, и кто правит в России. Он был обрадован, узнав, что Петербург уже почти сто лет не является столицей России. Князь был по рождению москвичом, и хотя уже пятнадцать лет прожил в Петербурге, но так и остался горячим патриотом Первопрестольной.

На Аничковом мосту гость из прошлого долго любовался бронзовыми скульптурами юношей, укрощающих коней, работы барона Петра Клодта. В его время их еще не было. Одоевский не удержался и прошел по набережной Фонтанки до дома № 35, из которого они в 1840 году отправились во межвременное путешествие.

– Невероятно, – сказал князь, глядя на окна дома, из которых он смотрел на Фонтанку всего несколько часов назад. – Я ни за что бы не поверил в это, если бы не увидел собственными глазами.

У Гостиного двора Одоевский долго расспрашивал про толпу каких-то бесноватых молодых людей странной внешности и непонятного пола с радужными флагами в руках, которые призывали прохожих выступить в защиту «угнетенных геев, стонущих под пятой кровавого путинского режима». Антон объяснил Одоевскому, кто эти «протестуты», и чего они добиваются стоя в пикете.

Услышав о гей-движении, князь впал в ступор. Он, конечно, слышал о содомитах, которые существовали и в его время. Но у него не укладывалось в голове, что они могут публично гордиться своим грехом и призывать нормальных людей присоединиться к ним.

В начале Невского проспекта на стене дома № 14 Одоевский увидел надпись, сохранный с блокадных времен, о том, что «при артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна».

Князь попросил новых знакомых рассказать о том, что означает эта надпись. Александр, чьи родители провели в городе на Неве всю Блокаду, стал рассказывать о событиях Великой Отечественной войны. Одоевский был потрясен.

– Боже мой, как же это ужасно! Бомбы, рвущиеся на улицах Петербурга... Люди, умирающие от голода десятками, сотнями тысяч... Германцы, захватившие Павловск, Царское Село, Гатчину и Петергоф и разрушившие великолепные дворцы... Это просто уму непостижимо!

– Да, Владимир Федорович, все было именно так, – сказал Антон. – Это была самая кровавая война в мировой истории. Но мы, наш народ, наша страна, победили врага и заставили его подписать полную капитуляцию в Берлине.

– Господа, – тихо сказал Одоевский, – я преклоняю голову перед вашими родными, жившими и умиравшими в те страшные и славные годы. Но это ведь было через сто лет после нашего знакомства... А что происходило в России после тысяча восемьсот сорокового года? Поверьте, этот вопрос все время вертится у меня на языке, но я боюсь услышать нечто ужасное.

– Владимир Федорович, – сказал Шумилин, – судьба Российской империи в годы правления государя Николая Павловича будет изобиловать многими драматическими моментами. И самое тяжкое испытание выпадет в тысяча восемьсот пятьдесят третьем году, когда на Россию нападет вражеская коалиция, в которую войдут Франция, Британия, Турция и Сардинское королевство. Неприятель атакует владения Российской империи на Балтике, на Севере и на Тихом океане.

Но самые кровопролитные сражения развернутся в Крыму, где противник осадит Севастополь. И дело будет даже не в численном превосходстве вражеского войска, а в том, что наши враги куда лучше успели подготовиться к этой войне технически. А также в сочувствии всей прочей Европы, которая ненавидела Россию. Австрия, которую государь опрометчиво спасет от распада в тысяче восемьсот сорок восьмом году, пригрозит России ударом в спину.

– Это произойдет через тринадцать лет! – воскликнул Одоевский. – Значит, у нас еще есть время, чтобы подготовиться к вражескому нашествию.

– Да, но как сообщить об этом государю? – с горечью спросил Антон. – Ведь вы, Владимир Федорович, прекрасно знаете, что после событий четырнадцатого декабря Николай Павлович крайне подозрителен, из-за чего в штывы принимает любые прожекты, вызывающие у него неприязнь. Господа декабристы умудрились привить ему стойкую антипатию к самому слову «прогресс».

– Это конечно так, господа, – задумчиво произнес Одоевский, – но я мог бы попробовать довести ваши сведения до государя. Поверьте, у меня много близких родственников и хороших знакомых в окружении императора и цесаревича Александра Николаевича.

Антон и Александр переглянулись. Похоже, что князь искренне готов к сотрудничеству. Надо ковать железо, пока оно горячо. Поэтому Антон предложил Одоевскому прервать прогулку и вернуться к нему домой, чтобы в спокойной обстановке более предметно переговорить обо всем их волнующем.

* * *

Всю дорогу до дома князь Одоевский задумчиво молчал. Он ушел в себя, переваривая то, что ему довелось сегодня увидеть. Действительно, для человека из века XIX, обыденная жизнь петербуржцев века XXI – настолько сильный психологический стресс, что не каждый его сможет выдержать без ущерба для здоровья. Как говорят в таких случаях, «не каждый возвращается обратно даже из учебного полета воображения».

Понимая все это, Шумилин сразу же по приходе в холостяцкую квартиру Антона, полез в бар, достал бутылку армянского коньяка и налил всем по рюмке. На закуску он порезал лимон и принес большую плитку шоколада.

Одоевский, Антон и Александр выпили бархатистый янтарный напиток. Князь выдохнул, слегка порозовел, и взгляд его снова стал осмысленным.

– Господа, что вы мне посоветуете? – спросил он. – Вы прекрасно понимаете, что когда я вернусь в свой мир, то я, как верноподданный, просто буду обязан доложить обо всем случившемся государю. Ведь я обладаю знаниями о будущем, в том числе и о том, что должно произойти с Россией в самое ближайшее время.

– Владимир Федорович, – сказал Александр, поглаживая свою короткую седую бородку, – а вы уверены, что вам поверят? Ведь после выхода в свет ваших фантастических произведений, на вас многие смотрят как на чудака, который не от мира сего. Допустим, мы дадим вам вещественные подтверждения того, что вы действительно побывали в будущем. Ну, и что это изменит? Рассеются одни подозрения, но возникнут другие...

– Так как же мне быть?! – в отчаянии воскликнул Одоевский. – Ведь нельзя же вот так, сидеть сложа руки и смотреть, как Россия катится к поражению в этой, как вы сказали, Крымской войне!

– А вот насчет сидения сложа руки – это вы правильно сказали, Владимир Федорович, – ответил Антон. – Нельзя сидеть, надо действовать. Необходимо убедить государя принять все надлежащие меры для того, чтобы суметь не вляпаться в ту войну, которая, честно говоря, вовсе не неизбежна.

Тут нужно немного подкорректировать внешнюю политику империи, в которой не всегда учитываются интересы этой империи. Ну, и следует настолько усилить наши армию и флот, чтобы у врагов и мысли бы не появилось напасть на Россию. На сильных не нападают, с сильными договариваются. – Антон прошелся по комнате из угла в угол, – Только как все это сделать, Владимир Федорович? Как убедить государя в необходимости экстренных мер? Ведь тринадцать лет, оставшихся до начала войны, – в историческом масштабе это совсем мало.

– Погодите, господа, – сказал князь Одоевский, задумчиво потирая переносицу. Владимир Федорович был человеком хотя и творческим, с развитой фантазией, но в то же время энергичным, или как тогда говорили, предприимчивым. Он быстро просчитал все варианты и с ходу предложил свое решение проблемы.

– Господа, – сказал он, – если я вас понял правильно, то вы хотите вмешаться в наши дела, чтобы мы не повторили те ошибки, которые были сделаны в вашем мире?

– Вы поняли нас правильно, – сказал Антон.

– Господа, вы задумали большое дело, – ответил Одоевский. – И вам, и мне будут нужны помощники. Вы вольны выбирать их среди своих знакомых и друзей. Мне же будет весьма непросто найти их среди своего окружения тех, кто сумеет сохранить тайну, в которую вы меня посвятили...

За разговорами незаметно пролетело время.

Уже начались знаменитые белые ночи. И когда Антон, спохватившись, взглянул на стоящие на комод часы, то с изумлением увидел, что уже далеко за полночь и пора бы подумать об отдыхе. Да и перекусить бы не мешало – с утра у путешественников не было во рту и маковой росинки.

Втроем они отправились на кухню, где Антон на скорую руку сварганил привычное холостяцкое блюдо – пельмени. Попив чайку с бутербродами и поговорив еще немного, Антон, Александр и Одоевский стали готовиться ко сну. Утром предстояло провести операцию по возвращению князя домой.

Одоевский перед сном попросил у Антона что-нибудь почитать о событиях середины XIX века. Но у Воронина, в отличие от Шумилина, в библиотеке в основном были книги по электронике и физике, а исторические практически отсутствовали.

Но тут Антон вспомнил, что среди его коллекции DVD-дисков есть один, который наверняка заинтересует князя Одоевского. Антон включил видеоплеер и поставил фильм «Адмирал Нахимов» с Алексеем Диким в главной роли.

Князь, увидев на экране движущиеся фигуры людей и идущие под всеми парусами корабли, даже вскрикнул от удивления. Но потом, увлеченный сценами героической обороны Севастополя в Крымскую войну, уже не отрывал глаз от экрана.

Антон на цыпочках вышел из комнаты, оставив Одоевского наедине с фильмом о современниках. Он пошел на кухню, где его ждал Александр, чтобы поговорить об их «делах скорбных»...

Вернуться и остаться

– Ну, что скажешь, Тоха? – поинтересовался Шумилин у друга. – Как ты думаешь, князь созрел, или еще нет?

– Думаю, что да, – сказал Антон, наливая себе и ему кофе. – Одоевский искренне хочет помочь России и императору. Только он пока не знает, как именно. Кстати, и мы тоже пока еще не решили – что нам следует предпринять в первую очередь.

– Тут все упирается в царя, – задумчиво сказал Шумилин, – если верить современникам, Николай Павлович был чертовски самоуверенным и упрямым человеком. И убедить его изменить что-либо очень сложно, а то и практически невозможно. Тут даже чудеса с нашими гаджетами и видеофильмами, скорее всего, мало помогут. Посмотрит, поудивляется, и снова будет гнуть свое. Узнает про наши нонешние «прелести» с либерастами и гей-парадами, и зажмет гайки вообще до упора. Надо придумать какой-то нетривиальный ход. Но вот какой?

– Может быть, вытащить его в наше время? – хитро прищурившись, сказал Антон. – Тут уж точно он проникнется и задумается. Но ты прав, действовать надо осторожно. Не стоит давать поводов к усугублению того, что и так давно не в порядке. Но, Шурик, пока я считаю, что с этим спешить не стоит.

Кстати, я подумал – не стоит ли нам подтянуть до кучи Сергеева-старшего? Ведь Николай, наверное, уже рассказал отцу о нашем необычном госте. А Виктор здорово помог бы. Руки у него золотые, отставной офицер, и повоевать ему довелось – в Афгане, да и Чечню краешком застал.

– А что, правильно, – на лету подхватил Александр идею друга. – Я думаю, что Иваныч сам с удовольствием отправится в прошлое. Что, собственно, его тут держит? Супруга умерла год назад, Николай уже взрослый мужик, а с его автомастерской вполне справляется племяш. Да и на наших дачных посиделках я по его настроению вижу, что мужику просто скучно. Знаю я старых вояк: им без адреналина – как пьянице без выпивки. Готов поспорить с тобой, что завтра, после того как сын ему все расскажет, он примчится к тебе.

– Спорить не буду – точно проиграю, – весело ответил другу Антон. – Так, скорее всего, и будет. А пока пора спать. Завтра будем возвращать князя домой. Кстати, как он там?

– Сейчас гляну, – Шумилин приоткрыл дверь в коридор. Он заметил, что в спальне, где они оставили Одоевского, горит свет. – Наверное, не нашел выключателя, – сказал Александр, – пойду вырублю.

Но заглянув в спальню, он увидел, что князь и не думал ложиться. Фильм давно кончился, экран погас, а Одоевский все сидел в кресле у окна, завернувшись в флисовый плед, и задумчиво смотрел на пустынную улицу, по которой, разбрызгивая воду, ехала поливальная машина.

– Владимир Федорович, – тихо сказал Шумилин, – а почему вы не спите? Ведь время уже позднее...

– Александр Павлович, а как вы полагаете, можно ли уснуть после того, что я увидел? – вопросом на вопрос ответил Одоевский. Он тяжело вздохнул и сказал: – Бедная Россия, сколько ей досталось в XIX веке – нашествие Наполеона, войны с Персией и Турцией, мятеж в Польше... А тут еще эта несчастная Крымская война. Неужели все так и было, как показано в этом, как вы его назвали, фильме?

– В жизни было еще страшнее, – тихо сказал Александр. – У сестры вашего деда, Ивана Васильевича Одоевского, у Варвары Ивановны Трубецкой, двенадцать лет назад родился правнук, Левушка Толстой. В конце ноября тысяча восемьсот пятьдесят четвертого года он добровольно отправится в Севастополь, где почти шесть месяцев провояет на знаменитом Четвертом бастионе. О впечатлениях от увиденного Лев Толстой напишет позднее в своих «Севастопольских рассказах», которые будут напечатаны в журнале «Современник». Я дам вам их почитать. В них запечатлена страшная правда той войны, о которой еще никто никогда так не писал.

– Да-да, это очень интересно, – оживился князь, – надо будет обязательно съездить в гости к Толстым и посмотреть на будущего писателя.

– Только вот как сделать, чтобы Россия обошлась без этих новых потрясений? – задумчиво сказал Александр. – Ведь самой Крымской войной ужасы того времени не исчерпываются. Была еще и угроза войны со всей Европой, и признание поражения, и позорный Парижский трактат, на долгие пятнадцать лет выбивший Россию из числа ведущих европейских держав. Были потом и другие несчастья, о которых вам пока лучше не знать.

Вообще же Крымская война внушила нашим отцам-командирам некоторый пиетет перед Европой. На целых девяносто лет воцарилось мнение, что лапотная Россия никогда не сможет победить цивилизованную Европу. В победном мае тысяча девятьсот сорок пятого эти иллюзии были развеяны в прах. Но знали бы вы, Владимир Федорович, чего нам это стоило.

Представьте, двадцать семь миллионов погибших на войне, умерших от голода и ран, замученных в плену. От Петра Великого и до наших дней Россия вынуждена содержать огромную армию только потому, что из Европы в любой момент может прийти беда. То Карл Двенадцатый, то Фридрих Великий, то Наполеон, то его сводный племянник Наполеон Третий вкупе с королевой Викторией.

Потом опять немцы с австрийцами, потом снова они, потом господа англосаксы, науськивающие на нас своих европейских шавок, – Шумилин махнул рукой. – Знаете, порой мне кажется, что Европа так любит воевать, что только под скипетром русского царя в ней, наконец, настанет вечный мир.

Одоевский вздрогнул.

– Так вы хотите сказать... что мы должны...

– Ничего я не хочу сказать, – вздохнул Александр. – Решать такие вопросы может лишь государь, а он пока вполне доволен существующим положением дел. Когда же он поймет, что на самом деле в империи дела идут не так блестяще, как ему кажется, то будет уже поздно.

Ну, а что касается нас, то следует учесть, что ресурсы нашей компании весьма ограничены. Ведь мы не представляем государство, и за нашей спиной не встанут, блистая оружием, ряды победоносных полков. При наличии определенного количества презренного металла, конечно, можно нанять специалистов и закупить немного современного оружия. Но мне кажется, что в случае серьезных испытаний даже это не поможет. Проблемы России куда фундаментальней. Я вот уже битый час сижу гадаю, с какого конца к ним подступиться, но пока ничего придумать не могу.

– Владимир Федорович, – присоединился к разговору пришедший с кухни Воронин, – дело это сложное, тяжелое и чреватое большими неприятностями, если о нашем иновременном происхождении узнают. Например, кто-нибудь из учреждения, возглавляемого Леонтием Васильевичем Дубельтом. Еще хуже, если о нас пронюхают заморские любители совать нос в

чужие дела. Мы знаем, что агенты недружественно настроенных к России государств быстро сообразят – какую опасность для их хозяев мы представляем, не останутся ни перед чем, чтобы нас не было в вашем времени.

Я полагаю, что нам надо найти дорожку к сердцу государя. Это сложно, но возможно. Николай Павлович помнит добро и не чужд благородства. Но время, время...

Это только кажется, что его много. При той чиновничьей волоките, которая царит в присутственных местах империи, любой, даже самый неотложный вопрос будет решаться годами. Поэтому надо получить доступ к государю. И в то же время сохранить в секрете все, что с нами связано.

– Да, господа, задали вы мне задачу, – с грустной улыбкой сказал Одоевский, – но, с божьей помощью, мы попытаемся ее решить.

Что вы можете дать мне с собой в прошлое? Я понимаю, что многие сложные механизмы у нас просто не будут работать. Да и пользоваться ими можно будет с оглядкой, дабы не привлечь лишнего внимания. Неплохо, если я возьму несколько книг, те же, еще не написанные «Севастопольские рассказы»...

– Хорошо, я соберу вам посылочку от потомков, – улыбнувшись, сказал Антон. – Но она будет готова только завтра. Впрочем, – Антон задумался и вышел в гостиную, где стояли книжный стол и секретер.

Шумилин же, порывшись в своей сумке, достал гелевую ручку и набор открыток с видами Петербурга. Он купил их несколькими днями ранее, чтобы послать своему другу в Махачкалу. Но так и забыл выложить из сумки. Протянув все это Одоевскому, Шумилин сказал:

– Эта ручка намного лучше тех перьев, которыми вы пишете. А открытки пусть напомнят вам, Владимир Федорович, о сегодняшнем путешествии по нашему городу.

Из гостиной пришел Антон с пластиковым пакетом. Там лежало несколько книг.

– Вот. Все, что мне удалось найти, – сказал он. – Правда, орфография у нас несколько другая, но я думаю, вы разберетесь. И еще, вот, возьмите на память, – Антон протянул Одоевскому несколько фотографий, сделанных на цифровую «мыльницу» во время сегодняшней прогулки. Князь, одетый в джинсы и футболку с надписью «Зенит», в синей бейсболке, был заснят на Дворцовой площади и у Клодтовских коней на Аничковом мосту, а также у своего дома на Фонтанке. Одоевский так увлекся созерцанием неизвестных ему питерских достопримечательностей, что и не заметил, как его запечатлели на цифровик. Антон успел сбросить отснятое им на комп и распечатать фото на цветном принтере.

Князь с удивлением посмотрел на свои изображения, потом улыбнулся и бережно спрятал фото в пакет.

Ну, а потом началась подготовка к эвакуации в прошлое. Одоевский переоделся, взял пакет с подарками в руку и стал ждать. В воздухе появился изумрудный сгусток, постепенно превратившийся в межвременной портал.

Пожав руки потомкам, князь решительно шагнул в прошлое и уже оттуда помахал им рукой.

– До встречи, господа, – услышали они его голос, – жду вас завтра у себя!

Потом портал захлопнулся, и Антон с Александром остались вдвоем, в обычной питерской трехкомнатной квартире XXI века.

Муж да жена – одна сатана

Князь увидел, как сияющий овал, через который он только что перешагнул из будущего, потускнел и исчез. Оглянувшись, он обнаружил, что находится в тупике одного из зеленых лабиринтов Летнего сада. Одоевский внимательно прислушался. В саду было тихо.

Князь осторожно выглянул из лабиринта. Стояло раннее петербургское утро. В кустах чирикали птицы, а над Невой истошно галдели чайки. На главной аллее Летнего сада показался дворник с метлой в руке. Одоевский посмотрел на матерчатый мешок, в который его новые знакомые сложили свои подарки, и прикинул, что идти с ним домой как-то не совсем прилично. Любой встретившийся ему по пути знакомый будет очень удивлен тем, что князь, словно простой мужик, тащит мешок под мышкой. Одоевский подозвал садовника. За пятак тот согласился отнести поклажу в дом князя на Фонтанке. Благо идти было недалеко.

На выходе из сада Одоевский неожиданно нос к носу столкнулся с Николаем I, который в этот ранний час выгуливал своего пуделя.

– Доброе утро, князь, – вежливо поздоровался император, коснувшись пальцами козырька своей фуражки.

– Доброе утро, ваше величество, – ответил Одоевский, снимая цилиндр. – Не правда ли, сегодня превосходная погода?

– Вы правы, князь, действительно погода сегодня просто замечательная, – ответил государь, – и я вижу, что вы тоже любите ранние прогулки. Это хорошее дело – с утра совершить небольшой променад. Потом целый день отличное настроение, да и работа спорится.

Садовник, тоже узнавший царя, положил на землю мешок и, проворно сняв с головы картуз, почтительно поклонился самодержцу.

– А что это у тебя, братец, такое? – поинтересовался у него государь.

– Так, это, ваше величество... – браво ответил ему садовник, – значит, их сиятельства попросили отнести к ним домой...

– А, ну тогда ладно, – ответил царь, находящийся с утра в хорошем расположении духа, – ступай. И вы, князь, тоже ступайте. Вижу, что вы спешите домой. Да, не забудьте передать мой поклон супруге вашей, Ольге Степановне.

Царь подобрал с земли веточку и, помахав ею перед носом заскучавшего было пуделя, широко размахнувшись, забросил ее за зеленую шпалеру. Гусар с веселым лаем помчался ее искать, а царь, кивнув на прощание, отправился вслед за псом.

«Фу... Слава богу, обошлось, – подумал Одоевский, вытирая тонким батистовым платком вспотевший лоб, – ведь если бы государь поинтересовался, что у меня в мешке, я бы не посмел ему солгать. И тогда...»

Что было бы тогда, Одоевскому даже думать не хотелось. Он в любом случае собирался посвятить императора в эту историю, но пока делать это, по его разумению, было преждевременно. Так что князь еще раз возблагодарил Господа за проявленную к нему милость.

Дойдя до парадного подъезда своего дома, князь велел садовнику занести мешок в квартиру. Дал ему обещанный пятак, дождался, когда за тем захлопнется входная дверь, и только тогда почувствовал, как устал. Вчерашние открытия нового мира, дневная прогулка по Петербургу XXI века, а самое главное, бессонная ночь и раздумья о судьбах России, не могли не отразиться на его самочувствии.

Лакей, с удивлением наблюдавший за происходящим, почтительно сообщил князю, что «княгиня вчера приехала, и очень удивилась, не застав ваше сиятельство дома». Горничная же княгини, вышедшая из спальни, сказала, что Ольга Степановна уже проснулась и скоро выйдет к нему.

Князь ждал супругу в гостиной. Машинально он посмотрелся в большое овальное зеркало, висевшее в комнате, и остался недовольным своей внешностью. Выглядел князь действительно неважно – лицо осунулось, глаза покраснели. Все это должно было насторожить и встревожить княгиню. Ольга Степановна была старше мужа на семь лет и порой относилась к нему не как любящая супруга, а как старшая сестра, или даже как заботливая мать.

Впрочем, княгиня, несмотря на свои сорок три года, выглядела очень молодо. За южную красоту ее часто называли «прекрасной креолкой». До замужества Ольга Степановна была фрейлиной вдовствующей императрицы Елизаветы Алексеевны.

Женщина умная и образованная, она любила бывать в обществе писателей и музыкантов, которые весьма ценили ее мнение. Не далее как несколько недель назад, опальный поэт и поручик Тенгинского пехотного полка Михаил Лермонтов перед отъездом на Кавказ подарил ей первую часть своего только что написанного романа «Герой нашего времени» с посвящением, в котором благодарил княгиню за помощь и внимание к его литературным трудам.

Княгиня была удивлена и немного рассержена. Неожиданный отъезд супруга с какими-то незнакомыми людьми стал для нее неприятным сюрпризом. Она в общем-то не подозревала мужа в супружеской измене. Но ей все же было неприятно то, что у князя появились от нее какие-то секреты. Поэтому Ольга Степановна решила откровенно поговорить с мужем и узнать, где он был и что делал.

Князь Одоевский не нашел в себе мужества солгать супруге. На ее прямой вопрос он рассказал без утайки обо всех событиях последних суток.

Поначалу княгиня посчитала, что супруг просто переутомился от литературных трудов или тронулся умом и принимает свои книжные фантазии за реальность. Но князь раскрыл мешок. На столе в гостиной появились вещи, которые не могли, ну просто не имели права существовать...

Сказать, что княгиня была потрясена, это значит ничего не сказать. Особенно ее удивили открытки с видами хорошо знакомых ей мест, которые были абсолютно не похожи на то, что она видела каждый день. А окончательно добила княгиню фотографии ее мужа в немного смешной и, с ее точки зрения, не совсем приличной одежде на фоне Зимнего дворца (тот она сразу узнала), и у незнакомых, но очень красивых скульптур, изображавших юношей, укрощающих коней, а также его фото рядом с домом, в котором они жили. Но выглядел дом совсем по-другому, и у его ворот стояла какая-то удивительная повозка.

Ольга Степановна с удивлением листала книги с красивыми иллюстрациями и странной, непривычной орфографией. Авторы этих книг были княгине абсолютно незнакомы.

– Этого не может быть, – растерянно бормотала она. Но разум подсказывал ей, что все происходящее – реальность.

Князь же продолжал свой рассказ о новых знакомых, жителях XXI века. Чем больше он говорил, тем больше княгине хотелось увидеть все это своими глазами. И приняв решение, Ольга Степановна дождалась, когда князь сделает паузу, чтобы перевести дух, после чего твердо заявила ему:

– Дорогой, я должна обязательно побывать в том мире! Когда, ты говоришь, они снова появятся у нас? Завтра? Так вот, завтра мы с тобой отправимся в будущее.

Князь от этих слов супруги даже поперхнулся.

– Душа моя, – сказал он, – но ведь там свои порядки, отличные от наших, другие моды, другие нравы. Многие из них совсем даже неприличные.

Тут Одоевский неожиданно вспомнил вчерашних содомитов у Гостиного двора, которые обнимались и целовались друг с другом на виду у проходящих мимо людей. Его даже передернуло от отвращения.

– Ну и что, – капризно надула прекрасные губки княгиня, – ведь ты же сам говорил, что люди из будущего воспитанные и умные. Думаю, что они не позволят себе вести себя неприлично в нашем присутствии.

Одоевский вспомнил восточную пословицу: «Тот, кто спорит с женщиной, тот укорачивает свой век». Он махнул рукой и сказал, что пусть будет так, как хочет супруга.

На радостях Ольга Степановна чмокнула мужа в щеку и начала снова расспрашивать его о том, как живут люди в Петербурге XXI века...

Глава 2

Десант из будущего

Что бы мы делали без армии...

Как и предполагал Антон, друзья, едва успевшие часика два покомарить на диване, были разбужены звонком в квартиру. Перед их спросонья мутными глазами нарисовался Виктор Иванович Сергеев собственной персоной. Отставной майор-танкист, бывший зампотех танкового батальона, успевший хлебнуть лиха за четверть века своей службы Родине. Он воевал и в Афгане, и в Чечне. На память о новогоднем ночном штурме Грозного у Сергеева остался шрам на лбу и пара осколков в ноге, из-за чего старый вояка иногда слегка прихрамывал.

Похоже, что Никола раскололся как орешек – на две половинки, и слил папаше всю информацию об изобретении Антона, а также о визите в наше сумасшедшее время живого князя Одоевского. И Виктор Иванович с утра пораньше, умирая от любопытства, примчался в квартиру Антона.

Но князя уже не было. А единственным документальным свидетельством его визита стала стопка литературных журналов издания 1839–1840 годов да сборник сказок Одоевского с длинным и малопонятным для человека XXI века названием: «Пестрые сказки с красным словом, собранные Иринею Модестовичем Гамозейкою, магистром философии и членом разных ученых обществ, изданныя В. Безгласным». И что самое ценное, с автографом князя, сделанным, правда, не гусиным пером, а обыкновенной шариковой ручкой.

Сергеев долго листал журналы, даже зачем-то принюхался к запаху, исходившему от их страниц, потом полюбовался на автограф князя, после чего сказал категорическим тоном:

– Ребята, как хотите, но я должен побывать там!

– Мы и так все там будем, – зевая, философски изрек Шумилин, с утра успевший выпить пару рюмочек коньяка и настроившийся на меланхолический лад.

– Да ладно тебе, балабол, – буркнул Сергеев, – я о другом. Мне обязательно надо побывать в прошлом. Колька сказал, что вы попали в тысяча восемьсот сороковой год. А там рукой подать и до Крымской войны.

– Угу, – сказал Александр, – как говорят артиллеристы – недалет. Сказал тоже – до Крымской войны! Два лаптя по карте. До Третьего Восточного кризиса и начала боевых действий еще лет двенадцать. И кстати, что тебя в той войне так заинтересовало?

– Знаешь, Шурик, – уже спокойным тоном сказал Виктор, – у нас в роду вот уже полтора века все мужчины – военные. Могу поименно перечислить. А началась наша династия служивых с фельдфебеля Селенгинского пехотного полка Харитона Осиповича Сергеева, который дрался в Крыму с англичанами и французами под Инкерманом, а потом и в Севастополе, под знаменами генерала Хрущева.

Ты, Тоха, морду-то не криви, – сказал Сергеев, заметив брезгливую ухмылку на физиономии Воронина, – Хрущевы ведь разные были. Александр Петрович за храбрость был награжден золотым оружием с бриллиантами, а это, чтобы ты знал, редкая награда. Именно он последним из русской армии перешел через наплавной мост, покинув Северную сторону Севастополя.

Так вот, сейчас разговор будет о моем предке. На Селенгинском редуте он получил ранение в грудь и чудом остался жив. Спас его замечательный хирург Николай Иванович Пирогов. Наверное, слышал о таком. Фельдфебель Сергеев, награжденный за храбрость двумя солдатскими Георгиями, как «севастополец» получил льготу, и сын его окончил начальную школу и реальное училище. И дослужился потом до «мокрого прапора» – был такой чин в Морском ведомстве. Иван Харитонович Сергеев поучаствовал в войне за освобождение Болгарии. Слу-

жил он на пароходе «Великий князь Константин» под командованием самого Степана Осиповича Макарова. Вот так и началась наша военная династия.

– М-да-с, – сказал Шумилин, – только я не совсем понял, Витя, ты хочешь в прошлом найти своего предка? А зачем?

– Хочу посмотреть на него, понять, что это были за люди такие, – задумчиво сказал Сергеев, – ведь все, что у нас и в нас – это их заслуга. Знаешь, Шурик, я человек военный и не люблю болтовни, которой наслушался от замполитов, начиная еще с военного училища.

Только вот запомнились мне, дружище, слова, кровью сердца написанные замечательным писателем и участником Великой Отечественной войны Валентином Саввичем Пикулем. Они запали мне в душу, да так, что я их выписал и перечитываю время от времени, чтобы не впасть в наше нынешнее всеобщее обыдление.

Сергеев достал из кармана куртки записную книжку, раскрыл ее и стал читать, хотя по лицу было видно, что слова эти он выучил наизусть:

«Никогда не думай, читатель, что история – это только история. Давнее нашей земли и нашего народа удивительно сопряжено с нашим сегодняшним днем.

Не верь тому, кто скажет тебе:

– Это нам не нужно... Это история!

Иногда люди не понимают, что история – это и есть наша современность.

Нельзя изучить современную жизнь и познать ее политические требования к нам – без знания истории! Если человек говорит: „Я знаю историю“, – это значит, что он знает и современность. Если человек говорит: „Я знаю только современность“, – это значит, что он не знает ни истории, ни современности!

Из ничего ничто и не рождается.

Были люди до нас, теперь есть мы, будут и после нас. Воин русский на поле Куликовом – это воин при Кунерсдорфе. Воин при Кунерсдорфе – это воин на поле Бородинском. Воин на поле Бородинском – это воин на Шипке. Воин на Шипке – это защитник Брестской крепости...

Изменились идеи, другими стали люди. Но родина у них по-прежнему одна – это мать-Россия; и во все времена кровь проливалась во имя одного – во имя русского Отечества. Мы не провожали в поход павших на поле Куликовом. Не нас разбудили рыдания Ярославны. Мы не знаем имен замерзших на Шипке...

И все-таки мы их – знаем! Да, мы их помним, мы их видим, мы их слышим, мы их никогда не забудем. Ибо это наши предки, читатель. В истории есть голос крови.

Этот голос ко многому нас обязывает. Не будем искать славы для себя.

Мы говорили в дни Батяя,
Как на полях Бородина:
Да возвеличится Россия,
Да сгинут наши имена!»

Сергеев захлопнул блокнотик, спрятал его в карман и тихо сказал:

– Вот видишь, Тоха, почему мне надо быть там. Как Саввич говорил – «голос крови». Считай, что это он меня туда зовет...

– Да, Иванович, – сказал Шумилин, – ты прав, как всегда. И что бы мы делали без нашей армии? В общем, давай как следует подумаем, что и как мы можем сделать в прошлом. Чем мы сможем быть полезными предкам?

– Шурик, ты меня извини, – сказал Антон, – но сделать что-то полезное можно лишь после того, как мы переберемся туда на ПМЖ. А так, набегами и наездами, мы ничего путного не сделаем. Межвременной туризм с элементами межвременной фарцовки. Это не по мне. Конечно, связь с нашим временем терять нельзя, но придется нам стать «засланными казачками» в XIX век.

– В общем, так, ребята, – сказал Сергеев, подводя черту этой несколько сумбурной дискуссии, – давайте сядем рядком, поговорим ладком. Антон, достань лист бумаги, завари кофе покрепче, сейчас наведем резкость, покумекаем и составим план дальнейших действий. Мы, люди военные, планировать любим больше, чем бывшие партийные чиновники. Кстати, Антон, когда у тебя следующая встреча с Одоевским?

– Завтра ждем их сиятельство, – ответил Воронин, – обещал быть, как штык. С нетерпением готовимся к новой встрече с предком.

– Вот и замечательно, – сказал Виктор, – попили кофе? Тогда почнем, помолясь. Антон, давай пиши: пункт первый – наладить надежную работу машины времени. Протестировать – какую максимальную массу может пропустить портал в один замес... Ответственный – Антон Воронин.

Пункт второй – о финансировании наших работ...

Цели определены. Задачи поставлены. За работу, товарищи!

Мозговой штурм на квартире Антона продолжался часа три. Потом его участники выдохлись и еще раз попили кофейку. Затем Сергеев как инициатор всего происходящего подвел черту. Он разложил на столе исписанные и исчерканные шариковой ручкой листы бумаги и сказал, обращаясь ко всем участникам совещания:

– Итак, что мы имеем в остатке? Начнем по порядку. Пункт первый – машина времени. Кстати, Антон, звучит это как-то... Давай будем ее называть по-другому. Например: аппарат, агрегат, прибор, установка... Выбери сам.

– Пусть будет Агрегат, – ответил Антон, – вполне нейтрально, и для постороннего непонятно – о чем собственно идет речь.

– Хорошо, – согласился Виктор, – установлено опытным путем, что Агрегат может перемещать во времени три человека зараз. А больше может?

– Ну, может, еще одного, но больше – вряд ли, – сказал Антон. – И так машина – пардон, Агрегат – работает на пределе своей мощности. Тут все упирается в проводку. В самый ответственный момент могут накрыться предохранители, или полетит что-то в энергопитании дома. И будет мне в дверь ломиться местный Бунша с воплями: «Товарищ Воронин, прекратите свои хулиганские опыты...»

– Угу, – сказал Сергеев, – а что, если тебе перевести твой Агрегат в мою автомастерскую? Там с энергопитанием получше. Сам знаешь, у меня там тельферы, станки, мойка. Освобожу для тебя один из боксов, он все равно пустует. И будем работать оттуда. Шурик, ты помнишь, где находится моя мастерская? – спросил Сергеев у Шумилина.

Тот кивнул и ответил:

– На Энгельса, рядом с парком Лесотехнической академии. А что, это так важно?

– Важно, дружище, важно, – с улыбкой ответил Виктор. – Ты помнишь, какая станция пригородной электрички находится поблизости?

– Вроде «Ланская», – ответил Шумилин. И тут до него дошло: – Витек, ты гений! В сороковые годы XIX века эта местность принадлежала графам Ланским. А жена князя Одоевского, Ольга Степановна, в девичестве – Ланская!

– Именно так, – воскликнул довольный Сергеев, – можно построить что-то вроде амбара на землях ее кузена и без лишнего шума отправлять из прошлого в будущее, и наоборот – людей и грузы. У меня в мастерской можешь сварганить и агрегат помощнее, и завозить ко мне любые вещи. Естественно, с моего разрешения, – Виктор хитро прищурился.

– Вы все такие умные, а я, выходит, дурак, – язвительно сказал Антон, – есть и у меня мысль о том, как перебрасывать в прошлое крупные вещи. Помните, я ездил к своему знакомому в Кировск? Ну, он мне еще помог советами по Агрегату...

– Помним, – ответил за всех Шумилин, – только ты, Тоха, не тяни kota за хвост, прямо скажи, что придумал. А то и так от говорильни голова болит...

– Так вот, мой знакомый рассказал о природном феномене, который существует в тех местах. Дескать, есть там роца, бывшее языческое капище, в которой порой происходят странные вещи. Ну, люди пропадают, а потом появляются в другом месте, за сотни верст от этой роци. И все прочее из репертуара журнала «Тайны XX века».

На днях я сделал прибор, который назвал «времендетектор». Он фиксирует места, где имеются природные «пробои во времени». Не поленился, проверил «кировский феномен». Оказывается, есть там некий канал между прошлым и будущим, который можно будет использовать для мобильной межвременной переброски предметов. Установим, скажем, Агрегат в автофургончике. Работать он будет от бортовой сети. И вместе с грузовиком, в котором складируются товары, предназначенные для отправки в прошлое, мы подъезжаем к этим Красным Соснам – так называется то место.

Включаем Агрегат, получаем пробой во времени и оказываемся там, где нам надо. Конечно, надо будет поэкспериментировать, но по моему разумению, все должно быть именно так.

– Ладно, Тоха, ты давай действуй, – сказал после некоторого раздумья Сергеев, – если будет все так, как думаешь, то это просто замечательно. Можно будет доставлять в прошлое многое из того, что нам понадобится для выполнения нашей миссии.

Ну, а теперь переходим ко второй фигуре Марлезонского балета. Как ты понимаешь, Антон, твои компьютеры и прочие электронные девайсы, а также прочие хиты из будущего там будут не востребованы. Хотя бы из-за отсутствия электросетей. Правда, в тысяча восьмисотом году итальянец Вольта изобрел первую батарейку, а спустя два года наш соотечественник Павел Львович Шиллинг продемонстрировал государю-императору изобретенный им электромагнитный телеграф. Но это пока все на уровне балаганных бородатых дев и заспиртованных русалок. Забавно, занятно, но...

Мои авто тоже пока не катят. Паровые дилижансы, правда, уже разъезжают по дорогам Британии, но это тоже больше экзотика. А вот локомобили – то есть стационарные паровые машины, приводящие в действие, к примеру, мельницу или пилораму – уже существуют. Я думаю, что нам они будут необходимы хотя бы для того, чтобы получать электроэнергию для наших приборов. В конце концов, для динамо все равно, кто вращает его вал – бензиновый двигатель или локомобиль. Да и для нашего хозяйства – а мы обязательно его там заведем – механизация не помешает.

– Ясно, – сделал пометку в блокноте Шумилин, – насчет генераторов я кое с кем переговорю. И вот еще что... Есть у меня одно предложение.

Знаете, изучая роспись государственных расходов Российской империи в годы царствования императора Николая Павловича, я был просто ошеломлен тем, сколько его дражайшая супруга Александра Федоровна тратила на всякие там парфюмы, модные наряды и украшения. А сколько уходило на те же цели средств из личных сумм великих княжон! Я уже не говорю

о том, сколько тратили на заморские духи, помады и прочие там пудры представительницы высшего света Российской империи.

Вот я и подумал, что можно будет ввозить в прошлое наш современный парфюм. Шампуни, дезодоранты, духи, туши и тени, помада – да за это за все любая тамошняя кокетка отдаст не только кошелек, но и душу. Вот только не знаю, куда эту душу девать. Я, конечно, в этом деле разбираюсь не очень, но у нас есть одна красавица, которая может стать бесценной помощницей во всех наших делах...

– Уж не об Ольге ли Румянцевой ты говоришь? – спросил у Шумилина Антон. – А что, идея интересная. Надо будет с ней переговорить. Думаю, что она не откажется оказаться во времени, о котором мечтала всю жизнь.

– Без нее все равно не обойтись, – сказал Сергеев, – ведь нам еще понадобится одежда той эпохи. А дамочка она сообразительная – и без нас обо всем догадается. Так что лучше будет подключить ее к нашему делу как можно быстрее, пока она без спроса не подключилась к нему.

– Знаешь, Шурик, – сказал Виктор, – а твоя идея со всеми этими дамскими штучками мне нравится. Оно даст нам возможность неплохо заработать, обозначиться в XIX веке, завести нужные знакомства.

И еще. Я считаю, что мне в самое ближайшее время следует отправиться в прошлое, чтобы легализоваться там и начать создавать базу. Собственно говоря, здесь меня уже ничего не держит. Колька уже взрослый, Маша моя умерла, царствие ей небесное, – Сергеев достал платок и шумно высморкался, незаметно смахнув предательскую слезу, – ну, а с автомастерской пока вполне справятся сын и племянш. А смотреть на нынешний наш бардак мне уже, если честно сказать, поднадоело. Думаю, что с князем мы вполне поладим, он сведет меня с нужными людьми.

– Ну, значит, так тому и быть, Иваныч, – сказал Шумилин, – давай, приходи завтра, познакомишься с князем, покалякаешь с ним о том, о сем. Думаю, что вы друг другу понравитесь. С Ольгой же я встречусь лично и побеседую с ней откровенно. Наверное, даже сегодня.

А еще у меня есть одно предложение. Забыли вы все о другой нашей задумке. Надо будет переговорить с Лешей и предложить ему тоже перебираться в прошлое насовсем. Я слышал, что у него сейчас какие-то нелады с начальством и работать ему в клинике стало совсем невозможно. Тем более, он со мной уже побывал в прошлом.

Пусть он отправляется в XIX век вслед за Виктором и там займется врачебной практикой. Я думаю, что с его знаниями и опытом он станет кем-то вроде Парацельса и Авиценны в одном флаконе. Его будущими пациентами вполне могут оказаться те, кто решает многие вопросы в империи. Думаю, что никто не будет возражать мне, что это очень важно?

– Отлично, – сказал Антон, – разговор с Лехой я беру на себя. Вроде все утрясли, ничего не забыли... А теперь, как говорили раньше на партсъездах, цели определены, задачи поставлены – за работу, товарищи!..

Шерше ля фам!

Шумилин, как и обещал друзьям, сразу же после совещания отправился на Лиговку к Ольге Румянцевой, своей знакомой «кузине-белошвейке». По дороге он забежал в магазинчик на Владимирском проспекте и купил небольшой бисквитный торт к чаю.

Ольга встретила его радушно. Помимо чисто коммерческих взаимоотношений их связывала старая дружба, правда так и не дошедшая до совместного возлежания в постели.

Хозяйка тут же подхватила торт, унесла его на кухню и там загремела посудой и чайником. Потом вышла в комнату и стала наблюдать за тем, как Шумилин с любопытством рассматривает висящие на манекенах костюмы-новоделы.

– Что, нравится? – с гордостью спросила она, а потом поинтересовалась: – Да, кстати, а как там мое шитье, пригодилось?

– Угу, – буркнул Александр, вращая манекен, наряженный в гусарский мундир, – это ты кому красоту такую построила?

– Да есть тут один реконструктор, – хихикнула Ольга. – Хочет выглядеть поручиком Ржевским. Только ни осанки у него, ни выправки. В мундире смотрится как клоун коверный. Шпоры носит, а к лошади не знает, с какой стороны подойти. Правда, денег у него куры не клюют.

– Да, кстати, – сказал Шумилин, – я тут тебе подарочек принес, – и он достал из дипломата несколько журналов, подаренных князем Одоевским.

– Ой, Саша, да это подлинный «Современник», а это «Отечественные записки»! – воскликнула удивленная Ольга. – Спасибо тебе большое! И состояние у них прекрасное, словно только вчера напечатали! Слушай, а может, это репринтное издание?

– Нет, не репринтное, а подлинное, – с усмешкой ответил ей Шумилин. – А ты вот на это взгляни, – и он протянул Ольге сборник сказок Одоевского с автографом князя.

– Да где же ты взял все это?! – удивленно сказала хозяйка. Потом еще раз внимательно посмотрела на обложку, прочитала то, что на ней было написано, и глаза ее стали по девять копеек.

– Слу-у-у-шай, да ты что, в прошлом побывал? – изумленно пробормотала Ольга. – Знаешь, я вообще-то подумывала о чем-то подобном еще тогда, когда ты те костюмы заказывал... Ой, Сашка, да что ж теперь будет-то?!

– А ничего не будет, – спокойно сказал Шумилин. – Ты права. Антоха – ты должна его помнить, это мой одноклассник, шевбутной такой, так он и в самом деле изобрел машину времени. И уже испытал ее. Причем успешно. Я позавчера побывал в тысяча восемьсот сороковом году, а потом князь Одоевский нанес нам ответный визит. Вчера мы с их сиятельством гуляли по Питеру. Впечатлений у него было выше крыши. Обещал нас завтра навестить...

На кухне засвистел закипевший чайник. Ольга бегом бросилась туда, крикнув на ходу Александру:

– Пошли пить чай, заодно расскажешь, как вы дошли до жизни такой...

После того как торт был съеден, чай выпит, а Шумилин закончил свое повествование, воодушевленная донельзя Ольга немедленно потребовала, чтобы ее тоже срочно отправили в прошлое. Хоть с князем вместе, хоть одну. Никаких возражений она и слышать не желала.

– Терпение, мой друг, терпение, и ваша щетина превратится в золото, – попробовал отшутиться Александр. Но Ольга была упряма, как все женщины.

– Ты должен обязательно познакомить меня с князем и его супругой, – упрямо твердила она. – Я хочу увидеть все своими глазами...

– Вообще-то, Ольга, я для этого к тебе и пришел, – уже серьезно сказал Шумилин. – Дело в том, что мы – то есть я, Антон, Виктор и, возможно, Алексей – собираемся, если так можно выразиться, эмигрировать в XIX век. И ты должна нам в этом помочь.

– Я, вообще-то, никогда не отказывала в помощи друзьям, – обиженно сказала Ольга, – только что я могу? Ну, сшить костюмы, проконсультировать вас насчет одежды. И все, пожалуй...

– Ну, скажем, и это для нас немало, – ответил ей Шумилин, – но к тебе есть другое предложение. Мы тут прикинули, что нам там нужны будут финансы. А где их взять? Посему решили заняться межвременным «контрабасом» и ввозить туда парфюм и прочие женские штучки из нашего времени. Ну, ты сама понимаешь, что мы, мужики, в этом ни в зуб ногой. Только на тебя вся надежда.

– Ах, вот ты о чем, – задумчиво проговорила Ольга, – идея, конечно, богатая, но не такая уж простая. Дело в том, что уже тогда в Петербурге были торговцы, которые имели свою клиентуру из дам высшего света, и вклиниться в их бизнес будет не так-то просто. Хотя...

– Что – «хотя»? – поинтересовался Шумилин. – Ты нашупала брешь, через которую мы начнем наступление на тамошних модниц?

– Ты говорил, что у князя есть супруга, не старая еще? – спросила Ольга. – Если бы мне с ней переговорить кое о чем, а еще лучше – доставить ее в наше время...

– Ага, – сразу въехал в тему Шумилин, – женщина всегда поймет женщину, даже если их разделяет полтора столетия. Я обещаю, что с княгиней Одоевской ты познакомишься в самое ближайшее время. Так что там у нас с парфюмом XIX века? С чего начнем?

Ольга уселась в кресле поудобнее и, задумчиво почесывая подбородок, начала посвящать Александра во все тонкости тогдашней женской моды.

– В первой половине XIX века, куда нам предстоит просунуть свой любопытный нос, у представительниц прекрасного пола наибольший интерес вызывали парфюмы, созданные на основе цветочных запахов с примесью амбры и мускуса. Не менее популярным было и розовое масло. Запах пачулей к тому времени стал уже приедаться.

Очень популярны были духи. Но помимо них для создания в помещениях приятного запаха жгли курительные свечи из ладана, стираксы, амбры, мускуса. Благовонные курительные порошки продавались в парфюмерных лавках под пышными названиями типа «Венский» или «Французский королевский». Чаще всего они состояли из смеси высушенных розовых лепестков, стираксы, фиалки, гвоздики. Также использовали и жидкие смеси – благовонные укусы.

Популярными были «лимонный», «бергамотовый», «розовый» и «лавандовый». Укус капали на специальную курительницу с металлической пластиной, которая подогревалась свечкой. Ну, что-то вроде нынешних арома-ламп. Или этот душистый укус просто брызгали на угли камина.

Нюхательные соли тоже часто использовали как ароматизаторы. Их составляли из равных частей нашатыря и душистых масел. Оставались еще в моде и саше – сухие благовонные смеси для ароматизации белья, шкафов и карет. Саше делали в виде шелковых подушечек.

Кстати, имейте в виду, что тогдашние мужчины не отставали от женщин и тоже всюю пользовались услугами парфюмеров, – Ольга хитро посмотрела на Шумилина, – по всей Европе гремела слава знаменитой «Воды из Кельна» – Eau de Cologne, или по-русски – «Одеколон». Тогда это было не общее название спиртовых ароматизированных настоек для мужчин, а вполне конкретная туалетная вода, в компоненты которой входили бергамот, лимон, грейпфрут и еще некоторые добавки. Изобрел «Воду из Кельна», как ни странно, итальянец – Джованни Мария Фарина. И назвал он ее в честь своей новой родины, Кельна, где уроженец Апеннин основал фирму, существующую до сих пор.

«Одеколон» воспевали Вольтер, Гете, а Наполеон даже в походе носил бутылочку с «Водой из Кельна» за голенищем своего сапога, чтобы всегда благоухать, как майская роза. После Отечественной войны 1812 года одеколон попал в Россию, где российские парфюмеры добавили к нему три эфирных масла: бергамотное, лимонное и нероли. Новый отечественный парфюм стали называть «Тройным одеколоном». Но к любимому напитку наших бомжей он не имел никакого отношения.

А тогдашний одеколон стоил немало – за один флакончик средний российский чиновник времени должен был отдать свое полугодовое жалование. Так что не каждому парфюм будет по карману.

Как я уже говорила, в Петербурге обосновались уже представители нескольких парфюмерных домов Европы, и нам придется побороться за место под солнцем.

– А каким парфюмом пользуется император Николай I? – спросил Шумилин. – Я, кстати, встретил его на Дворцовой набережной. Он выгуливал своего пуделя. Импозантный, надо сказать, мужчина.

– Даже так? – удивилась Ольга. – Ну, да ладно, дойдет и до него очередь. А Николай Павлович, насколько мне известно, пользовался духами Parfum de la Cour. Но в своих вкусах он был достаточно консервативен, и поэтому угодить ему будет нелегко...

– Хорошо, Ольга, давай подумай над тем, что я тебе сказал. Голова у тебя светлая, думаю, еще чего придумаешь. Про то, что надо держать язык за зубами, я тебя предупреждать не буду. Ну, и завтра с утра жду тебя у Антона. Увидишь наших предков, так сказать, живьем...

– Саша, если я до завтра не умру от любопытства и нетерпения, то обязательно буду, – сказала Ольга, провожая своего гостя до выхода. – Ну, а про то, что надо молчать, мог бы и не напоминать – не маленькая, чай...

Давайте дружить семьями

В урочный час в квартире Антона снова собрались все причастные к тайне. Тут был Виктор Сергеев, Шумилин и Ольга Румянцева, которая, промучившись от нетерпения и любопытства всю ночь, чуть свет примчалась к Антону на Гагаринскую. Ну, и, конечно, Антон, который в данный момент колдовал над своим детищем.

Все шло как обычно. Жужжание, гудение, в центре комнаты появился светящийся изумрудно-голубой круг, в котором все увидели кусочек Летнего сада и две фигуры. Странно, ведь князь должен был явиться на встречу один. Но присмотревшись, они увидели, что за Одоевским стоит испуганно прижавшаяся к нему приятной наружности темноволосая женщина средних лет.

Шумилин понял, что князь решил взять с собой в будущее супругу. Что ж, это просто замечательно. Вон, и Ольга Румянцева сделала стойку, увидев даму из столь любимой ею эпохи.

– Доброе утро, Владимир Федорович, доброе утро, Ольга Степановна, – сказал Антон, приветствуя гостей из прошлого, – мы рады видеть вас.

Князь по-свойски поздоровался со всеми и галантно расшаркался перед польщенной Ольгой, которая впервые видела перед собой настоящего, живого князя, а не доморощенных «месье Журденов», выдающих себя за потомков знатных дворянских родов.

Потом Одоевский представил хозяевам супругу, чувствовавшую себя явно не в своей тарелке. Княгине было все удивительно и чуждо: и одежда людей XXI века, и их несколько свободные – порой даже слишком свободные – манеры общения, и комната, заставленная необычной и странной мебелью.

Удивила ее и женщина, оказавшаяся ее тезкой. Та была одета в легкое платье, с точки зрения Ольги Степановны – слишком откровенное, открывавшее не только ступню, но и (о, ужас!) ногу до самого колена. Княгиня даже немного покраснела, но женщина из будущего, казалось, даже не замечала того, что выглядит неприлично. И, что самое удивительное, на это не обращали никакого внимания и присутствующие в комнате мужчины.

– Владимир Федорович, – сказал Антон, – если вы не против, то пусть Ольга Валерьевна побудет с вашей супругой. А то наши чисто мужские разговоры вряд ли будут им интересны. Женщины же всегда найдут общий язык.

Одоевский кивнул, и Ольга Румянцева, улыбнувшись, пригласила княгиню в соседнюю комнату. Та, робко посмотрев на мужа, покинула мужскую компанию, поддерживаемая под локоток новой знакомой.

Когда дверь за дамами закрылась, Шумилин обратился к Одоевскому:

– Владимир Федорович, мы провели в течение минувших суток своего рода военный совет и решили для начала отправить на постоянное жительство в ваше время уважаемого

Виктора Ивановича. Он хочет обосноваться в Петербурге, чтобы подготовить плацдарм для перехода туда всех нас. Дело это сложное, но другого выхода мы не видим. Вы не могли бы ему помочь?

Одоевский, внимательно слушавший Шумилина, согласно кивнул.

– Господа, я готов оказать вам всю возможную помощь, зная, что ваша деятельность будет полезна нашему Отечеству. Вы только скажите – чем я могу вам помочь?

– Владимир Федорович, – сказал Сергеев, – мне нужна легализация в вашем времени. И возможность работать, создавать новые образцы вооружений, которые могли бы усилить русскую армию. По роду службы я имел дело с достаточно сложной техникой, так что с той, которая есть в вашем времени, легко смогу разобраться.

О более конкретных предложениях мы поговорим позже, а пока я хочу попросить разрешения немного пожить у вас – скажем, в качестве вашего дальнего родственника, приехавшего в столицу из провинции.

– Что ж, Виктор Иванович, – ответил князь, – я почти за честь оказать вам гостеприимство. Ну, а о прочих вещах, как вы правильно изволили заметить, мы поговорим чуть позже.

– Вот и отлично, – сказал Шумилин, – пусть наш друг побудет у вас, посмотрит на вашу жизнь, заведет нужные знакомства. Надо только будет попросить Ольгу подобрать для Виктора соответствующий костюм. А вот, кстати, и она!

В комнату вошла Ольга Румянцева вместе с княгиней, которая, кажется, уже немного освоилась и перестала дичиться.

– Антон, ты не мог бы отвезти меня домой? Дело в том, что Ольга Степановна хочет посмотреть на наш Петербург. Сам понимаешь, что в одежде XIX века на улице она будет выглядеть несколько экстравагантно. Я прикинула, что у меня найдется платье, соответствующее размерам нашей гостьи. Надо все быстренько привезти сюда.

– Хорошо, – сказал Антон, – но ты, в свою очередь, поищи что-нибудь из одежды для Иваныча. Он вместе с князем отправится в прошлое, и его надо экипировать по моде того времени.

– Найдем, – коротко ответила Ольга, – вряд ли я успею что-то сшить для него. Но можно будет кое-что одолжить на время в костюмерной Ленфильма. У меня там есть знакомые.

– Вот и отлично, – подвел черту Шумилин. – Тоха, давай, одна нога здесь – другая там. Не заставляй нашу гостью долго ждать.

Когда Ольга, Сергеев и Антон ушли, Александр, чтобы как-то развлечь гостей, предложил послушать музыку. У хозяина была неплохая подборка CD-дисков с современной и классической музыкой. Порывшись, Шумилин нашел диск с фрагментами музыки из балета «Щелкунчик» Чайковского. Вставив сидюк в дисковод музыкального центра, он поднял руку, словно предупреждая гостей из прошлого о том, что надо быть готовыми к чему-то удивительному и прекрасному.

Зазвучала музыка, наполнившая чудесным образом всю комнату. Она поначалу удивила и даже немного напугала супругов. Одоевские дружно завертели головами, словно пытаясь обнаружить – где в такой небольшой комнате их новые знакомые ухитрился спрятаться целый симфонический оркестр. Но понемногу они погрузились в очаровательную музыку великого композитора. Особенно впечатлил их «Вальс цветов» и Па-де-де.

– Боже мой! – воскликнул восхищенный Одоевский, когда замолкли последние аккорды. – Откуда это чудо? Кто сочинил эту прекрасную музыку?

– Он родился несколько недель назад в Камско-Воткинском заводе, в семье горного инженера, подполковника Ильи Петровича Чайковского, – ответил Шумилин. – Позднее закончит в Петербурге Императорское училище правоведения. Но всему миру он будет известен как великий композитор.

Кстати, Владимир Федорович, в нашей истории именно вы многое сделаете для того, чтобы молодой начинающий музыкант сумел стать тем, кем он стал. Зовут его Петр Ильич Чайковский. А музыку, которую вы только что слушали, он написал для балета «Щелкунчик». Вы, наверное, читали сказку Эрнеста Теодора Амадея Гофмана «Щелкунчик и Мышиный король»?

Князь и княгиня кивнули. А Шумилин продолжал:

– Наша матушка Русь всегда была богата великими людьми. Но, к сожалению, они часто уходят из жизни в расцвете сил и таланта. Вот и Петр Ильич Чайковский умер в Петербурге в ноябре тысяча восемьсот девяносто третьего года от холеры. И было ему тогда всего пятьдесят три года.

– Да, это судьба, – печально сказал Одоевский, – к сожалению, вы правы. Александр Павлович, вы не могли бы еще раз дать мне послушать эту чудесную музыку?

Но тут вернулись Ольга, Виктор и Антон, нагруженные сумками с одеждой. Княгиня сразу же ушла вместе с Ольгой Румянцевой в соседнюю комнату примеривать привезенный для нее наряд. А мужчины стали прикидывать – чем им заняться сегодня. Одоевский попросил показать ему метро, о котором так много слышал, но пока еще ни разу не видел, а также сводить его в Музей артиллерии, чтобы посмотрел своими глазами на образцы военной техники, появившейся в XX веке.

Сопровождать Одоевского решил Виктор, который хотел поближе познакомиться с князем. Минут через пятнадцать в комнату вошли дамы. Князь, увидев свою супругу, не мог удержаться от восхищения. Ольга Степановна выглядела настоящей красавицей. Наша «кузина-белошвейка» нарядила ее в ярко-синее приталенное платье, довольно длинное для моды XXI века, но слишком откровенное для сороковых годов века XIX. Ольга с помощью умеренного макияжа сделала и без того симпатичное лицо княгини просто очаровательным. На голове лихо сидела пестрая панاما, подчеркивающая смуглость лица гостьи из прошлого.

Антон, старый сердцеед и бабник, закатил глаза кверху и «заводил жалом» при виде супруги князя. Но вовремя спохватившись, не стал перед ней «звенеть шпорами» и заговорил о чем-то с Виктором.

Ольга Румянцева с гордостью посмотрела на окружающих – мол, полюбуйтесь на дело рук моих. Все оценили и впечатлились. Одоевский, вдоволь налюбовавшись на супругу, отпустил ее вместе с Ольгой на прогулку. А сам пошел переодеваться, чтобы отправиться в очередной вояж по городу вместе с Виктором Сергеевым.

Княжеский круиз

Выйдя из дома на Гагаринской, женщины направились в сторону Пантелеймоновской церкви. Поначалу княгиня очень стеснялась своего внешнего вида. Ей казалось, что все прохожие смотрят на нее и на ее ноги, которые были до неприличия открыты.

Но минут через десять она убедилась, что ее наряд не вызывает у встречных мужчин никакого интереса. К тому же навстречу попадались дамы, одетые, с ее точки зрения, ну уж совершенно непристойно. Одна из них, девица лет двадцати, шла, весело разговаривая, как показалось княгине, сама с собой. При этом она прижимала к уху какую-то блестящую пластинку. На девице были надеты коротенькие панталоны (такие в ее мире дамы носили под нижней юбкой) и рубашечка, открывающая половину живота. К тому же та была без шляпки, а длинные волосы спадали с ее плеч, словно она готовилась расчесаться перед сном.

– Ольга Валерьевна, – жалобно спросила княгиня у своей спутницы, – что же это такое? Кто разрешил ей выйти в таком виде на улицу? У нее что, нет родителей? И почему эта юная мадемуазель все время разговаривает сама с собой. Может быть, она тронулась умом?

Ольга взглянула на девушку, слегка усмехнулась и ответила княгине:

– Не обращайтесь внимания, Ольга Степановна. Это у нас такая мода – шорты и топик. Шорты – это то, что у нее снизу, топик – это то, что сверху. Если фигура у девушки хорошая, то она очень даже неплохо выглядит со стороны – мужчинам такое нравится. А разговаривает она не сама с собой, а по мобильному телефону, и скорее всего, с подружкой или с приятелем.

Увидев недоумение на лице спутницы, Ольга пояснила:

– Мобильный телефон – это такой аппарат, с помощью которого люди могут общаться с собеседником на расстоянии. – И предложила княгине: – Если хотите, прямо отсюда можете переговорить с вашим супругом.

Княгиня робко кивнула, и Ольга, достав из сумочки небольшую коробочку красного цвета, откинула крышку и начала нажимать на ней какие-то кнопки. Потом, прижав коробочку к уху, стала ждать.

– Алло, Антон, – сказала она. – Да, это я. Нет, ничего не случилось. Просто решила показать княгине чудо нашей техники – сотовый телефон. Дай трубку Владимиру Федоровичу. С ним супруга хочет переговорить.

Княгиня осторожно взяла в руку красную коробочку и, стараясь подражать Ольге, прижала к уху. И вздрогнула, услышав голос мужа:

– Милая, с тобой все в порядке?

Ольга Степановна робко ответила:

– Да, дорогой, все хорошо. Просто Ольга Валерьевна решила продемонстрировать мне возможности одного из своих чудесных устройств.

Закончив говорить, княгиня отдала коробочку спутнице.

Так, за разговорами, две Ольги дошли до Пантелеймоновской церкви, а потом свернули на Фонтанку и направились к Михайловскому замку. Княгиня все время крутила головой и со стороны напоминала растерянную провинциалку, впервые попавшую в большой город.

А в общем-то, так оно и было. Тогдашний Петербург по своему размеру примерно был равен нынешнему среднему городу Центральной России. Но главное даже было не в этом, Ольгу Степановну удивлял бурный ритм жизни современного мегаполиса, несопоставимый с сонным и патриархальным XIX веком, когда император сам выгуливал на улице любимую собаку, а встречные прохожие с ним вежливо раскланивались.

Но постепенно княгиня освоилась и стала засыпать Ольгу вопросами. Ее интересовало все: как дамы проводят время, какие театры они посещают, часто ли у них бывают балы.

Ольга отвечала, стараясь подобрать слова, понятные княгине. Та очень была удивлена, когда узнала, что женщины больше не сидят дома, а учатся и работают, причем работают часто там, где в ее время трудились исключительно мужчины. Словно подтверждая ее слова, мимо них прошла курсантка училища МВД. Княгиня, узнав, что эта симпатичная девица, закончив учебное заведение, станет служить в полиции, была так удивлена, что даже на пару минут потеряла дар речи.

– Женщина!.. – воскликнула она, отойдя от шока, – служит в полиции?! Это же ужасно!

По набережной они вышли к Невскому. Ольга рассказывала спутнице о главной улице Северной столицы XXI века, а та, в свою очередь, о Невском века XIX. Обе узнали много нового для себя.

Потом, как это обычно бывает, женщины стали беседовать о том, что их волнует больше всего на свете. Естественно, речь зашла о семье, о доме. Княгиня была очень удивлена, что ее тетка не замужем.

– Ольга Валерьевна, да как же это так! – воскликнула она. – Вы такая красивая и умная дама, и живете одна?

– Лучше бы я была просто красивой, – с кривой усмешкой сказала Ольга Румянцева, – с умными дамами мужчины любят общаться, а вот женятся они почему-то на красивых. К слову сказать, я все же была замужем. Но с мужем мы развелись через два года совместной жизни. Я

оказалась для него слишком умной. Разошлись мы мирно, тихо, без скандала. Детей, к счастью, у нас не было...

Княгиня неожиданно разволновалась.

– Ольга Валерьевна, что же вы такое говорите! Да как же можно так о детях-то! Мы с мужем который уже год мечтаем о ребеночке. Но не дает нам Бог сына или дочку. А Володя так любит детей! Он пишет для них сказки, и ему очень хочется когда-нибудь прочитать написанное своим крошкам. К тому же муж переживает, что с его смертью прервется мужская линия князей Одоевских. Только похоже, что мы так и не станем счастливыми родителями. Да и старая для того, чтобы быть матерью. Ведь мне уже сорок три...

Княгиня тяжело вздохнула. Ольга остановилась, посмотрела на нее и воскликнула:

– Ольга Степановна, да вы еще совсем молодая! И выглядите лет на тридцать! Какая же вы старая? Да у нас и в сорок три года многие становятся матерями. Хотя, конечно, лучше рожать лет в тридцать.

Ольга подумала еще немного, а потом воскликнула:

– Ольга Степановна, вы ведь видели доктора Кузнецова? Он был с Александром у вас в прошлом. Ах, да, тогда вас не было дома... Так вот, Алексей – тот, кто наверняка вам сможет помочь!

Княгиня остановилась как вкопанная и удивленно и растерянно посмотрела на свою спутницу.

– Ольга Валерьевна, голубушка, неужели нам с Владимиром Федоровичем как-то еще можно помочь в таком деле?! Скажите мне правду! Не томите душу!

– Ну, обещать на все сто процентов нельзя, – ответила Ольга, – но у вас может появиться шанс, причем весьма реальный. Я не буду сейчас рассказывать вам о чудесах нашей медицины, скажу только, что многое из того, на что она способна, вам даже трудно себе представить.

– Боже мой, – воскликнула обрадованная княгиня, – милая Ольга Валерьевна, наверное, мне вас сам Господь послал! Когда, когда же я смогу встретиться с доктором Кузнецовым?! Нельзя ли назначить с ним встречу прямо сейчас по этому вашему... – княгиня замаялась, – сотовому телефону?

– Ольга Степановна, – сказала Ольга, – мы обязательно свяжемся с доктором Кузнецовым. Но хочу вас сразу предупредить – дело это сложное, требует длительных врачебных обследований, причем не только вас, но и Владимира Федоровича. Ведь надо определить, из-за чего у вас не может наступить беременность. А ведь, как известно, в этом деле участвуют оба супруга.

Непривычная к таким откровенным разговорам княгиня залилась краской. Но ей очень хотелось, наконец, услышать у себя дома детские голоса и ощутить радость материнства. И она кивнула, соглашаясь с Ольгой.

Потом на Невском и на прилегающих к нему улицах женщины посетили несколько довольно дорогих магазинов, торгующих косметикой и парфюмерией. У княгини глаза разбежались при виде коробочек, скляночек и прочих душистых вещичек, которые были разложены на прилавках.

Они закупили множество пробничков, коробочек с тушью, тенями и пудрой, цилиндриков с губной помадой. Ольга истратила почти все деньги, которые были у нее на карте. Но она не расстраивалась. Ей очень хотелось, чтобы эта, еще сегодня утром совершенно незнакомая ей женщина, стала счастливой.

А княгиня, обрадованная новыми впечатлениями и надеждой, которую ей подарила эта удивительная женщина из будущего, смеялась, как девчонка, и выглядела при этом еще моложе.

Ольга взяла с собой фотоаппарат. Она попросила прохожего, молодого человека, сфотографировать их у шара-фонтана возле Елисейского магазина на Малой Садовой и у памятника старому фотографу, которому они почесали «на счастье» нос и мизинец.

Домой они вернулись веселые и счастливые. Но мужчин там еще не было – видно, их прогулка оказалась более длительной...

* * *

Когда женщины ушли, мужчины тоже стали собираться в дорогу. Антон и Александр решили заняться текущими делами, связанными с будущей командировкой Сергеева в прошлое, а князь, переодевшись, ждал, когда Виктор закончит разговор по мобильнику с сыном.

Неожиданно у Антона в смартфоне запиликала мелодия из «Рамштайна». Князь вздрогнул. Антон нажал на дисплей и, после нескольких слов, передал смартфон князю. Одоевский приложил аппарат к уху так, как это сделал несколько секунд назад Антон, и стал говорить с женой. Впрочем, разговор был недолгим. Похоже, что Ольга Румянцева просто решила продемонстрировать своей спутнице достижения современной техники.

Но князь был удивлен не мобильниками – их он видел еще во время первого посещения Питера, – а звуками, которые раздались из смартфона Антона.

– Скажите, Антон Михайлович, – спросил он, – а то, что играло внутри вашего прибора, это что – тоже музыка?

– Гм, – замылся Антон, – Владимир Федорович, видите ли, музыка сейчас разная. Есть похожая на ту, что существует и в вашем времени, а есть такая, которую музыкой называют лишь по недоразумению. Впрочем, о вкусах не спорят. Многие мои знакомые, как ни странно, любят и «Рамштайн».

– Вы мне потом предоставите возможность ее услышать? – спросил князь.

Антон пообещал удовлетворить любопытство Одоевского. Тем временем Виктор закончил разговор с сыном.

Князь и Виктор вышли из дома и отправились в сторону станции метро «Чернышевская». По дороге они перешли Литейный проспект и зашли на несколько минут в Спасо-Преображенский собор. Князь помнил его – храм после сильного пожара был еще при нем перестроен архитектором Стасовым. Одоевский полюбовался на ограду собора, сделанную из стволов турецких орудий, захваченных русской армией в качестве трофеев во время войны 1828–1829 годов.

Потом они с Виктором зашли в храм. Там шла служба. Приложившись к иконам Божьей матери и Спаса Нерукотворного, они вышли из собора.

Виктор подробно рассказывал Одоевскому о том, как надо вести себя в метро и как пользоваться жетонами для прохода через турникет. Князь внимательно слушал, но зайдя в вестибюль станции, немного оробел. Впрочем, посмотрев, как лихо суют жетоны в щель турникета пассажиры, князь собрался с духом и прошел через, казалось, непреодолимое для него препятствие.

А впереди был еще эскалатор. На всякий случай Виктор взял Одоевского под ручку и помог сделать первый шаг на движущуюся вниз ступень. Дальше было проще. Они сели на подошедший к платформе поезд, услышали предупреждение: «Осторожно, двери закрываются», и электричка умчала их в темноту тоннеля. На станции метро «Пушкинская» князь долго стоял в конце вестибюля у памятника Пушкину. Поэт был запечатлен скульптором Аникушиным сидящим на пенке, на фоне панорамы Царскосельского парка.

– Виктор Сергеевич, а ведь я его прекрасно помню, – печально вздохнув, сказал Одоевский. – Ведь эта ужасная дуэль случилась всего-то три года назад... Мы не убергли его.

Потом князь и Сергеев перешли на «Звенигородскую» и доехали до станции «Спортивная».

Они вышли к Князь-Владимирскому собору и неспешным шагом направились в сторону Петропавловской крепости. Одоевский лишь сейчас поделился с Сергеевым своими впечатлениями о путешествии под землей. Он с трудом поверил, что поезд, на котором они только что ехали, прошел под Невой и Малой Невкой.

– Виктор Сергеевич, да это просто фантастика! – воскликнул князь. – Как стало удобно с помощью вашего метро путешествовать по городу! Но у нас, несмотря на все старания государя, такое вряд ли можно построить. А жаль... Я описывал нечто похожее в романе «4338 год», но даже мои фантазии не могли предвидеть то, чему сегодня я стал свидетелем.

Они подошли к ограде зоопарка и увидели красные кирпичные стены «Русской Бастилии». В этот момент неожиданно раздался грохот полуденной пушки, а вслед за ним на колокольне Петропавловского собора пробили куранты. Сергеев машинально посмотрел на часы.

– Полдень, – сказал он, – все точно...

– Виктор Иванович, – спросил его несколько удивленный этим выстрелом Одоевский, – а что это означает? В наше время пушки в крепости стреляли лишь при рождении ребенка в царской семье, или когда вода опасно поднималась в Неве и начиналось наводнение.

– Владимир Федорович, – ответил Сергеев, – с первых лет существования Петербурга, по личному распоряжению царя Петра Алексеевича, пушка, установленная на Государевом бастионе Петропавловской крепости, подавала сигнал к началу и прекращению работ. Однако в конце XVIII века император Павел Петрович повелел прекратить утреннюю и вечернюю пальбу. И лишь в тысяча восемьсот шестьдесят пятом году пушечный выстрел, возвещающий наступление полудня, снова прозвучал из центрального двора Адмиралтейства. А еще через восемь лет сигнальные пушки перенесли на Нарышкин бастион Петропавловской крепости.

– Вот как, – удивился Одоевский, – а я и не знал. Значит, ваши власти чтят заветы императора Петра Великого.

Вскоре они увидели величественное здание Кронверка. В нем, собственно, и находился Артиллерийский музей. Точнее, Музей артиллерии, инженерных войск и войск связи.

Сергеев и Одоевский у входа в музей остановились у огромных восьмидюймовых гаубиц. Те, словно грозные стражи, стояли у ворот здания, где хранились реликвии ратной славы русского оружия.

А когда вошли в ворота, князь просто ахнул от удивления. Его можно было понять – весь огромный двор музея был заставлен пушками, ракетами, самоходными орудиями, системами залпового огня. Были здесь даже танк и образцы инженерной техники.

Виктор Иванович подошел к танку Т-80 и ласково погладил его по броне.

– Вот, Владимир Федорович, у меня были именно такие машины. Наша отдельная мотострелковая бригада новогодней ночью вошла в Грозный... – тут Сергеев тяжело вздохнул и потер шрам на лбу – память о той войне. – Ладно, давайте пойдем в музей. Там тоже есть что посмотреть.

Сергеев долго водил князя по залам. Одоевский с интересом изучал экспонаты. Особенно долго они стояли у стендов, посвященных Крымской войне. Многие ее участники были знакомы князю не только по портретам и фотографиям. Одоевский потрогал стоявшую в зале огромную крепостную бомбическую пушку и тяжело вздохнул.

– Если бы тогда у нас были орудия, подобные тем, что мы видели во дворе! – сказал он.

– Вот и мы, Владимир Федорович, хотим, чтобы у русской армии и флота было лучшее в мире оружие, – ответил Сергеев. – И не только хотим, но и приложим все силы, чтобы так оно и было.

Потом они пошли в залы, посвященные Великой Отечественной войны. Потрясенный Одоевский стоял у витрины, где лежало искореженное оружие защитников Брестской крепости, а на фотографии была запечатлена надпись на стене казармы, где квартировался 132-й отдельный батальон конвойных войск НКВД: «Умираю, но не сдаюсь! Прощай, Родина...»

– Боже мой, – шептал князь, – какие герои... Это как спартанцы царя Леонида в Фермопилах. Все погибли, но твердыню свою не оставили. Какое страшное время... Какие люди...

А у стенда, посвященного Блокаде Ленинграда, Одоевский не удержался и расплакался. Его потрясли фотографии заснеженных улиц города и мерзлые трупы, лежащие в сугробах. И листочки из блокнота девочки Тани Савичевой: «Бабушка умерла 25 янв. 3 ч. дня 1942 г.», «Дядя Вася умер в 13 апр. 2 ч. ночь 1942 г.», «Мама в 13 мая в 7:30 час. утра 1942 г.», «Умерли все», «Осталась одна Таня»...

Потом были залы, в которых рассказывалось о разгроме немцев под Москвой, о Сталинградской битве и штурме Берлина. Одоевский, как губка, впитывал информацию о далеком и во многом непонятном для него времени. Он задавал вопросы Сергееву, старательно запоминал ответы на них и спрашивал еще и еще.

Князь и Виктор долго бродили по двору музея, разглядывая выставленную там боевую технику. Отставной майор со знанием дела рассказывал князю о зенитных ракетах (правда, перед этим ему пришлось прочесть небольшую лекцию об авиации), о системах залпового огня, которые могли смести с лица земли целые полки, и чудовищных размеров ракеты, каждая из которых могла уничтожить город.

От рассказов Сергеева Одоевскому стало не по себе. У него в голове не укладывалось, как можно одним нажатием кнопки (так, во всяком случае, ему объяснил Виктор Иванович) убить в течение нескольких секунд тысячи людей. Какой страшный мир у потомков!

Полные впечатлений, беседуя о жизни в прошлом и будущем, они перешли через Неву по Троицкому мосту и, дойдя до Летнего сада, постояли некоторое время на гранитном спуске, любуясь панорамой Петербурга.

– А все-таки красиво, – вздохнув, сказал Одоевский, – огромный город и множество чудес в нем. Люди, не всегда понятные в своих словах и поступках. Но что поделаешь – между нами почти два века. Думаю, Виктор Иванович, и для вас наш мир будет не совсем понятным и чужим. Но вы хоть что-то знаете о нас, а вот мы о вас не знаем ничего...

Незаметно они подошли к дому Антона. Поднялись по лестнице, Виктор нажал кнопку звонка. Дверь открыла Ольга Румянцева.

– Явились – не запылились, – воскликнула она. – А дамы тут сидят, вас ждут. Соскучились уже и проголодались.

Из комнаты в прихожую вышла княгиня. Лицо ее сияло. Она прижалась к мужу и хотела было что-то шепнуть ему на ухо, но потом, вспомнив, видимо, что это будет не совсем прилично, потащила его в комнату.

– Чего это она? – спросил Виктор у Ольги.

– Потом, все потом, – сказала ему «кузина-белошвейка», – только сначала я попрошу тебя переговорить с Алексеем Кузнецовым. Дело же, собственно, вот в чем...

* * *

Ольга рассказала Сергееву о беседе с княгиней. Виктор задумчиво почесал лысину, но ничего толкового посоветовать не смог. Он достал мобильник и набрал номер Кузнецова.

– Алло, Алексей, привет, это Виктор. Если можешь, подъезжай к Антону. Разговор есть. Серьезный.

Потом он хитро посмотрел на Ольгу, подмигнул и сказал:

– Кесарю кесарево, а слесарю – слесарево. Починить чего – это для меня запросто. А в таких тонких дамских делах я не помощник.

Минут через пять из комнаты вышла раскрасневшаяся княгиня и взволнованный князь.

– Ольга Валерьевна, – обратился он к Румянцевой, – скажите, вы правду сегодня сказали моей супруге?

Ольга кивнула.

– Да, Владимир Федорович, правда. Наша медицина может многое. Если все у вас с княгиней в порядке со здоровьем – а я думаю, что это именно так, – то ваши надежды сбудутся. Виктор Иванович уже позвонил Алексею, и тот должен подъехать сюда с минуты на минуту.

Но раньше доктора приехали Антон и Александр. Они притащили две набитые битком огромные сумки, называемые в народе «мечтой оккупанта» – это было «приданое» Виктору на первое время его жизни в прошлом. Друзья стали выкладывать на стол гостинцы. Тут был и ноутбук с зарядным устройством на солнечных батареях, пара портативных радиостанций, легкий броник, карабин «Сайга» и несколько пачек патронов к нему, травматический пистолет «Макарыч», пара газовых баллончиков, нож охотничий, несколько мультитулов, набор инструментов, ну и еще много других полезных вещей. Короче, набор Робинзона на все случаи жизни.

Виктор перебирал их, внимательно осматривал. Некоторые отложил в сторону, буркнув под нос: «Вот это мне без надобности...» Князь с интересом смотрел на происходящее, изредка интересуясь назначением того или иного предмета.

Вскоре подъехал Алексей. Супружескую чету Одоевских с ним отправили в комнату, чтобы они там без помех обсудили сугубо интимные вопросы, а Антон, Александр и Виктор принялись снова укладывать вещи в сумки.

Минут через пять Алексей вышел из комнаты и сказал, что ему надо съездить с князем, княгиней и Ольгой Румянцевой (без нее Ольга Степановна ехать категорически отказывалась) в одну частную клинику, занимающуюся лечением бесплодия. В ней работает хороший знакомый Алексея. Вернуться обещали через несколько часов. Воспользовавшись их отсутствием, друзья решили еще раз уточнить диспозицию.

– Запомни, Иваныч, – сказал Шумилин, – сейчас для тебя главное – не суетиться. Нам нужно место, где можно было бы без помех переходить из будущего в прошлое. А то мы с этим Летним садом когда-нибудь спалимся. Тебе князь рассказывал о том, как он, возвращаясь от нас, напоролся на самого Николая Палыча?

– Хорошо, – сказал Сергеев, – на месте все увидим и оценим. Сказать честно – и интересно мне, и немного страшновато. А впрочем, где наша ни пропадала! Вы, ребята, за Колькой моим присматривайте. Парень он хоть и толковый, но все же молодо-зелено: может, его без моего пригляда потянет на приключения.

Поговорив еще немного, друзья решили отдохнуть перед дальней дорогой. Антон сходил на кухню и принес оттуда початую бутылку с коньяком, три рюмки и тарелочку с нарезанным кружками лимоном. За разговором время пролетело быстро.

В дверь позвонили, и через минуту в квартиру ввалились Алексей, Ольга и чета Одоевских. Судя по их довольным лицам, врачи обнадежили гостей из прошлого. Это подтвердил и Алексей, шепнувший на ухо Антону, что случай отнюдь не из самых сложных, и что скорее всего, медики помогут Одоевским обзавестись потомством. Правда, лечение будет стоить недешево. Но князь сказал, что не пожалеет ничего, чтобы род его, идущий от самого Рюрика, не прервался.

Женщины тут же ушли в комнату. Предстояла нелегкая задача – одеть княгиню в ее наряды XIX века. На такое уходил час, а то и больше. Нужно было надеть корсет, несколько юбок, застегнув при этом больше сотни крючков и пуговиц. Сделать это без помощи горничной (в данном случае ее с успехом заменяла Ольга Румянцева, которая, к счастью, разбиралась в тонкостях тогдашней женской одежды) было просто невозможно.

Пока дамы одевались, друзья еще раз переговорили с Одоевским насчет переправки в прошлое Виктора Сергеева. Было решено, что сначала туда отправятся князь с княгиней. Они придут домой, княгиня останется, а князь, взяв с собой слугу и наняв экипаж, снова вернется в Летний сад. Сергеев же будет поджидать их с вещами в зеленом лабиринте. К тому времени Николай I должен закончить прогулку с собакой.

Слуга отнесет вещи к экипажу, Виктор и князь сядут в него и без помех доедут до дома на Фонтанке.

Такой вариант все сочли вполне здравым и начали готовиться к переходу. Князь переоделся в свою одежду и помог Виктору надеть то, что подобрала для него Ольга Румянцева. Заодно он дал Сергееву пару советов, как себя вести, как снимать и надевать цилиндр, как держать в руках трость – словом, что надо было делать, чтобы не выделяться среди жителей Петербурга XIX века.

Вскоре из комнаты вышли княгиня и Ольга. Женщины, похоже, уже успели подружиться. Они обнялись на прощание, и Ольга Степановна даже всплакнула от избытка чувств, расставаясь с новой знакомой из будущего.

Антон включил свою чудо-машину. Процедура перехода из будущего в прошлое стала уже привычной. Жужжание, гудение, светящийся изумрудно-голубоватый круг, в котором виден кусочек Летнего сада. Еще раз попрощавшись, князь и княгиня шагнули в прошлое. Гудение стало тише, и круг снова сузился до яркой изумрудной точки.

– Первый пошел, – пошутил Александр, – второй – на старт!

Переход Сергеева должен был состояться через два часа.

Глава 3 Захват плацдармов

Здесь вам не там

Время ожидания пролетело незаметно. За четверть часа до назначенного срока Антон снова включил Агрегат, а Виктор еще раз проверил свои сумки и то, что приготовил на случай, если встреча с прошлым окажется не очень гостеприимной. А именно – баллончик с перцовым газом и травматик «Макарыч». Для того чтобы отбиться от обитателей XIX века, этого вполне должно было хватить.

Шумилин выпил с путешественником по рюмочке коньяка – «на посошок», и когда в комнате снова появился сияющий круг, отставной майор, перекрестившись, взял в руки сумки и шагнул в прошлое. Последнее, что он услышал перед тем, как дверь (или окно?) в его мир захлопнулась, были напутственные слова Антона:

– Вперед, Иваныч, тебя ждут великие дела...

Не успел Виктор перевести дух, как в шагах пяти от него раздался тревожный голос князя Одоевского:

– Виктор Иванович, с вами все в порядке?

– Все в порядке, Владимир Федорович, – ответил Сергеев. – А вы с княгиней без приключения добрались?

Коренастая фигура Одоевского появилась в полумраке зеленого лабиринта. Вслед за ним, испуганно озираясь, шел высокий парень лет двадцати пяти, одетый в длинный кафтан, шаровары, заправленные в сапоги, и кепку, очень похожую на ту, в которой обычно щеголял думский бузотер Жириновский.

– Виктор Иванович, не беспокойтесь, это Тришка, мой слуга. Он отнесет ко мне домой ваши сумки. Я нанял извозчика, тот ждет нас у ворот сада. Пойдемте.

Когда Тришка, подхватив сумки, вышел из-за кустов, Одоевский сделал галантный жест, предлагая Виктору последовать за ним.

На открытом экипаже они поехали по набережной Фонтанки. Проезжая мимо знаменитого здания «у Цепного моста», в котором два года назад обосновался штаб Корпуса жандармов, Одоевский кивком показал на него Сергееву, сказав с усмешкой:

– Вот, Виктор Иванович, бойтесь «лазоревого гостя» из этого дома. Вам лучше от него держаться подальше.

Пока они ехали на извозчике, Виктор, в пол уха слушая князя, с изумлением крутил головой, не узнавая родной город. Уж очень тот был не похож на Петербург начала XXI века. Аничков мост выглядел непривычно без бронзовых коней барона Клодта, но зато был украшен каменными башенками и цепями, и был очень похож на Старо-Калинкин мост.

А вот и дом купца Евсевьева на Фонтанке. Там жил Одоевский с супругой. Виктор и князь вылезли из экипажа.

– Милости прошу, Виктор Иванович, – сказал Одоевский, приглашая Сергеева войти в парадную, дверь в которую услужливо распахнул швейцар. – Не беспокойтесь, Тришка доставит ваши вещи в целостности и сохранности. Парень он хоть и простоватый, но зато честный и старательный.

По мраморным ступеням широкой парадной лестнице они поднялись до квартиры князя. В дверях гостя встретил лакей, мужчина средних лет с круглой плутоватой рожой – такая в будущем обычно характерна для политических деятелей областного и районного масштаба.

В прихожей мужчин встретила сама княгиня. Она радушно поприветствовала Виктора, хотя и рассталась с ним всего пару часов назад. Вскоре появился и немного запыхавшийся Тришка с сумками. Князь лично проводил гостя в отведенную тому комнату, предложил располагаться там и чувствовать себя как дома.

Минут через двадцать пришла горничная и пригласила Виктора в столовую. Князь и княгиня уже сидели за обеденным столом, ожидая его прихода.

На первое у Одоевских в этот день была уха из осетра (как ни странно, но в те времена полутораметровую рыбину запросто можно было поймать в Неве!). На второе ростбиф с картофелем – сей продукт тогда не был так широко распространен в России, как в наше время, и считался своего рода «барским лакомством». А также румяные пироги и кулебяка на «заедку». Запивалось все это клюквенным морсом.

После обеда мужчины вышли из столовой, и Виктор решил переговорить с князем относительно порядка дальнейших действий. В ответ Одоевский предложил прогуляться по Невскому. Пора было привыкать к неторопливой и размеренной жизни в XIX веке.

Нет слов, чтобы описать главную улицу Санкт-Петербурга. Наверное, лучше всего это сделал бы Николай Васильевич Гоголь в своем бессмертном произведении. Поэтому просто процитируем классика:

«Нет ничего лучше Невского проспекта, по крайней мере в Петербурге; для него он составляет все. Чем не блещит эта улица – красавица нашей столицы!.. Здесь единственное место, где показываются люди не по необходимости, куда не загнала их надобность и меркантильный интерес, объемлющий весь Петербург...

Всемогущий Невский проспект!.. Какая быстрая совершается на нем фантазмагория в течение одного только дня! Сколько вытерпит он перемен в течение одних суток! Начнем с самого раннего утра, когда весь Петербург пахнет горячими, только что выпеченными хлебами и наполнен старухами в изодранных платьях и салопах, совершающими свои наезды на церкви и на сострадательных прохожих...

В двенадцать часов на Невский проспект делают набеги гувернеры всех наций с своими питомцами в батистовых воротничках... Но чем ближе к двум часам, тем уменьшается число гувернеров, педагогов и детей: они наконец вытесняются нежными их родителями, идущими под руку с своими пестрыми, разноцветными, слабонервными подругами... К ним присоединяются и те, которые служат в иностранной коллегии и отличаются благородством своих занятий и привычек. Все, что вы ни встретите на Невском проспекте, все исполнено приличия: мужчины в длинных сюртуках, с заложными в карманы руками, мамы в розовых, белых и бледно-голубых атласных рединготах и шляпках.

Вы здесь встретите бакенбарды единственные, пропущенные с необыкновенным и изумительным искусством под галстук, бакенбарды бархатные, атласные, черные, как соболь или уголь, но, увы, принадлежащие только одной иностранной коллегии. Служащим в других департаментах провидение отказало в черных бакенбардах, они должны, к величайшей неприятности своей, носить рыжие. Здесь вы встретите усы чудные, никаким пером, никакою кистью не изобразимые; усы, которым посвящена лучшая половина жизни, – предмет долгих бдений во время дня и ночи, усы, на которые излились восхитительнейшие духи и ароматы и которых умастили все драгоценнейшие и редчайшие сорта помад, усы, которые заворачиваются на ночь тонкою веленевою бумагою, усы, к которым дышит самая трогательная

привязанность их посессоров и которым завидуют проходящие. Тысячи сортов шляпок, платьев, платков, – пестрых, легких, к которым иногда в течение целых двух дней сохраняется привязанность их владельниц, ослепят хоть кого на Невском проспекте. Кажется, как будто целое море мотыльков поднялось вдруг со стеблей и волнуется блестящею тучею над черными жуками мужеского пола.

Здесь вы встретите такие талии, какие даже вам не снились никогда: тоненькие, узенькие талии, никак не толще бутылочной шейки, встретясь с которыми, вы почтительно отойдете к сторонке, чтобы как-нибудь неосторожно не толкнуть невежливым локтем; сердцем вашим овладеет робость и страх, чтобы как-нибудь от неосторожного даже дыхания вашего не переломилось прелестнейшее произведение природы и искусства.

А какие встретите вы дамские рукава на Невском проспекте! Ах, какая прелесть! Они несколько похожи на два воздухоплавательные шара, так что дама вдруг бы поднялась на воздух, если бы не поддерживал ее мужчина; потому что даму так же легко и приятно поднять на воздух, как подносимый ко рту бокал, наполненный шампанским. Нигде при взаимной встрече не раскланиваются так благородно и непринужденно, как на Невском проспекте. Здесь вы встретите улыбку единственную, улыбку верх искусства, иногда такую, что можно растаять от удовольствия, иногда такую, что увидите себя вдруг ниже травы и потупите голову, иногда такую, что почувствуете себя выше адмиралтейского шпица и поднимете ее вверх. Здесь вы встретите разговаривающих о концерте или о погоде с необыкновенным благородством и чувством собственного достоинства. Тут вы встретите тысячу непостижимых характеров и явлений.

В это благословенное время от двух до трех часов пополудни, которое может назваться движущею столицею Невского проспекта, происходит главная выставка всех лучших произведений человека. Один показывает щегольской сюртук с лучшим добром, другой – греческий прекрасный нос, третий несет превосходные бакенбарды, четвертая – пару хорошеньких глазок и удивительную шляпку, пятый – перстень с талисманом на щегольском мизинце, шестая – ножку в очаровательном башмачке, седьмой – галстук, возбуждающий удивление, осьмой – усы, повергающие в изумление.

Но бьет три часа, и выставка оканчивается, толпа редет... В три часа – новая перемена. На Невском проспекте вдруг настает весна: он покрывается весь чиновниками в зеленых вицмундирах. Голодные титулярные, надворные и прочие советники стараются всеми силами ускорить свой ход. Молодые коллежские регистраторы, губернские и коллежские секретари спешат еще воспользоваться временем и пройтись по Невскому проспекту с осанкою, показывающею, что они вовсе не сидели шесть часов в присутствии. Но старые коллежские секретари, титулярные и надворные советники идут скоро, потупивши голову: им не до того, чтобы заниматься рассматриванием прохожих; они еще не вполне оторвались от забот своих.

С четырех часов Невский проспект пуст, и вряд ли вы встретите на нем хотя одного чиновника. Какая-нибудь швея из магазина перебежит через Невский проспект с коробкою в руках, какая-нибудь жалкая добыча человеколюбивого понытчика, пущенная по миру во фризовой шинели, какой-нибудь заезжий чужак, которому все часы равны, какая-нибудь длинная высокая англичанка с ридикюлем и книжкою в руках, какой-нибудь

артельщик, русский человек в демикотоновом сюртуке с талией на спине, с узенькою бородою... больше никого не встретите вы на Невском проспекте.

Но как только сумерки упадут на дома и улицы и будочник, накрывшись рогожею, вскарабкается на лестницу зажигать фонарь, а из низеньких окошек магазинов выглянут те эстампы, которые не смеют показаться среди дня, тогда Невский проспект опять оживает и начинает шевелиться. Тогда настает то таинственное время, когда лампы дают всему какой-то заманчивый, чудесный свет. Вы встретите очень много молодых людей, большею частию холостых, в теплых сюртуках и шинелях. В это время чувствуется какая-то цель, или, лучше, что-то похожее на цель, что-то чрезвычайно безотчетное; шаги всех ускоряются и становятся вообще очень неровны. Длинные тени мелькают по стенам и мостовой и чуть не достигают головами Полицейского моста...»

Да, лучше Гоголя не опишешь Невский проспект!

Прогулявшись по Невскому и по прилегающим к нему улицам, Виктор и князь Одоевский вернулись домой.

Тыловое обеспечение

Права народная пословица: уезжающий увозит четверть печали, оставляя три четверти провожающим. Примерно в такой же пропорции это происходит и с заботами. Проводив в прошлое Виктора Сергеева, его друзья стали прикидывать, что им надо сделать, чтобы следующая вылазка в век XIX прошла с наибольшим КПД.

Первым делом было решено дать поручение Антону – заняться усовершенствованием машины времени. Он решил создать два новых «агрегата» – один мощный, с помощью которого можно будет перебрасывать в прошлое крупногабаритные грузы и который будет установлен в одном из просторных боксов в автомастерской, принадлежавшей Сергееву. Оставшийся там за старшего племянш Виктора получил накануне от дяди команду очистить этот бокс от разного хлама и подвести туда мощный силовой кабель.

Второй «агрегат», мощностью поменьше, было решено сделать в перевозимом варианте. У Сергеева был старенький фургончик на шасси УАЗ-451. Антон собирался установить в нем пульт управления, генератор и саму аппаратуру. Он планировал отправиться на этом фургончике в Кировск и попытаться запустить свой девайс у Красных Сосен. Если его предположения окажутся верными, то даже незначительная мощность Агрегата позволит открыть портал и отправить в прошлое, скажем, грузовик с «гостинцами» для Сергеева. Правда, это будет возможно сделать лишь после того, как Виктор сумеет с помощью князя Одоевского утрясти вопрос с владельцем этой земли. Что делать – таково священное право частной собственности. Тамошний помещик, конечно, не олигарх какой-нибудь из Куршавеля, но это не делает его менее чванливым и пакостным.

Алексей Кузнецов тоже не терял времени зря. Он тщательно изучил истории болезни как самого императора Николая Павловича, так и его семьи. Например, ему стало известно, что у любимой дочери царя Александры Николаевны, или как ее ласково называли домашние – Адини, в 1844 году обнаружат туберкулез, от которого она умрет в возрасте девятнадцати лет. Смерть ее настолько потрясет Николая, что он будет рыдать, как ребенок.

Если вовремя вмешаться, то ее можно вылечить без особого труда. Тамошние «палочки Коха» еще не знакомы с антибиотиками, да и есть возможность остановить процесс в легких в самом его начале.

Туберкулез, который в XXI время называют «болезнью бедных», в веке XIX находил свои жертвы с равным успехом как в хижинах простолюдинов, так и во дворцах венценосных особ. Алексей прикидывал, как бы протащить в прошлое флюорографический аппарат, или, что

более сложно, провести диспансеризацию всего семейства Романовых в одной из питерских поликлиник.

Алексей на минутку представил себе удивительное зрелище: вереницу великих князей и княжон, первых – в мундирах с эполетами, вторых – затянутых в корсеты и в платьях с фижмами, среди старушек с номерками и дамочек бальзаковского возраста, и даже прыснул от смеха. Нет, идея с флюорографическим аппаратом все же менее фантастична. Хотя...

Шумилин же с головой ушел в архивы, изучая хитросплетения политики того времени и, так сказать, действующих лиц и исполнителей. Его очень заинтересовала личность русского «штирлица» XIX века, графа Ивана Иосифовича де Витта. Тот был к тому же одним из «посвященных в Великую тайну»...

К сожалению, через пару недель умрет от рака горла в своем имении в Крыму. Но осталась его агентура, которая блестяще работала в Европе и Азии.

Разузнал Александр многое и о главе III отделения собственной Е.И.В. канцелярии графе Александре Христофоровиче Бенкендорфе. Лихой рубака, герой войны 1812 года, «альтер эго» государя, он возглавлял тогдашнее ЧК, но лютостью не отличался. На 1840 год количество служащих в III отделении было всего двадцать восемь человек, считая секретарей и письмоводителей. И это на всю огромную Россию!

А вот ставшего год назад фактическим главой и III отделения, и Корпуса жандармов генерал-майора Леонтия Васильевича Дубельта опасаться следовало. Человеком тот был умным, проницательным, но жестоким и расчетливым. Политический сыск Дубельт поставил на должную высоту, да и сил у него больше. К тому же сам Леонтий Васильевич в юности путался с масонами, принимал участие в деятельности общества «Соединенных славян» и был лично знаком с декабристами Волконским и Орловым.

Но как говорится, нет худших чертей, чем падшие ангелы. Попав в тайный сыск по протекции Бенкендорфа, Дубельт принялся рьяно преследовать своих бывших «братьев» из масонских лож и вольнодумцев из тайных обществ – тех, кто не угодил на каторгу или в ссылку по делу «14 декабря».

Ну, а Ольга Румянцева после расставания с княгиней Одоевской находилась в расстроенных чувствах. Она вдруг поняла, что после всего произошедшего не сможет жить так же, как жила до этого. Натура романтическая, и в то же время, как ни странно, практичная, она всю жизнь мечтала побывать во временах, в которых жили герои ее любимых произведений Пушкина, Гоголя и Лермонтова. И вот сбылась мечта – она познакомилась с женщиной, которая носила реальный, а не выдуманный титул, какой присвоили себе многие из тех, кто заказывал у нее платья в стиле «ретро». Эти доморощенные «бароны», «графы» и «князья» вызывали у Ольги лишь ироническую улыбку.

Ольга Степановна Одоевская была самой что ни на есть настоящей княгиней. Она лично была знакома с Лермонтовым, Крыловым и Гоголем. Кузен княгини вскоре станет мужем Натальи Николаевны Пушкиной. От этого голова шла кругом...

И Ольга решила пойти к Антону и потребовать, чтобы тот отправил ее в прошлое насовсем. Чем заняться, она там найдет. Без денег сидеть не будет – княгиня во время прогулки по Питеру рассказала, сколько у них зарабатывают модистки, имеющие клиентуру из высшего света. Ольга прикинула – в те годы столько не имели даже некоторые генералы-сенаторы. Ну, а подходящую клиентуру княгиня ей обещала найти.

И какие перспективы перед ней замаячили – знакомства с живыми классиками и их женами, возможность лицезреть царствующие особы. Словом, к вечеру Ольга приняла окончательное решение, и назавтра, во время очередного открытия временного канала, она решила заявить об этом Воронину. А там будь что будет!

На следующий день, ближе к полудню, в квартире Антона присутствовали практически все, кто знал о его изобретении. Шумилин подобрал досье для Сергеева о раскладе сил в петер-

бургском обществе XIX века. Алексей приготовил объемистую аптечку с лекарствами на все случаи жизни. Николай пришел проведать отца и сообщить ему самые последние новости. Запыхавшаяся Ольга Румянцева прибежала уже тогда, когда Антон сел за пульт управления Агрегатом и начал подготовку к открытию портала.

Но на этот раз процесс несколько затянулся, потому что Антон сначала искал сигнал от «маячка», который передал Сергееву. Портал на этот раз должен был открыться не в Летнем саду, а прямо в квартире князя Одоевского.

От волнения у Антона дрожали руки. Но как ни странно, все прошло на ура. Жужжание, гул, ярко зеленая точка, потом мерцающий овал. В глубине комнаты они увидели чету Одоевских и Сергеева.

– Здравствуйте, господа, – поприветствовал князь своих старых знакомых. – Вы даже не можете себе представить, как я рад вас видеть!

А княгиня, увидев среди стоящих мужчин Ольгу, приветственно помахала ей ладошкой.

– Владимир Федорович, – сказал Антон, – мы хотим отправить на день-другой в ваш мир Ольгу Валерьевну.

Шумилин передал Сергееву папку с документами, а Алексей сумку с лекарствами. Потом Николай, подойдя к порталу, быстро переговорил о чем-то с отцом. Антон стал торопить путешественников – гудение Агрегата усилилось, и он решил подстраховаться. Автоматы на электрическом щитке могли не выдержать перегрузки, и дверь из прошлого в будущее захлопнулась бы в самый неподходящий момент.

Наскоро попрощавшись, все присутствующие отошли подальше от портала. Антон, поколдовал над пультом, и сияющий круг стал сжиматься и превратился вскоре в яркую точку. Потом исчезла и она.

* * *

Портал закрылся, и Ольга Румянцева оказалась там, где мечтала побывать всю жизнь – в XIX веке. Она с любопытством стала осматривать комнату. Правда, Сергеев, закончивший перетаскивать в свою комнату сумки, полученные из будущего, грубо вернул ее к суровым реалиям жизни.

– Владимир Федорович, – обратился он к Одоевскому, – меня беспокоит вот какой вопрос – что скажут ваши слуги, увидев, что в квартире появилась какая-то странно одетая дама, которая попала в ваше жилище, минуя входную дверь...

– Действительно, я как-то не подумал об этом, – растерянно сказал князь. – Впрочем, ведь можно что-нибудь придумать...

– Дорогой, – сказала княгиня, – я сейчас все улажу.

Она выскользнула из комнаты, и через пару минут все услышали, как в прихожей хлопнула входная дверь. Потом вошла Ольга Степановна, довольно потирая руки.

– Все в порядке, – сказала она. – Степана я послала на Невский, чтобы он купил свежие газеты для князя. А горничная сейчас занимается переборкой моего гардероба. Я велела ей найти вот это, – и княгиня показала красивую брошку с изумрудами, которую до этого сжимала в своем кулачке. – Думаю, искать ее она будет долго. За это время в квартиру «войдет» моя старая знакомая, которая долго жила в Новом Свете и лишь на днях вернулась в Россию. Потому она так странно одета. Впрочем, Ольгу Валерьевну мы сейчас переоденем. У меня найдется подходящее платье.

– Ольга Степановна, да вы просто умница! – воскликнул восхищенный Сергеев. – Мы бы с Владимиром Федоровичем, наверное, до вечера ломали голову над этим вопросом. А вы – раз, два, и все в порядке!

Княгиня смущенно улыбнулась.

– Виктор Иванович, не забывайте, что я бывшая фрейлина вдовствующей императрицы. Скажу вам, что за время пребывания в Зимнем дворце я насмотрелась на интриги придворных, видела коварство и хитрость окружавших меня людей. Поверьте, я с огромной радостью покинула царский дворец для того, чтобы оказаться рядом с любимым человеком.

И княгиня ласково погладила по щеке Одоевского. Князь поцеловал руку супруги, глядя на нее влюбленными глазами. Но эту идиллию разрушила Ольга, закончившая осмотр комнаты и немного освоившаяся в ней.

– Сказать по правде, я завидую вам, княгиня. Но вам все же придется попытаться снова проникнуть в этот мир придворных интриг, чтобы помочь нашей стране избежать огромных бедствий и страданий.

– Ольга Валерьевна, – тихо сказал Одоевский, – я все помню. И мы начнем заниматься тем, о чем вы только что сказали, прямо сегодня. Через полчаса мы с Виктором Ивановичем отправимся на Черную речку, чтобы провести там рекогносцировку.

А вы можете прогуляться с княгиней по Невскому, заглянуть в магазины и, если повезет, познакомиться с нужными людьми. И еще, дорогая... – князь вопросительно посмотрел на свою супругу.

– Да, – сказала княгиня, – мы с мужем решили попросить вас принять от нас в подарок вот это, – и Одоевская протянула Ольге ту самую брошь с изумрудами, которую принесла из своей комнаты.

– Мы никогда не забудем те хлопоты и то, что вы уже сделали, и еще сделаете для нас, – княгиня покраснела, – поэтому примите в благодарность за все – носите и помните о нас.

Ольга даже растерялась, увидев, что ей хотят подарить. По ее прикидкам, такая золотая брошь с изумрудами работы как минимум XVIII века, в ее мире могла стоить очень дорого. Но от подарка отказываться было неудобно.

Поблагодарив княгиню, Ольга положила брошь в сумочку и в свою очередь протянула Одоевской женские механические часики «Чайка» с браслетом из финифти. Циферблатов часов закрывался крышечкой, украшенной той же финифтью. Конечно, по стоимости этот подарок был несравним с княжеским, но все же...

Княгиня с удовольствием приняла подарок. Часики на ее изящной ручке смотрелись прекрасно. К тому же ничего подобного в XIX веке пока еще не делали. Ольга Степановна уже представила, какой восторг и зависть вызовут эти часики у знакомых.

Пока женщины весело щебетали, разговаривая на им только понятные темы, мужчины быстренько собрались и отправились в поход. К тому времени лакей Степан, вернувшийся с газетами, сбегал на конюшню и велел приготовить для князя экипаж.

На улице, выйдя из парадной, они столкнулись нос к носу с симпатичной молодой дамой лет двадцати пяти, которая вежливо поздоровалась с князем и с любопытством посмотрела на Сергеева.

– Куда это вы собрались, Владимир Федорович? – поинтересовалась она. – Мой батюшка говорил, что вы в последнее время все больше дома сидите. И на службе он вас уже давненько не видел.

– Передайте уважаемому Дмитрию Николаевичу, – ответил ей князь, – что, к сожалению, дома меня удерживают неотложные дела, а также временное нездоровье. А как вы поживаете, Лидия Дмитриевна? – в свою очередь поинтересовался Одоевский. – Как ваш супруг, Егор Иванович, как сынок, Дмитрий?

– Все, слава богу, живы и здоровы, – ответила дама, – сынок растет, уже ходить начал. Заглядывайте к нам, Владимир Федорович, да и не один, а с супругой. Мы всегда рады видеть вас.

Раскланявшись с дамой, мужчины сели в коляску, кучер взмахнул кнутом, и они тронулись в путь.

– Кто эта дама? – спросил у князя Сергеев. – Похоже, она ваша старая знакомая?

– Еще бы, – усмехнулся Одоевский, – это дочь моего начальника, действительного тайного советника и главноуправляющего II отделением Собственной его императорского величества канцелярии, члена Государственного совета и председателя его департамента законов Дмитрия Николаевича Блудова.

Человек он довольно консервативных взглядов, но не чуждый новому, если это новое идет на пользу государству. Надо будет как-нибудь вас с ним познакомить. Ранее он был министром внутренних дел и министром юстиции. А дочь его, Лидия Дмитриевна, замужем за Егором Шевичем, сыном генерала Ивана Шевича, геройски погибшего в сражении при Лейпциге. Кстати, мать Егора Шевича, Мария Христофоровна, никто иная как сестра Александра Христофоровича Бенкендорфа. Вы, конечно, помните, кто он и чем заведует.

За разговорами они не заметили, как доехали до Марсова поля и Воскресенского наплавного моста, по которому экипаж перебрался через Неву и покатил по Каменоостровскому проспекту в сторону Черной речки. Места эти были Сергееву абсолютно незнакомы, хотя в XXI веке переходы и переезжены. Вместо привычных высотных зданий вдоль проспекта стояли патриархальные деревянные одно- и двухэтажные домишки с палисадом.

Миновав деревянный Силян мост через речку Карповку, они быстро добрались до такого же деревянного моста, только чуть побольше, через Малую Невку, носившего в те времена название Строгановского. А потом, на Каменном острове, выйдя из коляски, немного постояли, любуясь изящной церковью Иоанна Предтечи, построенной в необычном для России псевдогоготическом стиле. В свое время император Павел I, став главой Мальтийского ордена, передал эту церковь кавалерам ордена иоаннитов.

Через деревянный Никольский мост экипаж переехал Черную речку. Князь Одоевский печально вздохнул и указал рукой на место, где зимой 1837 года состоялась дуэль Пушкина с Дантесом.

– Вот там и закатилось солнце русской поэзии, – с горечью в голосе сказал он. – Мы пытались предотвратить этот роковой поединок. Но он все-таки случился. Много в нем непонятного и таинственного. Может быть, в вашем времени есть сведения о том, как произошла эта трагедия, и кто в ней виновен?

Виктор задумался. Он специально не занимался историей пушкинской дуэли, но то, что в ней было не все чисто, слышал от Шумилина.

– Владимир Федорович, – сказал он, – я не могу вам сейчас ничего сказать определенно. Но на эту тему я бы посоветовал переговорить с Александром Павловичем. Он занимался изучением всех обстоятельств дуэли Пушкина.

Тем временем экипаж двинулся по Ланской дороге к цели их путешествия. Неподалеку от того места, где в XXI веке находилась железнодорожная станция Ланская, они вышли из коляски и стали осматриваться. Сергеев ничего не видел, кроме зарослей кустарника и небольших рощиц. Похоже, что места эти были еще не обжиты. Тем лучше – любопытных окажется меньше, и никто не увидит, что будет происходить в сарае, который здесь вскоре построят.

Достав из кармана карту Петербурга 2014 года, Сергеев попытался сориентироваться по ней на местности. На расстоянии примерно четверти километра на восток от станции Ланская имелся очень четкий ориентир – хорошо видимая возвышенность, точнее гряда, берег древнего моря. В XXI веке ее называли горкой. Внимательно присмотревшись, Виктор обнаружил ее и в этом времени.

Достав из кармана проволочную пилу, он ловко и быстро спилил небольшое деревце и, очистив острым ножом ствол от веток, воткнул как шест в землю, привязав к его вершине кусок красной материи.

По договоренности с Антоном, завтра из его автомастерской будет сделан пробный выход в прошлое. И оставленный знак поможет «времяпроходцам» поточнее определиться на мест-

ности в XIX веке. О чем ему и сообщат во время ближайшего сеанса связи. Тогда же Ольга Румянцева вернется в свое время. Впрочем, это тоже произойдет лишь завтра, но уже ближе к вечеру.

А пока что наша «кузина-белошвейка» с княгиней Одоевской проводила рейд по тем местам, которые и в веке XIX, и в веке XXI получили название «Смерть мужьям». Ну, или, если сказать точнее, не самим мужьям, а их финансам. То есть по магазинам, в которых могут часами пастись модницы, и где самые красивые вещи стоят почему-то, с точки зрения их супругов, слишком дорого.

«Как там Ольга? Надо будет расспросить ее подробно обо всем, когда мы вернемся с князем домой», – подумал Сергеев...

* * *

Когда мужчины ушли, дамы с веселым щебетанием начали одеваться. В гардеробе у княгини было много разных нарядов, так что переодеть Ольгу в платье, которое жители XIX века не посчитали необычным или слишком вульгарным, оказалось делом довольно простым. К тому же «кузина-белошвейка» неплохо разбиралась в костюмах того времени и знала, что и куда предназначено.

Правда, она немного похихикала над нижним бельем. Панталоны 40-х годов XIX века доходили до колен и были как бы разрезаны надвое. Половинки для каждой ноги кроили отдельно и соединяли их завязками или пуговицами у талии, на спине. Таким образом, шаговой шов в промежности был открыт, для удобства дам... Ну, в общем, в определенных случаях. Скажем, захочется справить малую нужду, а тут вам и корсет, и куча юбок. Мода XXI века была в этом отношении намного удобней и практичней.

Потом Ольга достала косметичку и начала священнодействовать. Нельзя сказать, что представительницы прекрасного пола николаевских времен пренебрегали косметикой. Но такого изобилия туши, теней, помад и прочего женского «камуфляжа», какое взяли на вооружение современницы Ольги, у тогдашних прелестниц не было. Так что княгиня со своей гостьей еще минут сорок крутились у зеркала, с удовольствием занимаясь столь приятным для женского сердца делом. Ну, а потом они отправились на прогулку по Невскому.

Для начала решили заглянуть в Гостиный двор, который тогда совсем не был похож на знаменитую питерскую Гостинку XXI века. Это было сборище лавок купцов, торговавших самыми разными товарами. Там можно было купить практически все, что производилось в России. Ольга вспомнила, что сюда любили заглядывать Пушкин и Гоголь. И если первый уже ушел из жизни, то с Гоголем у нее был вполне реальный шанс повстречаться. Правда, Николай Васильевич сейчас находится в Риме, но на будущий год он должен приехать в Россию, чтобы напечатать первый том своих «Мертвых душ».

Ну, а пока дамы разглядывали товар, который раскладывали перед ними разбитные приказчики. Эти ребята были прекрасными психологами. Куда там до них нынешним менеджерам по продажам! Уйти из лавки и ничего не купить было просто невозможно. Приказчики осыпали покупательницу комплиментами, уговаривали даму, зашедшую в лавку для того, чтобы «просто посмотреть», купить именно эту вещь, которая именно ей к лицу и превращает будущую обладательницу в неотразимую красавицу.

Ольга и княгиня оказались морально устойчивыми и ушли из Гостиного двора без покупок. Хотя Ольга и положила глаз на некоторые вещи.

Выйдя снова на Невский проспект, княгиня и Ольга стали прогуливаться по тротуару, беседуя о своем, о девичьем. Ольга Степановна много и интересно рассказывала о годах, проведенных в Зимнем дворце. Она стала фрейлиной императрицы Елизаветы Алексеевны – супруги императора Александра I – всего в шестнадцать лет.

Оказывается, быть фрейлиной – не такая уж большая радость. Это прежде всего одиночество во дворце. Бедная девушка, которая жаждет общения с подругами или кавалерами, должна проводить двенадцать часов в стенах своей комнаты. Или же одиноко шагать по усыпанным песком аллеям, для того чтобы на час появиться за императорским чайным столом с любезной улыбкой, остроумной шуткой, не проявляя ничем ту смертную скуку, которая тяготеет над ней целый день.

Ольга вспомнила то, что писала в своих мемуарах одна из фрейлин, Анна Тютчева, дочь знаменитого поэта: «Мое сердце еще очень плохо дрессировано в смысле официальной чувствительности и не умеет еще отвечать созвучием всем августейшим радостям и горестям. Ремесло придворных вовсе не так легко, как это думают, и, чтобы его хорошо выполнять, нужен талант, которым не все обладают. Нужно найти исходную точку опоры, чтобы с охотой, добровольно и с достоинством играть роль друга и холопа, чтобы легко и весело переходить из гостиной в лакейскую, всегда быть готовым выслушивать самые интимные поверенности владыки и носить за ним его пальто и галоши... Государи вообще любят быть объектами любви, любят поклонение, с чрезмерной наивностью верят в тот культ, который они внушают. Поэтому их доверие легче приобрести лестью, притворной привязанностью, чем привязанностью подлинной, которая исходит из искреннего чувства».

Император Николай I был весьма строгих нравов и безжалостно избавлялся от тех фрейлин, которые пытались отвлечься от своих придворных обязанностей и вспомнить о том, что они не только придворные, но и просто красивые и молодые девушки. Фрейлины не имели права выезжать ни в свет, ни в театр без разрешения императрицы. Девушек, живущих при дворе и каждый день видевших царя, многие почему-то считали влиятельными персонами. Но это было совсем не так. Одна из фрейлин николаевских времен вспоминала: «В наш Фрейлинский коридор ходили всякие люди просить помощи и подавать прошения, вероятно, полагая, что мы богаты и могущественны. Но ни того, ни другого в сущности не было».

Главной должностной обязанностью фрейлины являлось суточное дежурство при своей хозяйке. Это было довольно тяжело – двадцать четыре часа безотлучно находится рядом с императрицей. При этом подчас приходилось выполнять множество неожиданных поручений.

«Действительная» служба фрейлин при дворе, вопреки распространенному мнению, была достаточно тяжелой. Они несли посменно суточные (или недельные) дежурства и должны были в любое время являться по первому звонку императрицы.

Правда, за эту нелегкую службу платили немалые деньги – четыре тысячи рублей. Но и расходы фрейлин были немалые. Основная часть их приходилась на туалеты. Их надо было менять три раза в день. Даже дома фрейлина не могла одеваться как хотела. Ее туалет всегда должен был соответствовать ее рангу, и к обеду декольтированное платье было обязательным. То же самое платье не надевалось, конечно, много раз. Должны были быть в гардеробе и дорогие платья не для балов, а, скажем, для посещения церковных служб, свадеб, похорон, дней рождения, именин и тому подобного.

В феврале 1826 года Ольга Ланская познакомилась в Москве с князем Владимиром Одоевским. А уже в конце марта они объяснились, и князь попросил руки своей избранницы. Ольга Степановна, будучи фрейлиной, ждала разрешение на брак от вдовствующей императрицы Елизаветы Алексеевны. Таковое было получено в августе, а в сентябре они поженились. При этом, как фрейлине, из средств Министерства Императорского двора ей выплатили приданое – двенадцать тысяч рублей ассигнациями. После выхода замуж она лишилась фрейлинского шифра – золотого с бриллиантами вензеля императрицы на банте. Фрейлины носили его на левой стороне груди. Но она сохранила право быть представленной императрице, и ее приглашали на торжественные балы в Зимний дворец вместе с мужем.

У модного магазина Циклера на Невском княгиня увидела карету Придворной конюшенной конторы.

– Интересно, кто это приехал? – задумчиво произнесла Ольга Степановна, разглядывая императорский вензель на дверце кареты.

Впрочем, гадать ей долго не пришлось. Дверь магазина открыл сам его владелец, и на улицу вышла императрица Александра Федоровна, урожденная принцесса Фридерика Луиза Шарлотта Вильгельмина Пруская. Это была женщина средних лет, стройная, с несколько бледным лицом. Она улыбнулась княгине и, указав на карету лакею, который вышел следом за ней, держа в руках коробки с покупками, подошла к двум женщинам.

Княгиня и ее гостя приветствовали Александру Федоровну низким реверансом.

– Я очень рада видеть вас, княгиня, – мелодичным голосом с легким немецким акцентом сказала государыня Одоевской. – Вижу, что и вы собираетесь посетить магазин уважаемого господина Циклера, чтобы купить себе что-то для бала, который мой любезный супруг скоро устроит в честь дня моего рождения?

– Ваше величество, – ответила княгиня, – я надеюсь быть на этом балу, и не только с князем Владимиром, но и с моими новыми друзьями, которые недавно приехали в Россию из Нового Света. Они привезли с собой множество интересных и полезных вещей. Вот, к примеру, эти замечательные часики, – княгиня показала на руке подарок Ольги, – они сделаны как раз в их стране. Ничего подобного вы не найдете ни в Лондоне ни в Париже.

Императрица с любопытством посмотрела на часы «Чайка» с браслетом из финифти. Ее поразил не только миниатюрный размер часиков, но и оригинальное их оформление. Они показывали время, одновременно оставаясь украшением, хоть и не дорогим, но не похожим на прочие часы.

– Это замечательно! – воскликнула она. – Княгиня, не познакомите ли вы меня с этими людьми? Ну, хотя бы на балу.

– Нет ничего проще, ваше величество, – ответила княгиня. – Позвольте представить вам мою спутницу, Ольгу Валерьевну Румянцеву, – Одоевская повернулась в ее сторону, – она как раз одна из моих гостей.

Ольга снова сделала реверанс перед императрицей. Та во все глаза уставилась на даму, которая прибыла из страны, о которой рассказывают разные были и небылицы, и где, делают такие чудесные и забавные вещи.

– Я очень рада с вами познакомиться, сударыня, – обратилась она к Ольге. – К сожалению, я не могу пригласить вас в Зимний дворец. Но мне часто приходится бывать в Аничковом дворце. Мой старший сын, как вы, наверное, слышали, собирается жениться на Максимилиане Вильгельмине Гессенской, – при этих словах улыбка на лице императрице исчезла, голова ее едва заметно дернулась. Ольга вспомнила, что государыня в их прошлом не была в восторге от выбора сына.

Впрочем, Александра Федоровна быстро успокоилась и продолжила:

– Нам необходимо подготовить жилье для сына и его будущей супруги. Государь решил, что жить они будут в Аничковом дворце. Я лично наблюдаю за наведением там порядка и обустройством всем необходимым для пребывания наследника и его семьи. Вот там я могла бы принять вас без особых церемоний, неофициально. Тем более, как я поняла, – Александра Федоровна посмотрела на княгиню, – остановились вы у любезной Ольги Степановны. А это недалеко от Аничкова дворца. Я буду там завтра днем и пришлю к княгине слугу, который передаст вам мое приглашение.

Они раскланялись с императрицей. Та села в карету и, помахав им на прощание, отправилась в Зимний дворец.

А княгиня Одоевская повернулась к Ольге и с улыбкой сказала:

– Итак, первое и очень важное знакомство состоялось. Теперь дело за вами. Я думаю, что если вы сумеете произвести впечатление на государыню, то перед вами откроется прямая дорога и к государю. Так что ловите миг удачи!

Дамские посиделки

Как и было ранее договорено, где-то после полудня за Ольгой Румянцевой зашел посыльный от императрицы Александры Федоровны с приглашением заглянуть в Аничков дворец. Это здание Ольге было хорошо знакомо – в нем при советской власти располагался Дворец пионеров. А сейчас это была одна из царских резиденций.

Первоначально построенный для тайного мужа императрицы Елизаветы Петровны, Алексея Разумовского, он потом перешел по наследству к его брату, гетману Украины Кириллу Разумовскому, и далее – Григорию Потемкину. После смерти всесильного фаворита дворец одно время находился в распоряжении Кабинета его величества. Потом в нем жила сестра императора Александра I великая княгиня Екатерина Павловна со своим мужем, герцогом Георгом Ольденбургским.

А в 1817 году Александр I подарил дворец младшему брату, великому князю Николаю Павловичу. Будущий император поселился в нем со своей молодой женой, дочерью короля Пруссии. Как потом вспоминал Николай I, именно здесь он провел самые счастливые годы своей жизни.

Став императором, он переехал в Зимний дворец, но грандиозный пожар 17 декабря 1837 года, после которого Зимний превратился в обгорелую кирпичную коробку, заставил Николая снова на время перебраться в Аничков дворец. И лишь совсем недавно, после того как Зимний в рекордно короткое время был восстановлен, императорская семья выехала из Аничкова дворца.

Во время путешествия по Европе наследник русского престола, цесаревич Александр Николаевич, не только ознакомился с достопримечательностями Старого света, но и подыскивал себе невесту. В Британии он закрутил интрижку с тогда совсем еще юной королевой Викторией. Дело дошло до того, что королева была готова выйти замуж за прекрасного русского принца. Но под нажимом своих министров она рассталась с Александром, оплакав это расставание в своем дневнике.

А цесаревич, наконец, выбрал себе невесту в Германии. Ею стала четырнадцатилетняя Гессен-Дармштадтская принцесса Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария. Правда, мать Александра, императрица Александра Федоровна, неодобрительно отнеслась к выбору сына. Дело в том, что Гессен-Дармштадтский герцог Людвиг, скорее всего, не был отцом избранницы русского цесаревича. Герцог и герцогиня разошлись за два года до рождения принцессы Максимилианы. И, как считают историки, фактическим отцом ее был шталмейстер герцогини француз Луи де Гранси.

Но как ни странно, на сторону сына встал император Николай I. Злые языки поговаривали, что это произошло потому, что, дескать, «свояк свояка видит издалека». Бытует версия о том, что настоящим отцом Николая был не император Павел, а гоф-курьер Данила Бабкин, красавец и богатырь. Потому-то Николай ни телосложением, ни лицом не был похож на щуплого и курносого Павла. Дело дошло до того, что Павел в письме к своему другу Федору Растопчину рассуждал: «Александр и Константин – мои кровные дети. Прочие же? Бог весть!.. Мудрено, покончив с женщиной все общее в жизни, иметь от нее детей. В горячности моей я начертил манифест „О признании сына моего Николая незаконным“, но Безбородко умолил меня не оглашать его. Но все же Николая я мыслю отправить в Вюртемберг, к дядям, с глаз долой: гоф-курьерский убудок не должен быть в роли русского великого князя...»

Самое смешное, что и сам Павел, по всей видимости, был сыном не императора Петра III, а Сергея Салтыкова, любовника Екатерины II. А та, в свою очередь, не дочерью герцога Ангальт-Цербстского, а Ивана Бецкого. В общем, та еще семейка...

Но пока невеста находится еще у себя на родине и должна приехать в Петербург лишь к концу года. Дворцовое же ведомство готовит Аничков дворец к тому, чтобы он стал уютным семейным гнездышком для молодых супругов.

Обо всем этом думала Ольга Румянцева, шагая за присланным за ней лакеем. С собой она захватила небольшой саквояж с парфюмом и прочими мелочами, которые так любили и любят представительницы прекрасной половины рода человеческого.

Александра Федоровна с нетерпением ждала свою новую знакомую. Женщины вообще любопытны до чрезвычайности – вспомним, к примеру, миф о Пандоре, из-за любопытства которой на свете начались все несчастья. А то, что рассказала княгиня Одоевская, чрезвычайно заинтересовало императрицу. Часики на руке княгини привели в восторг Александру Федоровну, и она предвкушала услышать от новой знакомой занимательный рассказ о чудесах Нового Света.

Ольга поднялась по широкой мраморной лестнице. Ее проводили в один из кабинетов, где в мягком кресле сидела императрица и просматривала недавно купленные гравюры.

– Добрый день, ваше величество, – приветствовала ее Ольга.

– Добрый день... – Александра Федоровна на секунду задумалась, а потом, вспомнив имя своей гостьи, продолжила: – Ольга Валерьевна. Я рада, что вы посетили мое скромное жилище.

Ольга усмехнулась. «Скромное жилище» царской фамилии поражало красотой и роскошью и современников императрицы, и людей XXI века. Причем все было красиво и целесообразно, совсем не похоже на кричащую безвкусицу, которая была характерна для особняков олигархов и «новых русских».

– Ваше величество, – сказала Ольга, – я принесла кое-что с собой. Сейчас я вам все покажу. Думаю, что вас заинтересуют некоторые из принесенных мною вещей.

И она стала выкладывать из саквояжа на изящный туалетный столик маленькие флакончики-пробнички с духами, тушь для ресниц, тени, несколько пластиковых бутылочек с шампунями и гелями. При этом Ольга открывала бутылочки-флакончики и, давая понюхать их содержимое Александре Федоровне, рассказывала о том, как пользоваться тем или иным парфюмом.

В саквояже было также немного бижутерии, мелкие индийские безделушки, купленные в «лавке колониальных товаров» – так Ольга называла магазинчик, где торговали разными восточными сувенирами.

Глаза у императрицы разгорелись. Она с наслаждением вдыхала запах духов, любовалась колечками с камушками-«хамелеонами», менявшими цвет в зависимости от температуры тела, и восхищалась слониками, вырезанными из сандалового дерева, излучавшими волнующий аромат Востока.

– Ольга Валериевна, – сказала она, – я бы с радостью купила бы у вас все это. Скажите только – сколько это все будет стоить? У меня, к сожалению, нет сейчас денег, но вы скажите, и мой супруг в самое ближайшее время пришлет вам требуемую сумму...

Ольга только хотела сказать – пусть императрица считает все это подарком, как вдруг их беседу прервал неожиданно раздавшийся откуда-то от входа в кабинет насмешливый голос:

– Дорогая, даже в собственном дворце вы продолжаете тратить деньги мужа. Пора бы и остановиться...

Женщины обернулись. В нескольких шагах от них стоял сам император всероссийский Николай Павлович. Он улыбался, глядя на враз оробевших женщин. Первой пришла в себя Ольга. Она почтительно поклонилась императору.

– Ваше величество, – сказала она, – ваша августейшая супруга не нанесет непоправимого ущерба вашему достатку. Я была бы очень рада, если бы императрица приняла все это, – Ольга показала рукой на столик, уставленный вещичками из XXI века, – в качестве скромного сувенира как память о тех странах, из которых я недавно приехала.

– Так вы путешественница, мадам... – царь на мгновение замялся, ожидая подсказки.

– Это госпожа Румянцева, Ольга Валериевна, – вступила в разговор императрица, – она недавно приехала в Россию из Нового Света и привезла с собой много замечательных вещей.

– Вот как, – сказал Николай, – тогда мне понятен и необычный акцент госпожи Румянцевой, и несколько странное построение ее фраз. А вы, мадам, подданная российской короны, или?.. – поинтересовался царь.

– Я гражданка Северо-Американских Соединенных Штатов, но русская по происхождению, – ответила Ольга. – Впрочем, если я все же надумаю остаться жить в России, то с радостью стану вашей подданной, государь.

Николай с одобрением посмотрел на Ольгу.

– Нашей великой стране очень нужны те, кто сможет принести ей пользу, – сказал он, – а вы, как я вижу, неплохо разбираетесь во всех этих вещичках... – он показал рукой на туалетный столик. – Полагаю, что вы найдете в Петербурге немало знатных дам, которые будут чрезвычайно рады воспользоваться вашими услугами.

– Я думала об этом, ваше величество, – ответила Ольга, – и скорее всего, воспользуюсь вашим предложением. В Новом свете много замечательных вещей, которые могли бы пригодиться здесь, в России.

– Это интересно, – сказал Николай. – Дорогая, – обратился он к жене, – ты узнай, где остановилась госпожа Румянцева, и пригласи ее в любое удобное для нее время во дворец. Я думаю, что нам будет интересно и полезно послушать ее рассказы о том, как живут люди на другом конце света. А сейчас извините, но я вынужден проститься с вами. Ты, конечно, не забыла, что через полчаса мы должны быть на разводе караула гвардии в Манеже? – обратился он к Александре Федоровне. – Собирайся, я буду ждать тебя внизу. До встречи, сударыня, – император кивнул Ольге и вышел из комнаты.

В гостях у волшебника

После ухода императора, Ольга распрощалась с Александрой Федоровной и, сопровождаемая лакеем, вышла из Аничкова дворца. Идти в квартиру Одоевских ей не хотелось. Наверняка там мужчины ведут бесконечные беседы о политике, ружьях, пушках и прочей дребедени. Ольга решила прогуляться по Невскому проспекту. Было там еще одно место, которое ей очень хотелось посетить. И не только из любопытства.

У Казанского моста напротив одноименного собора стояло известное всему Петербургу здание. Принадлежало оно госпоже Энгельгардт, которая устроила там нечто вроде дворца культуры того времени. Здесь выступали лучшие музыканты Европы (именно в концертном зале ее дома была впервые полностью исполнена «Торжественная месса» Бетховена) и устраивались знаменитые маскарады, на которые съезжался весь столичный бомонд.

Был в доме госпожи Энгельгардт и некий «Храм очарований, или механический, физический и оптический кабинет г. Гамулецкого де Колла». И прежде, чем описать чудеса этого «храма», стоит рассказать немного о его создателе.

Антон Маркович Гамулецкий был сыном полковника прусской армии. Родился он в Польше в 1753 году. Там, в Варшаве, в 1780 году молодой Антон познакомился с всемирно известным магом, чародеем и шарлатаном – все в одном флаконе – графом Калиостро. Граф, как он обычно поступал в таких случаях, начал свою коммерческую деятельность с основания «египетской масонской ложи», а закончил торговлей «эликсиром молодости» и прочими привычными для него разводами богатеньких лохов, коим в любой стране несть числа.

Впрочем, помимо лохов в Варшаве проживали и умные люди. Граф Мосьцицкий, неплохо разбирающийся в химии, быстро разоблачил Калиостро, и тому пришлось срочно покинуть Варшаву, во избежание больших неприятностей.

Но на 27-летнего Антона Гамулецкого «маг и чародей» произвел огромное впечатление. Молодой человек уехал вслед за Калиостро в Париж, где стал одним из его учеников. Причем самым лучшим и талантливым.

В 1794 году Гамулецкий приехал в Россию. Он служил в Риге, затем в Санкт-Петербурге, а потом перебрался в Москву. Жил Антон Маркович в Первопрестольной до 1812 года. Во время французской оккупации Москвы, Гамулецкий в огне знаменитого пожара потерял все имущество, и после изгнания Бонапарта из пределов России, перебрался в Санкт-Петербург.

Обосновавшись в доме Керстена на Почтамтской улице, ученик Калиостро создал множество удивительных механизмов, которые с удовольствием демонстрировал всем желающим. В отличие от своего знаменитого учителя, делал он это вполне бескорыстно. Правда позднее, перебравшись на Большую Мещанскую улицу, Гамулецкий стал взимать плату за показ, так как даже магу и чародею каждый день надо кушать. Да и изготовление механизмов стоило немалых денег.

Ну, а еще позднее пан Гамулецкий перебрался в дом госпожи Энгельгардт, и в его «Храм очарования» валом валили все желающие увидеть чудеса, созданные руками умелого мастера.

Вот туда-то и направилась Ольга, несмотря на то что попасть в кабинет чудесного механика было непросто. Но для симпатичных дам он, как истинный поляк, делал исключения.

Антон Маркович Гамулецкий оказался веселым неунывающим старичком, седым, как лунь, и, несмотря на почтенный возраст, никогда не употреблявшим очков. Был он живым и шустрым, словно капелька ртути.

Ольга поднялась в его «Храм очарования» по лестнице, устланной бархатом, вытканном золотом. При входе ее встретило первое чудо: на верхней площадке в воздухе парила золоченая фигура ангела размером в человеческий рост. Любой мог убедиться в том, что она висит в воздухе без опоры на что-либо. Когда гостя поднялся на площадку, ангел вскинул руку, в которой держал валторну, приложил ее ко рту и заиграл какую-то торжественную мелодию, достаточно натурально шевеля пальцами, перебирающими клапаны духового инструмента. Гамулецкий, самолично решивший показать все свои чудеса очаровательной «пани Ольге», гордо сказал ей:

– Десять лет я искал точку расположения и вес магнитов и железа, чтобы ангел держался в воздухе.

По обеим сторонам входной двери стояли две фигуры механических лакеев. Они приветствовали посетителей наклоном головы. Само помещение «Храма очарования» было сплошь облицовано зеркалами, так что создавалось впечатление безграничного пространства. В одном из кабинетов стоял диван, внутри которого находился включаемый автоматически «музыкальный ящик», начинавший наигрывать сидящему на нем человеку тихую приятную музыку.

Подобных автоматов у Гамулецкого было много. Купидоны с крылышками и луками старательно затачивали роковые для сердец влюбленных стрелы, из бронзовой вазы появлялся амур, играющий на арфе, механический петух взлетал на насест и, хлопая крыльями, кукарекал. Из угла лаяла механическая собака, механический же черный кот мяукал, мурлыкал и выгибал спину. По полу, шипя и извиваясь, ползала механическая змея. Стоявшие на столах часы по мановению «волшебной палочки» чародея останавливались, а маятником «угадывалось» задуманное посетителем число, обозначая его количеством качаний.

Самым удивительным механизмом Гамулецкого была огромная человеческая голова, которая стояла на зеркальном столике. Она отвечала на заданные ей вопросы, причем на том языке, на котором к ней обращались. Чтобы показать, что под столиком не спрятан человек, всем желающим разрешалось взять эту голову в руки, и переставить ее куда угодно. И на новом месте она продолжала беседу тем же голосом на том же языке.

Ольга был потрясен мастерством и изобретательностью Антона Марковича, который создал эти удивительные механизмы. В наше время, наверное, даже разрекламированный и

раскрученный СМИ Давид Копперфильд позавидовал бы старому мастеру, создавшему эти чудеса без лазеров, голографии и прочих спецэффектов.

Осмотрев «Храм очарования» Гамулецкого, она решил поближе познакомиться с этим человеком. Антон Маркович, польщенный тем, что такая прекрасная пани рассуждает о его механизмах на вполне профессиональном уровне, пришел в полный восторг. И он предложил ей выпить чашечку настоящего кофе, заваренного по-польски, и пообщаться в непринужденной обстановке. Ольга согласилась.

После обмена пышными комплиментами, они сели за столик, и механический слуга принес им две чашечки ароматного черного кофе и тарелочку с печеньем. Ольга выразила свое восхищение чудо-автоматами. Нырнув в свой саквояж, она порылась в нем и преподнесла пану Антону сувенирную шариковую ручку со встроенными в нее жидкокристаллическими часиками.

Гамулецкий бережно взял в руки подарок Ольги, с удивлением выслушал ее объяснения о том, что означают эти странные цифры за стеклом, а потом долго, с удивлением разглядывал ручку-часы, ища в них пружину, которая приводит в действие механизм. Покрутив подарок в руках, он взял ручку, быстрым и ловким движением разобрал ее и достал стержень. Затем Гамулецкий так же ловко собрал ручку, полюбовался ею и написал пару строк на листке бумаги. Тонкие и ровные линии привели его в восхищение. Во время этих манипуляций он приговаривал дрожащим от волнения голосом:

– Удивительно... Превосходно... Непонятно... Это настоящее чудо!

Потом пан Антон оторвался от созерцания ручки и часов и впервые, по-новому, внимательно посмотрел на гостью. Он долго вглядывался в ее глаза, пытаясь понять – что за человек стоит перед ним. Ольга не отвела глаз от его гипнотического взгляда. Не знаю, что он там в конце концов высмотрел, но неожиданно лицо его побледнело. Ученик Калиостро резко отшатнулся от Ольги, да так, что едва не опрокинул на столике кофейник, и в испуге замахал руками:

– Матка Бозка Ченстоховска! Кто вы, пани?! – воскликнул он. – Откуда вы пришли в этот мир?

Бедный старик стал креститься дрожащей рукой, словно перед ним стояла не очаровательная петербургская дама, а нечистый в женской одежде, явившийся за его грешной душой прямо из преисподней.

– Успокойтесь, пан Гамулецкий, я совсем не та, за кого вы меня приняли... – сказала ему Ольга, осенив себя крестным знаменем. Но Гамулецкий продолжал дрожать крупной дрожью. Было слышно, как от страха клацали зубы.

Ольга с запоздалым сожалением подумала, что напрасно она пришла сюда и так сильно напугала старика. Как бы чего с ним не случилось...

– Пан Антон, – сказала она, – если вы все еще сомневаетесь в моем происхождении, то я могу прочитать вам «Отче наш»... – и, чтобы окончательно успокоить Гамулецкого, начала громко читать молитву, сначала по-русски, а потом по-польски. Католическому варианту этой молитвы ее в детстве научила бабка по матери, которая была полькой и, несмотря на членство в партии, регулярно ходила помолиться в костел, который находился в Ковенском переулке.

Услышав знакомые слова и увидев, что с гостьей не происходит никаких изменений (на голове не появляются рога, изо рта не вылезают клыки, а из ушей не валит дым), бедный пан Гамулецкий немного успокоился.

– Слава богу, – сказал он. – Значит, вы...

– Нет, я не... – ответил Ольга Гамулецкому на так и не высказанный им вопрос.

– Так кто вы? Я же вижу, что вы не из здешнего мира, – с дрожью в голосе спросил он Ольгу.

– Пан Антон, – ответила Ольга, – я действительно пришла сюда из другого мира, который отстоит от нынешнего на многие десятки лет. Но поверьте, что и там знают, помнят и гордятся великим механиком Антоном Марковичем Гамулецким, который с помощью примитивных инструментов и эмпирических знаний о природе сумел создать такие удивительные творения человеческого разума.

– Так вы из... – прошептал изумленный механик.

– Ни слова, пан Антон, больше ни слова! – Ольга приложила указательный палец к своим прекрасным губам. – Вы и так узнали намного больше, чем следовало бы. Впрочем, я с вами не прощаюсь и надеюсь, что мы еще не раз встретимся!

Поклонившись ошеломленному Гамулецкому, который, как ей показалось, так и не пришел в себя, Ольга сбежала по лестнице (ангел прилежно протрубил в валторну, механические лакеи почтительно склонили головы) и вышла на Невский. Постояв немного напротив Казанского собора, она медленно побрела по проспекту в сторону Фонтанки, в дом, где ее, наверное, уже заждались...

* * *

А чем занимались в это время те, кто не отправился покорять век девятнадцатый, а остался в веке двадцать первом? Бездельничали? Предавались пьянству и разврату? А вот и не угадали...

Антон и Александр вместе с Сергеевым-младшим занимались весьма актуальным и полезным делом. Антон собрал новую установку для перемещения во времени и теперь с помощью Николая монтировал ее в пустом боксе автомастерской Сергеева-старшего. По расчетам изобретателя, с помощью этой, более мощной установки можно будет перемещать из будущего в прошлое, и наоборот, габаритные и тяжелые грузы, не привлекая при этом особого внимания. Тестовый запуск установки назначили на пятнадцать ноль-ноль. А пока Антон гонял «агрегат» на холостом ходу. Вроде бы все было в норме.

Следующим этапом работы над техникой для перемещения в прошлое должен был стать мобильный вариант машины времени. Но до него руки пока не дошли, хотя все необходимые детали и материалы были Антоном уже закуплены, а Николай подремонтировал старенький уазик, на который Антон собирался установить новый девайс и генератор, питающий его электричеством.

К началу испытательного перехода в боксе собрались все, кто был посвящен в их тайну.

Антон еще раз проверил все параметры «агрегата», потом перекрестился и, сказав: «С Богом!», запустил свое детище на полную мощность. Все дальнейшее происходило по уже знакомому сценарию. Гудение, потрескивание, сияющая изумрудная точка. Потом она увеличилась до размеров подноса, и во внутренность бокса хлынул поток яркого солнечного света. Присутствующие при сем торжественном моменте зажмурились, из полумрака бокса увидев синее небо, зеленые заросли ивняка и небольшую рощицу берез. Внимательно приглядевшись, Александр заметил вдали шест с развевающимся на его вершине клочком красной материи. Значит, Иваныч там, в XIX веке ничего не напутал, и место, где в XXI веке находится его автомастерская, вычислил верно. Осталось лишь сделать закладку. Николай взял с верстака стальной стержень с привязанным к нему небольшим «маячком» и через окно во времени воткнул его в землю. Теперь «маячок» будет легко найти с помощью простейшего радиопеленгатора и с точностью до полуметра определить местонахождение межвременного портала.

Глава 4

Визит чародеев

Ни сна, ни отдыха измученной душе

Было уже два часа ночи, но император всероссийский Николай I все не мог заснуть. Он ворочался с боку на бок на тощем матрасе, набитом соломой, на своей железной походной кровати, но сон не шел к нему. Что-то тревожило его, но что именно, Николай Павлович и сам не мог толком понять...

Государь не был трусом и храбрость свою доказал не раз. Это было и 14 декабря, когда он лично отправился на Сенатскую площадь к взбунтовавшимся полкам, и во время «холерного бунта» в Петербурге, когда не побоялся один выйти навстречу обезумевшей и жаждущей крови толпе. Не дрогнул он и перед лицом огненной стихии во время пожара в Зимнем дворце, когда вместе с солдатами и пожарными был в самом центре огненного пекла.

Но сейчас Николаю было как-то не по себе. Он страшился чего-то, чему даже трудно было найти названия. Это что-то не имело ни форм, ни очертаний, но сильно тревожило душу монарха. И причин этой тревоги император тоже не мог понять.

Николай Павлович был человеком глубоко верующим. Но он также верил в предчувствия и знал, что в трудные минуты жизни они не раз помогали ему принять единственно правильное решение.

Слава богу, в империи как внешние, так и внутренние дела не вызывали поводов для тревоги. Правда, на Кавказе шла война, которую Николай получил по наследству от своего старшего брата Александра. На юге тоже было беспокойно. На казачьи станицы и селения совершали набеги разбойники из Хивы и Бухары. Они жгли дома и уводили людей в рабство. Оренбургский военный губернатор Василий Алексеевич Перовский попытался сделать им укорот, но поход, к сожалению, закончился неудачей. Понеся большие потери от холода и болезней, войско вернулось в Оренбург.

«Кстати, – подумал Николай, – надо будет еще раз переговорить с Василием Алексеевичем, подумать, что еще можно сделать для безопасности наших южных рубежей. Это верный человек, именно он был рядом со мной 14 декабря 1825 года на Сенатской площади. А кроме того, он из числа тех, кто посвящен в самую большую тайну империи».

Польское восстание 1830 года изрядно попортило крови государю.

«Это все мой братец Константин постарался, – с горечью подумал Николай, – его заигрывания с поляками до добра не довели. Пришлось ему чуть ли не в нижнем белье бежать из Варшавы, а мне вводить в эту проклятую Польшу без малого 180-тысячное войско».

Молодец, Паскевич, навел в этой Польше порядок. Но чувствую, что это не последний мятеж ляхов. Не знаю, что и делать с этой сумасшедшей шляхтой – ведь она требует, чтобы Польшу сделали независимой и дали ей границы 1772 года. А вот не дождутся!» – и государь машинально сложил пальцы рук в кукиши.

Только с Польшей все же что-то придется делать. Может, выселить всех поляков в Сибирь? Или истребить их, как истребляют британцы краснокожих в своих заокеанских колониях? Говорят, что они даже платят колонистам деньги за скальпы убитых ими индейцев. Причем независимо от того, кем были эти индейцы – воинами, женщинами, или детишками...

«Нет, – подумал Николай, – мои подданные так поступать не смогут. Да и поляки эти ведь тоже разные бывают...»

Вон, взять, к примеру, военного министра Царства Польского, генерала графа Гауке... Ведь в свое время сражался против нас вместе с Костюшко, до последнего защищал в 1813 году

от русских войск крепость Замостье. А потом стал генералом Царства Польского. В ноябре 1830 года он отказался присоединиться к мятежникам, за что был зверски растерзан ими. Тогда же были убиты оставшиеся верными мне генералы Потоцкий, Новицкий и полковник Мецишевский».

Император Всероссийский заворочался на своей узкой кровати. Она жалобно заскрипела под его мощными телесами. Хотя по Руси и ходили слухи о железном здоровье царя, но Николай Павлович знал, что это далеко не так. У него уже начались приливы крови к голове, головокружения. Подагра, спровоцированная постоянным ношением узких форменных сапог, донимала государя все чаще и чаще.

«Может быть, нездоровье и является причиной моей сегодняшней бессонницы? – подумал он. – Но к врачам я не побегу. Не дождутся. Попробую сам как-нибудь разобраться со своими хворями. А вот государыню показать бы хорошим медикам не помешало. Ведь она, бедная, все чаще стала жаловаться на боли в сердце и на одышку. Да и по женским делам у нее не все благополучно. Ведь она родила мне десять детей. Трое, правда, умерли еще в младенчестве. А после рождения в 1832 году сына Михаила врачи предупредили меня, что следующие роды могут стать для нее смертельными. И послушав их, императрица перестала выполнять супружеские обязанности».

Николай покраснел – он вспомнил о том, как государыня, жалея его, еще сильного и не старого мужчину, разрешила ему иметь «амуры» на стороне.

«Милая моя, – с нежностью подумал о своей супруге император, – как ей бывает трудно, когда до нее доходят слухи о моих „васильковых дурачествах“, и она старательно делает вид, что ничего особенного не происходит. Надо будет сделать ей какой-нибудь дорогой подарок к ее именинам».

Николай вспомнил, как Александра Федоровна радовалась, словно маленькая девочка, разглядывая чудесные вещицы, преподнесенные ей женщиной, которую он увидел впервые вчера в Аничковом дворце. Кажется, ее звали Ольгой Валериевной Румянцевой.

«Уж не родственница ли она графу Сергею Петровичу Румянцеву – недавно умершему сенатору?» – задумался император. Он вспомнил, что Сергей Петрович не был женат, но у него было несколько внебрачных детей.

«Гм... Все может быть. Тем более что, по словам этой дамы, она приехала к нам из-за границы, а граф в свое время был дипломатом и долгое время жил в Пруссии, Англии и Франции. Надо будет попросить Александра Христофоровича Бенкендорфа навести о ней справки».

То, что эта дама приехала в Россию издалека и еще плохо знакома со здешними обычаями, Николаю стало ясно после того, как она, увидев русского монарха, вместо положенного в таких случаях книксена просто поклонилась ему. Император вспомнил – Ольга Румянцева сказала ему о том, что она гражданка Северо-Американских Соединенных Штатов. Ее поведение подтверждает это – эти мужланы в Новом свете не имеют никакого представления о хороших манерах. Только говорят бесконечно о своих деньгах...

Император вспомнил, какой шум и писк поднялся во дворце, когда императрица стала показывать милые дамские безделушки. Как его дочки, Мария и Ольга, нюхали духи и помады, разглядывали какие-то блестящие браслетики и кулончики. Ей богу, словно сороки какие-то. Но все женщины так себя ведут – природа-с...

Жаль только, что меньше всего радовалась этим вещицам его любимая дочка Сашенька, или Адини, как называют ее домашние. Она вообще словно не от мира сего. А ведь умна и от Бога награждена многими талантами. У нее прекрасный слух и хороший голос. Николай очень любил свою младшую дочь и желал для нее хорошего жениха.

А вот старшие дочери в девках вряд ли засидятся. Николай усмехнулся, вспомнив о курьезном случае, произошедшем несколько лет назад. Молодой корнет Лейб-кирасирского наследника цесаревича полка князь Александр Барятинский и великая княжна Ольга Николаевна полюбили друг друга и тайком стали встречаться у своих общих знакомых. Нельзя сказать, что князь был бы для Ольги плохой партией – красив, богат, к тому же как-никак Рюрикович. Но Николай твердо придерживался принципа – члены царской фамилии не должны жениться и выходить замуж за своих подданных.

Государь, узнав об этом тайном романе, строго-настрого запретил дочери видаться с князем. Но хитрый Барятинский, переодевшись в форму караульного солдата, пробирался в Зимний дворец, чтобы там встретиться со своей любимой.

Впрочем, нашлись «добрые люди», которые рассказали царю о проделках этих доморощенных Ромео и Джульетты. Николай, проходя по коридору дворца, узнал в караульном солдате князя, снял его с поста и запер в своем кабинете. А сам, набросив на плечи солдатскую шинель, встал вместо него на часах. Вскоре в полумраке дворцового коридора появилась женская фигура. Это была великая княжна Ольга Николаевна. Она подошла к отцу и, не зная о подвохе, бросилась в его объятия.

Закончилось все весьма печально для влюбленных. Утром в свой кабинет, где сидел под замком князь Барятинский, с палкой в руках вошел государь. Несколько раз ударив этим «предметом для воспитания» князя, он велел ему: «Сегодня же чтобы ты был по дороге к Кавказу!»

Так гвардейский корнет оказался в Кабардинском егерском полку. Сражался он, надо отдать должное, неплохо, в тылу не отсиживался. В бою с немирными горцами был ранен пулей в бок, после чего вернулся в Петербург, где ему была вручена золотая сабля с надписью «За храбрость».

Николай взглянул на часы. Они показывали четвертый час утра. За окном было уже совсем светло – наступили знаменитые петербургские белые ночи. В пять, самое позднее шесть часов царь вставал с постели, выслушивал доклады градоначальника о происшествиях, случившихся в столице за ночь, просматривал почту, привезенную фельдъегерями, после чего, выпив стакан минеральной воды, отправлялся на прогулку по набережной и Летнему саду со своим любимым пуделем Гусаром.

«Летний сад! – неожиданно вспомнил Николай. – Вот где у меня появилось это предчувствие чего-то»... И появилось оно после встречи на набережной у Летнего сада на недавней утренней прогулке двух незнакомых ему людей. Одеты они были прилично, поведение тоже не вызывало подозрений, но что-то в них было такое... Ну, в общем, они были не такие, как все. Их глаза смотрели на царя, словно они знали что-то ему неизвестное...

И встреча князя Одоевского в том же Летнем саду, тоже, кстати, с утра пораньше... Взгляд у князя тогда был какой-то шалый, словно он только что заглянул туда, куда смертным заглядывать не положено... Странно все это. Надо бы пригласить князя к себе. Но не в Зимний, а в Аничков дворец. А может быть, самому заглянуть к нему? Ведь они с князем старые знакомые, супруга Владимира Федоровича была фрейлиной жены покойного брата Александра...

«Именно так я и сделаю! – решил вдруг император. – Сегодня же, сразу после обеда... Возьму и зайду к князю. И у него переговорю обо всем!»

Приняв это решение, Николай повернулся на правый бок и неожиданно для себя крепко заснул.

* * *

То, что так хотели наши друзья, произошло неожиданно, по-будничному просто. Впрочем, обо все по порядку...

Тот день стал для них чем-то вроде дня отдыха. Вечером, правда, надо было отправиться на Черную речку и там понаблюдать за тем, как будет работать новый портал. Утром же, после завтрака, на улице неожиданно потемнело, и хлынул проливной дождь, быстро превратившийся в грозу. За окном блистали молнии, и гремел гром.

Идти никому никуда не хотелось, и чета Одоевских вместе со своими гостями предавалась блаженному ничегонеделанию. Две Ольги ушли в комнату княгини и там с увлечением щебетали о чем-то своем, женском.

Владимир Федорович попросил Сергеева посмотреть на его ноутбуке какой-нибудь фильм, не слишком серьезный и, как сказал князь, «не про войну». Похоже, что Одоевский, несмотря на ратные подвиги предков, был ярым пацифистом.

Остановились на кинокомедии Леонида Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию». И смешно, и в тему – фильм о таких же, как они, путешественниках во времени. Вполне естественно, что многое из реплик главных героев князь не понимал – ведь реалии Москвы конца XX века ему были неизвестны. Но юмор – вещь вневременная, и люди 40-х годов XIX века все воспринимали как надо. Даже Виктор и Алексей, видевшие эту комедию бесчисленное количество раз и знавшие ее наизусть, с удовольствием наблюдали за приключениями жулика Милославского и управдома Бунши во дворце царя Ивана Грозного. А Одоевский, так тот просто смеялся до слез.

И вот, когда во время царской трапезы хор певчих и солист в лице Милославского-Куравлева голосом Валерия Золотухина запел: «Вдруг, как в сказке, скрипнула дверь...», дверь в столовую, где шел межвременной киносеанс, действительно скрипнула, и в нее протиснулся лакей Одоевского, с перекошенной и бледной физиономией. А вслед за ним вошел...

Да-да, именно он, Божию поспешествующею милостью Николай I, Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский; Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, и прочая, и прочая, и прочая... Николай изрядно промок и был хмур.

Наступила немая сцена, как у Гоголя.

Князь Одоевский, Сергеев и Кузнецов, захваченные врасплох, с изумлением тарацились на самодержца. А тот, в свою очередь, не отрывал удивленных глаз от экрана ноутбука, на котором Жорж Милославский лихо отплясывал с царевнами, а управдом Бунша в царских одеждах с рюмкой в руках любезничал с Марфой Собакиной.

– Г-г-господа, что это? – первым пришел в себя Николай, указывая монаршим перстом на продолжающий показывать гайдаевскую комедию ноутбук. – Что это за штука такая, и откуда она у вас?

– Ваше величество, – на правах хозяина дома ответил императору Одоевский, – эта штука называется ноутбуком, и показывает она живые картинки. Ну, как если бы они были сохранены с помощью особого устройства, и по воле хозяина этого ноутбука их можно посмотреть сколько угодно раз. А изготовлен сей прибор за пределами вашей империи...

– Удивительно, – промолвил царь, не отводя глаз от монитора. – Так все-таки где делают эти, как вы, князь, говорите, ноутбуки? И как он появился у вас...

Одоевский вопросительно посмотрел на Сергеева. Тот едва заметно кивнул. Князь набрал в грудь воздуха и начал рассказывать Николаю с самого начала: о том, как однажды к нему в дом пришли два незваных гостя из XXI века, и о том, как он отправился в будущее, чтобы увидеть своими глазами удивительный и загадочный мир...

Николай с недоверием слушал рассказ Одоевского. Впрочем, в Петербурге о князе давно уже сложилось мнение, что он не от мира сего. Достаточно было перечитать некоторые его романы, чтобы это понять. Ведь он и раньше писал о будущем. Так что нет ничего удивительного в том, что люди из будущего пришли именно к нему.

Но одно дело догадываться об этом, и совсем другое – воспринять случившееся как реальность. Рациональный и трезвый ум императора отказывался согласиться с тем, что только что рассказал ему Одоевский. Прибор, показывающий живые картинки, мог быть изготовлен некими умельцами, и ничего сверхъестественного в нем не было. В конце концов, наука ежегодно открывает все новые и новые явления природы. А князь мог просто повредиться умом, сочиняя свои романы.

Но то чувство чего-то нового, необычного, которое и привело Николая в квартиру Одоевского, не позволяло ему согласиться с доводами рассудка. Он еще раз бросил взгляд на монитор. Живых картинок там уже не было. Сергеев, воспользовавшись тем, что царь был занят разговором с Одоевским, остановил фильм и выключил ноутбук.

– Ваше величество, – твердо сказал Одоевский, – вы вправе верить или не верить мне. Но я действительно побывал в будущем, и свои слова могу вам доказать прямо здесь и сейчас. Кстати, я хотел бы представить вам, ваше величество, тех, у кого я был в гостях.

Николай изумленно посмотрел на Виктора и Алексея. До последних слов Одоевского он их не замечал. Мало ли что за люди пришли в гости к князю – ведь, в конце концов, император не обязан знать в лицо всех своих подданных. А они, оказывается... Впрочем, лицо Алексея показалось ему знакомым.

– Ваше величество, – начал князь Одоевский, – позвольте вам представить Виктора Ивановича Сергеева, майора в отставке, человека, сражавшегося за Россию на Кавказе и в Средней Азии.

Виктор наклонил голову, приветствуя Николая. Тот с интересом посмотрел на Сергеева. Все же император считал именно российских военных «солью земли» и к штатским относился с некоторым пренебрежением. Он благосклонно кивнул Виктору, а потом спросил его:

– Господин майор, а в каких местах вам довелось воевать?

– Ваше величество, – ответил царю Виктор, – я сражался с неприятелем и в горах Афганистана, и в Чечне... Был дважды ранен и контужен. Ушел в отставку по выслуге лет.

– Ваше величество, – продолжил тем временем Одоевский, – позвольте представить вам Алексея Юрьевича Кузнецова, доктора из будущего. У них уже научились лечить самые тяжелые болезни. Я думаю, что доктор Кузнецов расскажет вам много интересного и полезного.

– Господин Кузнецов, – спросил Николай, – а какие заболевания у вас теперь могут лечить? И действительно ли вы можете справляться с любыми недугами?

– Ваше величество, – ответил Алексей, – всемогущ токмо лишь Господь, а мы всего лишь простые смертные. Но Владимир Федорович сказал вам правду – многие болезни, которые у вас считаются неизлечимыми, поддаются нашим лекарствам. А некоторые хвори мы можем предотвратить с помощью прививок. Ну, это то же самое, что у вас делают, дабы предохраниться от оспы...

В этот момент дверь комнаты княгини отворилась, и в столовую вошли две дамы. Увидев Николая, они немного растерялись, но дружно сделали книксен, приветствуя императора.

– А, старая знакомая! – воскликнул с улыбкой самодержец. – Знаете, а я ведь догадывался, что вы прибыли к нам издалека. Только вот даже не предполагал, насколько. Ай да лгунишка, – Николай шуточно погрозил Ольге пальцем, – а ведь вы говорили, что прибыли в Россию из Североамериканских Соединенных Штатов... Нехорошо говорить неправду царю!

– Ваше величество, – кокетливо улыбнулась ему в ответ Ольга, – вы слишком строги к женщинам. Ведь мы обожаем всяческие мистификации, да и редкая дама говорит всю правду даже законному супругу. К тому же скажите честно, ваше величество, если бы я рассказала вам при первой встрече – кто я и откуда, то вы вряд ли бы мне поверили?

– Конечно же нет, – ответил Николай. – Но вы-то, князь... Почему же вы сразу не рассказали мне о том, что к вам пришли гости из будущего? Ведь вы понимаете, что это дело государственной важности. А вы, Владимир Федорович, скрыли это от меня.

– Ваше величество, – обратился к царю Сергеев, – позвольте мне ответить за князя Одоевского. Просим не гневаться на Владимира Федоровича. Ведь это мы попросили его никому не рассказывать о нас. Князь дал нам слово. Вы прекрасно понимаете, что информация о нашем появлении является тайной, и ее надо хранить от посторонних. Ведь мы знаем то, что не знает никто в вашем мире – например, то, что произойдет в самом ближайшем времени. И этим знаниям цены нет. Мы уже не говорим о тех вещах, которые у нас есть. Вот, возьмем, к примеру, ноутбук, который показывает фильмы. Или, как сказал вам Владимир Федорович, «живые картинки».

Но помимо этого в нем хранится столько информации, сколько нет в самой большой библиотеке земного шара. А информация – это могучая сила. В ноутбуке хранятся тысячи фотографий нашего оружия, чертежи механизмов и устройств, за которые те же британцы не пожалели бы отдать столько золота, сколько бы мы ни запросили. Но мы хотим, чтобы наши знания стали достоянием одной лишь России и не были использованы против нее.

Николай задумался.

– Господин майор, – сказал он, – в ваших словах я вижу резон. Действительно, о вашем существовании никто, кроме круга особо доверенных людей, не должен знать. А как, кстати, вы попадаете из будущего в прошлое и возвращаетесь?

– Ваше величество, все путешествия во времени происходят с помощью машины, построенной одним из моих друзей, – ответил Виктор. – Принцип ее работы непонятен даже мне. Но главное – она работает. Кстати, сегодня произойдет открытие портала между прошлым и будущим. Если хотите, то можете присутствовать при сем событии и сами увидеть все. Только, ваше величество, надо сделать так, чтобы кроме вас никто это больше не увидел.

– Да, вот как? – удивился Николай. – Конечно же я очень хочу понаблюдать за этим чудом. А что касается секретности... – царь на мгновение задумался. – Скажите, господин майор, а где именно вы намерены открыть этот, как вы говорите, портал?

– На Черной речке, ваше величество, – ответил Сергеев, – там обычно малоллюдно.

– Тогда поступим следующим образом, – хитро улынувшись, сказал Николай, – сейчас я отправлюсь во дворец, а вечером, за час до начала вашей амбаркации, как это часто бывает, отправлюсь гулять в Летний сад. Князь, когда вы будете проезжать по Фонтанке, сверните на набережную у Прачечного моста. Там я вас буду ждать. Один, без сопровождающих. С вами мы доедем до места и увидим то, что мне очень хочется увидеть.

– Слушаюсь, ваше величество, – сказал Одоевский.

Виктор и Алексей переглянулись. Надо будет предупредить друзей и первыми добраться до условленного места. Ну, и заодно проверить, не последует ли кто из ведомства графа Бенкендорфа в качестве «хвоста» за Николаем I. Предосторожность, знаете ли, никогда не помешает...

Это уму непостижимо!

Когда за Николаем I закрылась дверь, присутствующие стали дружно чесать затылки. Встреча с царем произошла, но не так, как это хотели наши друзья. Император, скажем прямо, застал их врасплох, и Виктору с Алексеем пришлось импровизировать. Теперь надо было срочно прикинуть, как обставить все так, чтобы царь при демонстрации портала увидел именно то, что ему следовало увидеть, и не более того.

Сергеев и Кузнецов стали собираться в дорогу. Виктор взял с собой «маячок» и, на всякий случай – чем черт ни шутит, – прихватил с собой травматическую «Осу». Алексей, как человек гуманной профессии, сунул в рукав сюртука две соединенные между собой палочки, именуемые красивым японским словом «нунчаки». В молодости Кузнецов довольно серьезно

занимался восточными единоборствами и неплохо научился орудовать разными экзотическими приспособлениями для членовредительства.

На извозчике они добрались до Черной речки. После того как отпущенный ими мужичок уехал, бормоча под нос что-то о «барских забавах» – похоже, что он принял их за дуэлянтов – с помощью простейшего радиопеленгатора, изготовленного Антоном, они нашли оставленный Сергеевым-младшим «маячок», обозначивший место, где вскоре откроется дверь в будущее. До начала предварительного сеанса связи осталось минут двадцать. Они внимательно осмотрели местность, но ничего подозрительного не обнаружили.

– Ну что, Иваныч, – спросил Кузнецов у друга, – давай подумаем, как мы будем дальше вести себя в общении с царем. Ведь если что-то пойдет не так, то нам здесь больше будет делать нечего. Придется просить Антоху, чтобы он поискал другую дыру во времени. Хотя, если честно, тут мне понравилось. Да и с Одоевскими я уже сдружился. Хорошие люди, хотя и князя.

– Да у Одоевского мать из крепостных, – улыбнулся Кузнецов, – но если честно, то я к князю тоже искренне привязался и очень хочу ему помочь. В клинике уже ждут княгиню, чтобы пролечить ее от бесплодия. Ведь жаль будет, если прервется сей древний и славный русский род. Как ты считаешь, Иваныч?

– Я с тобой полностью согласен, – сказал Сергеев. – Да и нельзя допустить повторения Крымской войны в этой реальности. Севастополь жалко...

– Так что, Виктор, на том и порешим – будем дожимать ситуацию, – сказал Алексей, – тем более что пока все идет нормально. Смотри, вроде начинается...

В воздухе, на уровне человеческого роста, повисла изумрудная точка, которая через несколько мгновений превратилась в овал. Заглянув в него, Сергеев увидел улыбающееся лицо сына, расписанное черно-зелеными узорами боевого грима.

– Привет, Николка! – крикнул он. – Как там у нас идут дела?!

– Привет, батя! – ответил Сергеев-младший. – У нас все в порядке. Вот, прорубили новое окно в прошлое. Теперь не будем наводить панику на слуг князя, превратив его квартиру в проходной двор. Сейчас мы с Денисом вылезем и проверим обстановку. А то, может, вы на хвосте кого сюда притащили...

Тем временем овал раздвинулся и стал диаметром метра три. Из темноты гаража на лужайку выпрыгнули «двое из ларца, одинаковых с лица». Сергеев-младший прихватил с собой двоюродного брата Дениса, сына младшей сестры Виктора. Он де-факто сейчас руководил автомастерской Сергеева. Срочную Денис служил в разведбате морской пехоты Северного флота. Там и насобачился бегать по горам в лохматом камуфляже, ломать ладонью доски и разным приемам лишения жизни ближних своих. Он был посвящен в дела дяди и его приятелей. Денис с удовольствием принял приглашение кузена «тряхнуть стариной» и немного повеселиться.

Парни были одеты в камуфляж «леший», лица разрисованы боевыми узорами, а в руках они держали по «Сайге». Виктор махнул рукой, и его орлы бесшумно скрылись в кустарнике. А из глубины гаража, щурясь от яркого света, вышел Антон. Он с удовольствием втянул носом чистый воздух Петербурга, еще не испорченный выхлопными газами и прочими миазмами многомиллионного мегаполиса.

– Привет, Антон, – поздоровался с другом Кузнецов, – хочу тебя немного огорчить. Все как у Николая Васильевича Гоголя – к нам едет ревизор! Точнее, не ревизор, а сам государь-император Николай Павлович. Подробности потом. Главное заключается в том, что он скоро будет здесь.

Антон задумчиво почесал кончик носа, а потом спросил:

– Ребята, и как у вас с ним все прошло? Надеюсь, вас не упрячут в Петропавловку или в Шлиссельбург? К вам еще не приставили ищеек Бенкендорфа?

– Тоха, давай потом поговорим обо всем подробно, у нас и так времени в обрез, – ответил Сергеев. – Скажу только, что с Николаем у нас первый контакт прошел вроде бы нормально, без заморочек. Дядечка оказался не таким уж грозным, как в наших книгах о нем писали. Правда, как дальше будет, не знаю. Поживем – увидим...

– Если доживем, – сказал Антон. – Хорошо, я перехожу на режим «товсь». На время отключаюсь. Новый сеанс – через полчаса.

Загудело, обруч сжался в точку, которая вскоре потухла. Минут через пятнадцать из кустов вынырнули ржущие во весь голос, словно стоялые жеребцы, Николай и Денис.

Оказывается, во время обхода окрестностей они наткнулись на влюбленную парочку из местных крестьян, которые расположились под кустиком и собрались заняться любовными утехами. И тут из лесной чащи на тех неожиданно выползли две фигуры в лохматых шкурах, со страшными мордами – не то лешие, не то оборотни. Перепуганные парень и девушка с визгом ломанулись в лесные дебри, оставляя на ветках кустов клочки своей одежды.

– Ну, теперь года три в этих краях только и будет разговоров о нечистой силе, которая окопалась в здешних лесах и мешает молодым парням и девушкам улучшать демографию, – сказал, с трудом сдерживая смех, Виктор. – А теперь, малыцы, быстренько жмите к дороге и наблюдайте за всеми, кто по ней будет двигаться. Как только появятся гости, подайте сигнал по рации.

«Кузены-разбойники» козырнули отставному майору и опять растворились в кустах. Виктор и Алексей стали ждать.

Вскоре у Сергеева запищала в кармане рация и голосом сына сообщила, что со стороны Питера по дороге следует открытый экипаж, в котором сидят двое. Один из них – князь Одоевский, а второй – дяденька, копия которого гарцует на бронзовом коне на Исаакиевской площади.

– Точь-в-точь император Николай Павлович, – сказал Сергеев-младший. – Я сейчас пройду за ними по дороге, проверю насчет возможного «хвоста».

– Действуй, – скомандовал отец.

– Ну, что, Алеша, покажем товар лицом государю-императору? – спросил он Кузнецова, – держимся бодро, отвечаем коротко. Словом – что нам стоит сбегать в прошлое – так, плевое дело...

Вскоре из-за изгиба дороги появилась коляска, запряженная парой лошадей. В ней на мягких подушках сидели Одоевский и Николай I. Подъехав, царь и князь вылезли, разминая затекшие от долгого сидения ноги. По знаку Николая кучер развернул коляску, и скрылся за поворотом.

– Господа, вы уверены, что именно здесь и откроется ваше окно в будущее? – скептически спросил Николай у Сергеева. – Я не вижу тут никаких механизмов, которые могут быть приведены в действие. Хм...

– Ваше величество, – ответил Виктор, – все произойдет именно здесь через несколько минут. Подождите немного...

Николай хотел было что-то сказать еще, но тут в центре поляны вспыхнула яркая изумрудная точка, в течение минуты превратившаяся в огромный обруч.

– Боже милостивый! – воскликнул изумленно царь и перекрестился. – Что же это?! Господа, так вот как все происходит! Оказывается, это так просто... Уму непостижимо!

– Ваше величество, – ответил вышедший из полутемного гаражного бокса Антон, – если бы вы знали, сколько сил нам стоило изготовить такую вот машину! И мы сделали это... Позвольте представиться: Воронин Антон Михайлович. Создатель машины времени и инженер.

– Господин Воронин, – патетически воскликнул Николай, – Россия может гордиться вами! И я несказанно рад, что в нашем Отечестве и через сотни лет после нас продолжают рождаться такие таланты, как вы!

Пока Антон и царь обменивались комплиментами, позади них тихо раздвинулись кусты, и на лужайку вышли камуфлированные фигуры с «Сайгами» в руках. Почувствовав за спиной присутствие посторонних, Николай резко обернулся и изумленно воскликнул:

– А это кто такие?! Что за чудища?!

– Ваше величество, – спокойно ответил Сергеев-старший, – эти люди обеспечивают нашу и вашу безопасность. Один из них, кстати, мой сын. А насчет их одежды... Именно такую форму у нас сейчас носят разведчики. В ней они могут спрятаться в лесу так, что мимо них пройдешь в двух шагах и не заметишь.

– Да, – задумчиво произнес царь, – как много у вас интересного... Господа, а могу ли я хоть одним глазком посмотреть на ваше будущее? Не сегодня, конечно, а скажем, послезавтра. В это же время на этом же месте...

– Ваше величество, – ответил Антон, – конечно же, мы будем рады видеть вас у нас в гостях. В назначенное вами время портал будет открыт. Мы ждем вас в XXI веке!

* * *

Портал закрылся, и Антон перевел дух. Вместе с ним в боксе все еще находились Николай и Денис, вернувшиеся из небольшой прогулки в прошлое. Да, не каждый день приходится видеть самодержцев. Впрочем, подумал про себя, Антон, если дела так пойдут и дальше, то подобные встречи станут более частыми.

Он вышел из бокса, велел Николаю обесточить все и закрыть дверь, поставив помещение под сигнализацию. До сих пор на имущество авторемонтной мастерской мазурики не покушались, но как говорится, береженого и Бог бережет. Ну, а не береженого – конвой стережет. Он отправился домой, по дороге позвонив по мобильнику Шумилину и сообщив тому, что надо срочно увидеться. Шумилин приехал часа через полтора. Он был по уши в делах, готовясь к отправке в прошлое, и высказал недовольство тем, что друг оторвал его от этих дел.

Антон пересказал ему, что произошло в боксе. Шумилин задумался. Похоже, что их спокойная и размеренная жизнь заканчивалась. Дальше начинался сплошной экшн с элементами хоррора.

– Знаешь, Тоха, – сказал, наконец, Александр, – видно, нам придется вскоре познакомиться с еще несколькими историческими персонажами.

– Ты имеешь в виду Александра Христофоровича Бенкендорфа? – спросил Антон.

– Может, и с ним, – ответил Шумилин, – но с большей долей вероятности я полагаю, что нами также заинтересуется Леонтий Васильевич Дубельт. Начальник штаба Корпуса жандармов и управляющий III отделением Собственной его императорского величества канцелярии.

– А нафиг мы им нужны? – удивился Антон. – Мы вроде устоям империи не угрожаем и комплот против священной особы государя не создаем.

– Видишь ли, Тоха, – сказал задумчиво Шумилин, – достаточно того, что мы просто появились рядом с Николаем. И тем самым попали под колпак спецслужб Российской империи. Ты думаешь, что когда он гуляет с собачкой по Летнему саду, или пешком фланирует по Невскому, то за ним никто не наблюдает? Как бы не так, за царем ведется слежка, причем весьма умелая. И люди, которые ею занимаются, неплохо знают свое дело. Они и нашим опущникам могли бы дать фору. Тем более что в те времена не было ни радиостанций, ни других шпионских приборов. Ходят эти мальцы сзади, наблюдают за императором, а другие, не столь искусные, но настырные, потом выясняют – с кем это беседовал при встрече государь, и стоит ли опасаться собеседника монарха. Это, естественно, не касается тех, кто знаком государю и кто считается вполне благонадежным.

Был такой случай – Николай повстречал во время прогулки одного заезжего французского актера. Царь покалякал с ним о том о сем, а потом пошел своей дорогой. Актеришку

же через пару минут взяли за цугундер полицейские и потащили в участок. За то, что он, дескать, «приставал на улице к императору». Потом, естественно, установили личность француза, что было довольно сложно сделать, так как француз не понимал по-русски, а полицейские не понимали ни бельмеса по-французски. Ну, а баз данных тогда еще не успели завести. Затем, конечно, извинились и отпустили его.

Вот так-то. Причем наблюдение может вестись как агентами Бенкендорфа, так и агентами Дубельта. Хрен, конечно, редьки не слаще, но я бы предпочел иметь дело со своим тезкой. Леонтий Васильевич – личность склизкая и, я бы сказал, более сволочная. Хотя работая в таких структурах, трудно быть белым и пушистым...

– Понятно, – озадаченно протянул Антон, – а скажи мне, Шурик, как мы должны себя вести в общении с этими персонами?

– Быть осторожными, – ответил Шумилин, – ведь я совсем не против того, что люди из тамошних спецслужб охраняют Николая от неприятностей. Тем более что сам наш новый знакомый в этом отношении ведет себя довольно беспечно. Например, когда царь после пожара и ремонта снова вернулся в Зимний дворец, то он приказал снять ночные посты у своих личных покоев. А ввел их его старший брат Александр, который хорошо помнил о том, что случилось с их отцом Павлом I в одну мартовскую ночь 1801 года.

А ведь после подавления польского восстания 1831 года некоторые горячие польские парни всерьез собирались совершить теракт в отношении Николая. О чем его не раз предупредили и Бенкендорф, и Дубельт. Но он отправлял их в игнор, продолжая в одиночку гулять по улицам града Петрова. Впрочем, против самих охранителей он ничего не имел. Он только требовал, чтобы охранники не попадались ему на глаза.

Я, Тоха, опасаюсь другого. Если мы станем часто и тайно встречаться с Николаем, то на нас начнут точить зубы люди из его окружения. Кто из зависти, кто из желания узнать то, что им знать не положено. Совсем будет скверно, когда в наши взаимоотношения начнут совать нос ребята из конторы Карлуши Нессельроде. Во-первых, они шустрят не только за рубежом, что им положено по службе, но и лезут в дела внутренние. К тому же сам Карлуша пляшет под дудку австрийского канцлера Меттерниха. И это совсем скверно. Да и прочие европейские государства держат в Петербурге целую свору своих агентов. И они с ходу заинтересуются новыми фигурами, появившимися рядом с Николаем.

– Так что же нам делать? – спросил Антон. – И жандармы будут за нами топать, и шпионы в наши дела совать. Схрумкают нас и не подавятся.

– Не бойсь, Тоха, – улыбнулся Шумилин, – жандармы и люди Бенкендорфа, какие бы они ни были, все ж слуги государевы. И в открытую против царя не попрут. Будут, конечно, плести интриги – как же без этого. Но если Николай прикажет им: «Этих не трогать», – то они будут дело свое делать, хотя, может, и без особого удовольствия.

– Ох, Шурик, как-то мне все это... – морща нос, произнес Антон, – хотя что мы теряем? Случись чего, уходим в век XXI, уничтожаем аппаратуру и живем, как и жили до этого.

– Ну, это ты брось, – одернул друга Александр, – чтобы мы, да не справились с какими-то там жандармами и австрийскими джеймсами бондами недоделанными?! Стыдно нам будет – взять и сбежать. Или мы не ТриАда?!

– Да ладно, Шурик, – сказал Антон, – это я так... Будем кумекать. Все же за нами знания трех тысячелетий. Да и не одни мы. И здесь и там есть люди, которые нам помогут... Так что ты говоришь насчет тамошних спецслужб?

– Тебе интересно? – спросил Шумилин. Антон кивнул, и бывший опер продолжил: – Тогда я начну с Александра Христофоровича Бенкендорфа. Буду говорить в стиле Копеляна: «Истинный ариец – родом из Лифляндии, корни уходят во Франконию...» Мужик храбрый, порошу понюхавший – воевал с турками, с Наполеоном, имеет двух Георгиев и золотую шпагу с бриллиантами «За храбрость». После ухода Наполеона из Москвы – первый комендант Пер-

вопрестольной... Партизанил не хуже Дениса Давыдова, лихой кавалерист... По жизни – тоже далеко не трус... В 1824 году, когда в Санкт-Петербурге случилось большое наводнение, он стоял на балконе с государем императором Александром I. Не выдержал, сбросил с себя плащ, доплыл до лодки, плавающей у стен Зимнего дворца, и спасал весь день тонущих...

Имеет опыт оперативной работы. Еще в 1821 году предоставил императору Александру I докладную записку о «Союзе благоденствия», предупредив, что настроены эти ребята серьезно и не остановятся перед царубийством...

Участвовал в следствии по делу декабристов. В 1826 году стал шефом жандармов, и в том же году возглавил III отделение СЕИВ канцелярии.

В 1828 году потрянул стариной – был рядом с Николаем на фронте во время войны с Турцией. В 1832 году «за заслуги» получил графский титул. И еще... Он один из посвященных в Великую тайну. Ну, ты понимаешь, о чем я говорю?

Антон кивнул, и Шумилин продолжил:

– Вот вроде и все о его личности. Теперь о его службе. Третье отделение – чисто аналитическое учреждение, которое оперативной работой практически не занималось. В свое время было заточено под наблюдение за высшими армейскими чинами и гвардейцами – царь помнил, откуда вышли его «приятели по делу 14 декабря»... Штат III отделения был небольшой, а дел на него навешено более чем достаточно.

Что касается жандармов и их начальника, Леонтия Васильевича Дубельта. Тоже «из арийцев», тоже повоевал с французами. При Бородине был ранен. В молодости якшался с «вольными каменщиками», состоял одновременно аж в трех масонских ложах. Правда, в 1822 году, когда масонство в России было запрещено, дал подписку о разрыве с «братьями». Также путался с декабристами, был знаком со многими из них. В 1826 году даже привлекался по «делу 14 декабря». Но по рассмотрению следственной комиссии, все обвинения против него «оставлены без внимания».

В Корпус жандармов попал в 1830 году, сумел понравиться Бенкендорфу, быстро пошел в гору, после чего подсел своего шефа, став в 1839 году его начальником. Ему простительно лишь то, что Александр Христофорович к тому времени стал сильно хворать – сказывались боевые ранения – и часто отсутствовал на службе.

В общем, как я тебе уже сказал, личность довольно скользкая. Впрочем, что характерно, развернув сеть осведомителей, он оплачивал им услуги суммами кратными тридцати – в память о тридцати сребрениках Иуды. Имел контакты с некоторыми взяточниками и казнокрадами. По некоторым данным, «крышевал» их. Любил карты, порой проигрывал довольно крупные суммы.

Вот с ним-то, Антон, нам и придется нелегко. Но другого выхода нет. И чтобы вас, штатских и военных, этот типус не обвел вокруг пальца, надобно мне, старому оперу, отправляться в год 1840-й.

Так что, Тоха, я не зря тут занимался копанием в архивах. Завтра я буду у тебя со всеми своими досье, а ты отправишь меня в век XIX-й... Будем налаживать там агентурную работу.

Нелегкие раздумья

Окно в будущее захлопнулось, исчезла висящая в воздухе изумрудная точка, и наступила тишина. Лишь где-то в кустах чирикала птичка, да за поворотом дороги всхрапнула застоявшаяся лошадь.

Николай достал из кармана мундира белоснежный батистовый платок и вытер вспотевший лоб. Он был человеком трезвомыслящим и не склонным верить в чудеса. Но то, что сейчас он увидел, иначе как чудом не назовешь.

Впрочем, самодержец был еще и глубоко верующим человеком. И иначе как Промыслом Божиим сие чудо не могло быть объяснимо. К тому же он заметил в вырезе расстегнутой рубашки Антона серебряный крестик, что говорило о принадлежности людей из будущего к Православной церкви. Да и стоящие рядом Виктор и Алексей не были похожи на слуг нечистого.

Теперь следовало решить – как использовать открывшиеся возможности, и насколько будут полезны для его государства знания и технические возможности новых знакомых. Решив не откладывать на потом решение этих тревожащих его вопросов, он обратился к князю Одоевскому.

– Владимир Федорович, я хочу вернуться в Петербург вместе с Виктором Ивановичем. Если вы не возражаете, то обождите здесь немного, а я отправлю вам первого же встреченного нами извозчика.

Одоевский понял, что царь желает приватно побеседовать с Сергеевым, и не стал возражать.

– Ваше величество, – сказал он, – погода хорошая, и мы с Алексеем Юрьевичем прогуляемся, выйдем на Каменоостровский проспект, а там уж точно найдем извозчика, который и довезет нас до дома. Так что, ваше величество, не стоит беспокоиться.

– Ну вот, и отлично! – воскликнул царь. – Виктор Иванович, – он повернулся к Сергееву, – прошу вас.

И Николай решительно зашагал в сторону своего экипажа. Устроившись на мягких подушках, царь и отставной майор первые несколько минут молчали. Виктор понял, что Николай никак не может решить – как ему себя вести с человеком из будущего. По идее, он не был его подданным, но в то же время – находился на территории Российской империи.

Виктор решил взять инициативу в свои руки и первым обратился к царю.

– Ваше величество, считайте, что я ваш гость, а как говорят на Востоке, «гость – ишак хозяина». Я приму любые формы взаимоотношения и поведения, которые вы мне предложите...

– Ну что ж, – после недолго раздумья ответил Николай, – пусть будет именно так, как вы сказали. Обращайтесь ко мне «ваше величество» – этого будет вполне достаточно. Все промахи в соблюдении этикета вам не будут поставлены в вину. Я понимаю, что в будущем взаимоотношения между людьми гораздо проще, чем в наше время.

– Господин майор, – продолжил разговор Николай, – по дороге сюда князь Одоевский успел мне немного рассказать о том, что ему удалось увидеть во время кратковременного пребывания в XXI веке. И о том, что произошло в нашей истории. Упомянул он и о войне, которая начнется через тринадцать лет, во время которой мы потеряем половину Севастополя и вынуждены будем заключить невыгодный для нас мир. Так ли это было на самом деле? И почему мы потерпели в той войне поражение?

Сергеев, который в свое время тщательно проштудировал историю Крымской войны, задумался. Ему не хотелось рассказывать о вещах, которые были бы лично неприятны царю, и в то же время ему не хотелось лгать. Поколебавшись немного, он сказал:

– Ваше величество, я бы не стал говорить категорически, что Россия потерпела поражение в войне, позднее названной Крымской. Россия не сумела одержать в ней победу. Союзные англо-франко-турецко-сардинские войска понесли в этой войне потери большие, чем русские войска. Им удалось захватить в Крыму южную часть Севастополя, а на Балтике недостроенную крепость Бомарзунд. На Севере и на Тихом океане войска и флот противника не добились успеха, а на Кавказе русские войска под командованием генерала Муравьева взяли турецкую крепость Карс. В общем, победа ваших противников была весьма сомнительной. И лишь под нажимом ваших нынешних союзников – Австрии и Пруссии, сменивший вас на троне Александр Николаевич был вынужден пойти на заключение в Париже мирного договора.

– Вот как... – задумчиво сказал царь, – значит, мой сын будет отдуваться за все то, что началось при мне?

В ответ Сергеев лишь пожал плечами. Николай задумался, а потом тихо спросил:

– Виктор Иванович, а как я умер?

– На этот счет существует достаточно распространенная в нашем времени легенда, согласно которой вы, якобы в глубоком отчаянии, велели вашему лейб-медику Мандту дать вам яд... – сказал Сергеев.

Николай, услышав эти слова, в возмущении замахал руками. Сергеев понимающе кивнул и продолжил рассказ:

– Я знаю, что вы как человек верующий в Господа Нашего Иисуса Христа, – тут Виктор перекрестился, и царь последовал его примеру, – никогда не совершили бы этот смертный грех. Наши медики, изучавшие историю вашей болезни, пришли к выводу, что вы скончались от пневмонии. В наше время такую болезнь довольно успешно лечат. Умерли вы, как настоящий христианин, причастившись и исповедовавшись.

Николай и Виктор минут пять молчали. Экипаж катил по Каменоостровскому проспекту и был уже на подходе к Петропавловской крепости.

– Виктор Иванович, не составите ли вы мне компанию? – неожиданно спросил Николай. – Я хотел бы зайти помолиться в Собор во имя Первоверховных апостолов Петра и Павла.

– Не возражаю, – ответил Сергеев, – в этом соборе похоронены все русские цари, ваши предки. И в наше время там проводятся богослужения.

Получив указание от царя, кучер свернул на деревянный мост через Кронверкскую протоку и подъехал к воротам Иоанновского рavelина. Часовой, увидев сидящего в экипаже царя, вызвал дежурного офицера. Тот примчался встречать самодержца вместе с комендантом Петропавловской крепости генералом Иваном Никитичем Скобелевым.

Сергеев с любопытством смотрел на деда знаменитого русского полководца Михаила Дмитриевича Скобелева. «Однорукий генерал», как прозвали Скобелева за увечье, полученное во время подавления Польского мятежа, с пустым левым рукавом генеральского мундира и помятым морщинистым лицом, выглядел настоящим старым рубакой, «не знающим слов любви». Но впечатление сие было обманчивым. Иван Никитич был не чужд литературному творчеству и публиковал свои воспоминания о сражениях, в которых ему довелось поучаствовать, в «Русской старине».

Приложив к головному убору трехпалую правую ладонь – два пальца были оторваны шведской пулей во время войны со Швецией в 1808 году, – старый вояка браво доложил царю о том, что в крепости все спокойно и никаких происшествий не случилось.

Узнав, что государь желал бы посетить место упокоения своих предков, Скобелев предложил Николаю лично проводить царя и его гостя в собор. При этом Иван Никитич все время косился на Сергеева. Наметанный глаз ветерана узнал в нем такого же, как и он, ветерана, вдоволь понюхавшего пороху. Но он не стал задавать ненужных вопросов и почтительно шагал рядом с Николаем, хозяйским взглядом обозревая подведомственную ему территорию.

В соборе царь отстранил спешно подошедшего к нему настоятеля и вместе с Сергеевым подошел к алтарю. Прочитав «Отче наш» и «Верую», Николай перекрестился, посмотрел на Виктора, который вслед за царем читал молитвы, и жестом предложил ему пройти к могилам русских царей.

Они постояли рядом с надгробиями Петра I и Екатерины II, потом, опять же жестом остановив Сергеева, Николай подошел к могиле своего отца, императора Павла I, и преклонил колени. Помолившись, он встал, внимательно посмотрел на Виктора и кивнул ему в сторону выхода.

Выйдя из собора, все перекрестились в последний раз и в сопровождении генерала Скобелева направились к Иоанновскому рavelину. Там царь и его гость сели в экипаж и через

Воскресенский наплавной мост перебрались на другую сторону Невы. У Летнего сада они распрощались.

– Виктор Иванович, – сказал царь, – я готов отправиться в ваше время. Когда точно у вас будет снова открыто окно из будущего в прошлое?

– Завтра, около семи часов пополудни, – ответил Виктор, – Алексею пора возвращаться. Его ждут работа и больные. Вместе с ним вы можете отправиться в будущее. Когда и где мы завтра с вами встретимся?

– В половине седьмого я буду ждать вас в экипаже на Каменном острове у церкви Иоанна Предтечи. Вы знаете, где это? – Сергеев кивнул, и Николай продолжил: – Я постараюсь, чтобы никто не знал о нашей встрече, хотя...

– Ваше величество, – сказал Виктор, – я прекрасно все понимаю и рассчитываю, что Леонтий Васильевич Дубельт не будет излишне любопытен.

– Вот-вот, – усмехнулся Николай, – и после соответствующего моего внушения, он не станет совать нос в наши дела. Ну, а если что, то ваш сын и его кузен сумеют отучить его людей от излишнего любопытства...

Виктор кивнул, и на лице его появилась кривая усмешка. Он на мгновение представил, как в руках Николая и Дениса бьется человек в «гороховом пальто», с ужасом глядя на их размалеванные черно-зелеными узорами лица.

– Все будет в порядке, ваше величество, – сказал Сергеев, – ровно в половине седьмого я буду с Алексеем Юрьевичем ждать вас в условленном месте. Всего вам доброго.

– Всего доброго и вам, Виктор Иванович, – ответил царь.

Царская встреча

Вернувшись в квартиру Одоевских на Фонтанке, Сергеев огорошил всех известием о том, что Николай I решился на путешествие в будущее. Хотя тот ранее и высказал желание заглянуть в Россию XXI века, но никто из присутствующих не ожидал, что это случится так быстро.

Главная забота обеспечения царского вояжа легла на хрупкие плечи Ольги Румянцевой. Ведь царя надо будет сразу же переодеть в то, что носят люди в Петербурге начала третьего тысячелетия. А габариты Николая Павловича такие, что не всякий костюм подойдет ему по размерам. Напомним, что ростом император был 189 см и атлетического телосложения. Врач Конногвардейского полка Карель, в 1849 году осматривавший 53-летнего Николая I, потом вспоминал: «Видев его до тех пор, как и все, только в мундире и сюртуке, я всегда воображал себе, что эта высоко выдававшаяся грудь – дело ваты. Ничего не бывало... Я убедился, что все это самородное; нельзя себе представить форм изящнее и конструкции более Аполлоново-Геркулесовой».

Ольга на глазок прикинула размеры брюк и рубашки для высокого – в прямом и переносном смысле – гостя, а также его обуви. Было решено, что она отправится в будущее вместе с ним, чтобы, сняв мерку с Николая, на машине вместе с Сергеевым-младшим сгонять в магазин и купить нужную одежду и обувь.

С ними собрался отправиться домой и Алексей, которому уже было пора возвращаться в клинику. Он был известен среди коллег как заядлый турист и рыбак, но слишком долгое его отсутствие могло вызвать ненужные разговоры.

Четвертой в этой компании стала княгиня Одоевская. Алексей обнадежил ее известием о том, что Ольгу Степановну готова принять частная клиника, специализирующаяся на лечении бесплодия, и она, не раздумывая, дала согласие отправиться в будущее, чтобы получить шанс стать матерью.

В общем, компания подбиралась большая. Было решено, что Николай станет гостем Шумилина, который, как человек, неплохо знающий историю XIX века, может рассказать царю о том, что происходило в мире в последующие годы. Ну, а княгиня проживет все это время у своей тетки.

Сергеев тем временем посмотрел сквозь шторы в окно. Так и есть – на набережной, прислонившись к парапету, стоял ничем не примечательный человек в одежде мастерового. Он делал вид, что ему нечего делать и, маясь от скуки, наблюдает, как артель грузчиков выкатывает на причал с пришвартованной рядом баржи бочки с соленой рыбой.

«Ясненько, – подумал Виктор, – а вот и посланец от любезнейшего Александра Христофоровича. Общение с самодержцем не проходит без последствий. Впрочем, как любит говорить Шурик – на то и щука в реке, чтоб карась не дремал. Скверно только будет, если эти ребята сядут нам завтра на хвост, когда мы всей компанией отправимся на Черную речку.

Впрочем, Николка с Дениской должны будут присмотреть, чтоб о тайне нашего портала никто не узнал. Естественно, кроме тех, кому об этом знать положено. Надо переговорить на эту тему с Николаем Павловичем. Я знаю, что он сильно не любит, когда даже самые верные его слуги суют нос в личные дела монарха».

Виктор решил послать на разведку Ольгу Румянцеву. Пусть она сходит с княгиней, прогуляется немного по Невскому и посмотрит – один филер дежурит у дома на Фонтанке, или их несколько. А заодно подкупит кое-чего из того, что в веке XIX считается обычными вещами, а в веке XXI – антиквариатом. Расходы на лечение княгини будут солидные, так что надо подумать и о финансовой подпитке этого мероприятия.

Посоветовавшись с Кузнецовым, Виктор пришел к выводу, что лучше всего для этого подойдут часы знаменитой часовой фирмы Breguet. Шумилин, имевший связи среди антикваров и коллекционеров, помнится, говорил ему, что те могут стоить очень больших денег. Правда и в XIX веке такие часы считались дорогим удовольствием, но князь Одоевский был готов на любые расходы для того, чтобы его любимая супруга стала счастлива.

Едва женщины вышли из дома и прошли несколько шагов в сторону Невского, как меланхолично стоявший на набережной «мастеровой» неожиданно оживился, достал из кармана своего жилета носовой платок и вытер им лицо. Похоже, что это был условный сигнал.

В этом Ольга убедилась, заметив человека в чиновничьем вицмундире, который до того сидел на каменной тумбе у ворот и делал вид, что с увлечением читает «Северную пчелу». Увидев сигнал напарника, филер аккуратно свернул газету и, поднявшись с тумбы, побрел следом за женщинами.

«Информация к размышлению, – подумал Виктор, – работают ребята, конечно, грубовато, но дело свое знают... Значит, будем пока делать вид, что мы глухие, слепые и умишком грабленные. Ни к чему нам пока конфликтовать с ведомством господина Бенкендорфа. Да и с „голубыми мундирами“ Леонтия Дубельта тоже пока цапаться не стоит».

– Виктор Иванович, о чем задумались? – спросил князь Одоевский, подойдя к Сергееву. – Что вы там такого удивительного увидели?

– Ничего особенно, Владимир Федорович, – улыбнувшись, ответил отставной майор, – просто наблюдаю за тем, как люди графа Бенкендорфа охраняют наш покой. А их начальник, наверное, ломает сейчас голову – что за таинственные незнакомцы поселились в квартире князя Одоевского? Вокруг них происходят разные странные вещи, да и государь, вот, общается с ними запросто, словно со старыми знакомыми...

– Ах, вот вы о чем, – вздохнул Владимир Федорович, – действительно, до вашего появления мы с княгиней жили тихо, спокойно. Только вот что я вам скажу, уважаемый Виктор Иванович, я ни за что теперь не согласился бы снова вернуться к прежней жизни. Человек, заглянувший за край мироздания, никогда не вернется к праздному и спокойному существованию.

Да и бояться нам нечего – ничего противозаконного мы не совершаем. Тем более что сам государь знает о вашем существовании и даже готов отправиться в ваше время. А что может сделать даже такой влиятельный человек, как Александр Христофорович? Ведь он, в сущности, человек не злой. Служака – да, лихой вояка – да, повеса... – тут князь улыбнулся. – Вы, наверное, помните случай, когда молодой еще Бенкендорф в 1808 году в Париже увел любовницу самого Наполеона, небезызвестную мадмуазель Жорж. То-то Бонапарт рвал и метал. Как он был зол на Александра Христофоровича!

Князь засмеялся.

– Я думаю, Виктор Иванович, что все будет хорошо. И как там в одном вашем фильме говорилось, «тот, кто нам мешает – тот нам поможет».

Сергеев рассмеялся в ответ.

– Владимир Федорович, да я ничего не имею против того, чтобы безопасность державы и монарха бдительно охраняли. Для нас важно, чтобы информация о нашем существовании не стала известна врагам России. В этом, как мне кажется, мы с милейшим Александром Христофоровичем найдем общий язык.

Вернувшаяся через несколько часов Ольга рассказала, что она несколько раз замечала слежку. Филеры менялись, но вели своих подопечных они довольно грубо, практически не скрываясь.

А на следующий день все «отъезжающие» стали готовиться к поездке в будущее. Ольга решила выйти с Алексеем пораньше, взять извозчика где-нибудь на Каменоостровском проспекте и уже оттуда отправиться на randevu с императором. Ну, а князь с супругой выедут отдельно и к половине седьмого окажутся у церкви Иоанна Предтечи на Каменном острове...

* * *

До точки открытия портала добрались без особых происшествий. Запланированная встреча у церкви Иоанна Предтечи состоялась точно в назначенное время. Николай I приехал на Каменный остров в легкой открытой пролетке, запряженной двумя лошадьми. Он был в ней один, не считая, конечно, кучера.

Император, отправляясь в межвременное путешествие, оделся просто, без излишней пышности. На нем был темно-зеленый мундир Преображенского полка и треуголка. Рядом с ним на сиденье стоял небольшой саквояж. О содержимом его можно было лишь догадываться. Взяв его в руки, Николай вылез из пролетки и велел кучеру отправляться домой. Вышколенный служитель Конюшенной части Дворцового ведомства и глазом не моргнул. Выслушал приказ монарха и послушно исполнил его. Похоже, что Николай уже не раз таким способом сохранял инкогнито, отправляясь в одиночку к очередной своей пассии. Император был весьма охоч до женского пола и порой заводил любовные интрижки даже с мещанками. И потому не жаловал тех слуг, которые страдали излишним любопытством, а также тех, кто не умел держать язык за зубами.

Когда пролетка скрылась за поворотом Каменоостровского проспекта, император перекрестился на храм и с улыбкой посмотрел на Виктора, Алексея, Ольгу и чету Одоевских.

– Ну, что ж, господа, в дорогу. Покинем здешний мир и отправимся в мир будущего. Надеюсь, что это посещение не повлечет за собой непоправимых последствий.

Николай сел в экипаж князя, провожавшего супругу. Кучер, с опаской поглядывавший на царя – по всей видимости, он узнал его, несмотря на все старания Николая сохранить инкогнито, – взмахнул кнутом, и лошади резво рванули с места.

Не доезжая полуверсты до точки открытия портала, решили остановиться. Наемный экипаж отпустили с миром, а кучеру князя велели ждать здесь возвращения хозяина. Ну, а потом все пешком отправились к месту перехода. Приближаясь к нему, Сергеев услышал стрекотание

бензинового моторчика прямо у себя над головой. Он с удивлением посмотрел вверх и увидел кружащийся в синем небе небольшой коптер. Летательный аппарат с четырьмя моторчиками и видеокамерой медленно парил над шагающими по тропе людьми.

«Ох, уж этот Дениска, сукин сын, – подумал про себя Виктор, – решил-таки притащить в XIX век свои любимые девайсы. А если коптер сломается и упадет на голову какому-нибудь здешнему мужичку или мещанину? Разговоров потом будет... Надо сделать ему втык, чтобы без нужды не занимался подобной самодеятельностью».

Николай тоже заметивший в небе «летающего паука», на мгновение остановился и спросил у Сергеева:

– Этот аппарат из вашего времени? Забавная вещица... Скажите, а для чего она предназначена?

– Ваше величество, – ответил ему Виктор, – это летательный аппарат, снабженный телекамерой, – заметив недоумение на лице царя, он добавил, – телекамера – это такой прибор, с помощью которого можно сверху наблюдать за тем, что происходит на земле. А потом передавать все увиденное человеку, который на расстоянии управляет этим летательным аппаратом. Очень удобная вещь. Ага, а вот и тот, кто всем этим занимается, – добавил Сергеев, выходя на полянку. Там, на расстеленной плащ-палатке вольготно расположился племянник с прибором управления коптером в руках. Лежа на животе, он смотрел на экран ноутбука, обозревая окрестности. Увидев дядю и его спутников, приветственно помахал им рукой, продолжая наблюдать за прилегающей к порталу территорией.

– Вроде все чисто, – сказал он Виктору, когда тот вместе с императором подошел к нему. – Колян обходит окрестности и пока тоже ничего подозрительного не заметил. До открытия портала, – тут Денис снова посмотрел на экран ноутбука, – осталось семь минут.

– Ого, а это кто такие?! – неожиданно воскликнул он, заметив какое-то движение в левом нижнем углу монитора. – Ваше величество, – сказал он, обращаясь к императору, – похоже, что эти ребята по вашу душу.

Сергеев посмотрел на экран и увидел там двух крепких мужчин в шуртках и цилиндрах, которые шли через поляну, держа под мышкой трости и лихорадочно озираясь по сторонам. Да, скорее всего, это были ребята из ведомства, расположенного у Цепного моста. Император, стоявший рядом с ним и с любопытством смотревший на экран ноутбука, услышав слова Дениса, поморщился. Похоже, что ему было не совсем приятно наблюдать, как люди «в гороховом пальто» следуют за ним по пятам.

– Ваше величество, – сказал Денис, – если вы хотите, то мы с Коляном их упакуем в два счета. Нет-нет, – он успокоил он царя, который, услышав его слова, нахмурился, – вы только не подумайте, ничего плохого мы им не сделаем. Просто объясним популярно, что некрасиво за взрослыми дядями подглядывать...

Николай усмехнулся и кивнул Денису. Тот передал пульт управления коптером Алексею, а сам, быстро вскочив на ноги, поправил на поясе кобуру с травматиком и легко, словно кошка, направился туда, где рыскали агенты III отделения. Вскоре он скрылся из глаз присутствующих.

Все обступили Кузнецова, который присел у ноутбука с пультом управления в руках, и стали наблюдать на экране за происходящим. Вот позади бредущих по тропинке филеров появились две тени в пятнистом камуфляже. Еще мгновение, и «орлы Бенкендорфа» неожиданно оказались лежащими на земле. Никто даже не успел заметить, как все произошло. Нагнувшись над неподвижными фигурами, Николай и Денис быстро и сноровисто – чувствовалось, что они имеют большой опыт в подобных делах – связали им руки и ноги стяжками и заткнули рты их же шейными платками. Уложив филеров на живот, головами друг к другу, «охотники за скальпами» так же незаметно, как и появились, растворились в гуще кустарника.

Николай лишь удивленно покачал головой.

– Да, господин Сергеев, – сказал он, – ну у вас и семейка! Сын и племянник ваши – просто отпетые сорви-головы! Горе тому, кто попадетсЯ им под горячую руку. Справиться с двумя агентами Александра Христофоровича... Это ведь не так просто.

За этими разговорами никто из обступивших Алексея людей не заметил, как позади них открылся портал, и что за ними с любопытством наблюдают Антон и Александр.

Первым появление «окна в будущее» заметила Ольга Румянцева. Она радостно замахала руками, приветствуя старых друзей.

– Привет, Антоха, привет, Шурик! – воскликнула она. – Как вы там, не соскучились без меня?!

Вслед за ней открытый портал увидели и остальные. Царь с некоторой опаской взглянул на изумрудное кольцо, за которым начиналась новая и непонятная для него жизнь. Через пару минут на полянке появились и Сергеев-младший со своим кузенком. Денис взял из рук Кузнецова пульт управления, и после нескольких его манипуляций на поляну плюхнулся коптер. Подхватив его, Денис первым направился к открытому portalу.

«Отъезжающие» начали прощаться с «провожающими». Алексей обнялся с Виктором, пожал руку князю и, осторожно взяв под локоток княгиню, повел ее к portalу. Император, чуть заметно кивнув тем, кто оставался в его времени, решительно направился к переливающимся изумрудным цветом овалу. На мгновение поколебавшись, он, как показалось Сергееву, прочитал про себя молитву и решительно шагнул в будущее.

Вскоре изумрудное кольцо сжалось в яркую точку. Через мгновение ничто уже не указывало на то, что здесь, на этой небольшой полянке в окрестностях Петербурга XIX века, всего несколько минут назад стоял император всероссийский, самодержец Николай Павлович.

Встречный марш

Когда портал закрылся и агрегат прекратил жужжать, Антон поднялся со стула. Император непроизвольно перекрестился и огляделся по сторонам. Спартанская обстановка отгородки в пустом металлическом боксе немного удивила его.

– Вы так просто и скромно живете? – спросил Николай у стоящего рядом с ним Шумилина.

– Нет, ваше величество, – ответил Александр, – это мое место работы. Не более того. Правда, здесь есть холодильник, кофеварка, микроволновая печь, топчан, чтобы переночевать. А живем мы в своих квартирах, где более просторно и уютно. Сейчас Ольга Валерьевна привезет вам одежду, вы переоденетесь, и мы отправимся ко мне домой. Как вы понимаете, в таком виде вам появляться на улицах Северной столицы невозможно.

Николай хотел было возразить, но вспомнив, где он сейчас находится, передумал и кивнул в знак согласия. Ольга, взяв в руки портновский метр и сняв наскоро мерку с императора, отправилась с княгиней переодеваться.

Потом они вместе с Сергеевым-младшим заедут в ее квартиру на Лиговке, оставят там Ольгу Степановну и заедут в магазин, чтобы справить гостю обновку. Заодно с собой они прихватят и доктора Кузнецова. Алексей жил на Петроградской стороне, и это будет им по дороге. Да и бывший десантник, обожавший «дядю Лешу», пообещал сделать небольшой крюк и подвести его до самого дома.

Когда они отправились в путь и бокс опустел, Шумилин, желая развлечь царя, решил предложить ему посмотреть что-нибудь по видуку. Только вот что?

С репертуаром определились довольно быстро. В углу бокса на стене висел большой плакат-календарь с фотографией вооруженного до зубов морского пехотинца. Его туда пришпандорил Денис, который ностальгировал по своей прежней службе. Николая заинтересовала форма морпеха и его вооружение. Он начал расспрашивать у Дениса о «пятнистых солдатах»,

о том, как они воюют, и для чего на их ружьях такие странные набалдашники и трубки со стеклами.

Шумилин взял с полки диск со всеми сериями «Спецназа», включил DVD-плеер, телевизор, стоящий на столе в углу отгородки, и предложил Николаю посмотреть фильм про бойцов, которые вооружены ружьями, так его заинтересовавшими. Вспыхнул экран, замелькали титры, и зазвучала музыка. Потом началось само действие...

Николай не отрываясь наблюдал за приключениями главных героев сериала. Иногда он поворачивался к Шумилину, жестом просил остановить фильм и начинал расспрашивать – что сейчас делают бойцы, и что за странное оружие у них в руках. Александр нажимал на кнопку «пауза» и терпеливо объяснял царю – что, как и зачем. Когда первая серия закончилась и зазвучала песня в исполнении Николая Расторгуева, государь надолго задумался.

Чтобы немного отвлечь гостя из прошлого от тяжелых дум, Шумилин предложил ему перекусить. Зная гастрономические предпочтения Николая, он разогрел в микроволнухе заранее сваренную Денисом гречневую кашу, а потом включил кофеварку и заварил крепкий кофе. Александр не забыл и про самое главное – он достал из холодильника банку с солеными огурчиками собственного посола и выловил оттуда самый большой огурец. Положив на тарелку, он порезал его кружочками и поставил на стол перед царем. Николай, хитро взглянул на Шумилина и покачал головой. Похоже, он не ожидал того, что потомки хорошо осведомлены о его привычках и вкусах. Потом царь взял вилку, подцепил кружочек огурца и с удовольствием им захрустел.

– Очень недурственно, вкус необычный, но мне он нравится, – сказал Николай, – только вот я вижу, что вы неплохо обходитесь без печей и сковородок. Положили горшочек с кашей в эту вашу машинку, нажали там на что-то, потом в ней запищало, загудело – и все, каша готова. Да и кофе у вас получается не хуже, чем у моего кофешенка. Вот, даже сахару вы положили ровно столько, сколько я люблю.

– Ваше величество, – с кривой усмешкой сказал Александр, – то, что вы сейчас едите – это пища холостяков. Гораздо приятней, когда тебе еду приготовила супруга на кухонной плите. К сожалению, я сейчас живу один, и у меня в гостях вам придется вкушать мою холостяцкую стряпню. Уж не обессудьте...

– А почему вы живете один, господин Шумилин? – поинтересовался Николай, с аппетитом хрустя булочкой-слоем и прихлебывая ароматный черный кофе.

– Я вдовец, – глухим ровным голосом ответил Александр. – Мою жену убили... Это произошло несколько лет назад. Я тогда раненый лежал в больнице. Так уж получилось. Поехали задерживать преступника, убившего всю свою семью. А он и по нам открыл огонь из ружья. Вот я и получил картечину в ногу. Рана была не тяжелая, но прежде чем приехали медики, я потерял много крови. Попал в больницу, где провалялся недели две. Жена навещала меня, хотя я и просил ее не делать этого. Как сердце чувствовало...

Шумилин замолчал, а потом встал со стула, открыл стенной шкафчик и достал оттуда початую бутылку коньяка. Взяв с полки два бокала, он налил в них янтарный напиток и посмотрел на притихшего Николая. Тот понимающе кивнул и взял в руки бокал. Мужчины выпили не чокаясь. После этого Шумилин продолжил свой рассказ:

– Она возвращалась из больницы поздним вечером. Сын в это время был в армии, и ей одной приходилось навещать меня. У самого дома на нее напали отморозки-наркоманы, ударили по голове железной трубой и вырвали сумочку. Маша умерла ночью в больнице, не приходя в сознание...

– Извините, Александр Павлович, – после короткого молчания, с сочувствием в голосе сказал Николай, – я не думал вас огорчить, задавая этот вопрос.

Он еще немного помолчал, а потом спросил:

– Надеюсь, что этих душегубов отправили на каторгу? И кто такие наркоманы?

– Их наказал сам Господь, – ответил Александр, – одного из них зарезал его же напарник, когда они стали делить награбленного. А сам убийца умер в тюремной больнице от гепатита, сиречь желтухи. Это болезнь наркоманов. А наркоманы... – Шумилин на мгновение задумался. – Вы, наверное, слышали про китайцев, которых британцы приучили к курению опиума. Теперь они уже не могут без него существовать. Так вот, такая непреодолимая тяга к наркотикам и называется наркоманией. А тех, кто страдает этой болезнью, называют наркоманами.

Николай понимающе покивал и потом встал со стула, подошел к Шумилину, в знак сочувствия положил руку на его плечо и сказал:

– Александр Павлович, ваша бедная супруга в Царствии Небесном, а ее убийцы вечно будут гореть в геенне огненной. Бог рассудил все по совести...

– Ваше величество, – Шумилин решил сменить тягостную для него тему, – если вы немного перекусили и отдохнули, то, может быть, мы продолжим смотреть фильм о «пятнистых» солдатах? Если да, то я включу проигрыватель...

– Александр Павлович, – спросил царь, – я обратил внимание, что в этом, как вы говорите, фильме ваши солдаты почему-то ходят без строя и не в ногу. Неужели у вас никогда не проводят парадов и смотров войск?

Шумилин с трудом скрыл усмешку. Он знал, что больше всего Николаю Павловичу нравилась парадная, чисто декоративная сторона военной службы. Все это потом в конечном итоге и довело русскую армию до неудач в Крымской войне. Одно дело, лихо делать ружейные приемы, щелкать каблуками и, вытягиваясь в струнку, есть глазами начальство, и совсем другое дело – метко стрелять из этих ружей, быстро их перезаряжать, стараясь при этом укрываться от огня противника.

Но он решил отложить разговор об армии на потом и потешить душу любителя шагистики. Шумилин загрузил в плеер диск с записью майского военного парада в Москве на Красной площади в честь юбилея Победы.

Увиденное Николаю очень понравилось. Тут он был в своей стихии. Император прямо расцвел, когда услышал столь любезные его сердцу команды: «Парад, равняйся! Смирно! К торжественному маршу...»

Заиграл оркестр, грянул марш, и началось прохождение частей, участвующих в параде. Когда по брусчатке Красной площади проходили суворовцы, Николай поинтересовался:

– Александр Павлович, а это кто, ваши кантонисты?

– Нет, ваше величество, – ответил Шумилин, – это что-то вроде ваших кадетов – подростки, которые получают среднее образование и одновременно привыкают к военной службе. А потом, после окончания суворовского училища, они поступают без экзаменов в военные училища.

– Суворовского училища? – задумчиво произнес царь. – Это интересно... Значит, вы еще не забыли князя Итальянского и графа Рымникского. Похвально...

А тем временем по Красной площади, чеканя шаг, шли пехотинцы, моряки, летчики. Оркестр исполнял марши, некоторые из которых Николаю были неизвестны, но очень ему понравились. Особенно пришелся императору по душе марш «Артиллеристы, Сталин дал приказ...». Он заулыбался, когда Александр сказал ему, что это марш артиллеристов. И попросил ноты, заявив, что теперь пешая артиллерия будет ходить на парадах по Царицыному лугу именно под этот марш.

А вот прохождение боевой техники потрясло его. Особенно танков Т-90, САУ «Мста-С» и систем залпового огня «Смерч». А при виде межконтинентальных баллистических ракет «Тополь-М» Николай просто впал в ступор.

– Что это? – спросил он у Шумилина, облизывая пересохшие губы. – Это орудие такого огромного калибра?

– Нет, ваше величество, – ответил Александр, лихорадочно соображая, как доступно объяснить самодержцу, что такое баллистическая ракета.

– Это не оружие, – наконец сказал он, – это самое страшное оружие нашего времени. Одна такая машина способна уничтожить огромный город, а то и не один. Выпущенный же из нее снаряд может поразить цель на огромном расстоянии, даже на другом континенте.

Николай настороженно посмотрел на Шумилина. Возможно, что до него только сейчас дошло – насколько могущественны потомки и каким страшным оружием они обладают.

Неизвестно, до чего он додумался бы еще, но в этот момент дверь в бокс открылась, и на пороге появилась Ольга Румянцева с Сергеевым-младшим. В руках у них были сумки с одеждой.

– Ваше величество, – сказала Ольга, – можно переодеваться и отправляться в новый для вас мир. Он ждет вас...

Кто вы, господа?

Проводив в будущее царя и «сопровождающих его лиц», Сергеев и князь Одоевский отправились к ожидающему их неподалеку экипажу. По дороге они освободили агентов III отделения, которые уже пришли в себя и безуспешно пытались развязаться. Но пластиковые стяжки – штука надежная, и зубами их не перегрызешь и не распутаешь.

Правда, вместо благодарности наши доброхоты выслушали проклятия и угрозы сыщиков. Похоже, что они уже догадывались о том, что их плен – дело рук приятелей князя Одоевского. Впрочем, приведя себя в порядок, филеры поспешили скрыться. Им еще предстоял неприятный разговор с начальством. Ведь свою задачу они так и не выполнили – государь ушел от слежки, причем при весьма странных обстоятельствах.

По дороге домой Виктор и Одоевский обсудили события этого вечера и пришли к единодушному мнению, что в самое ближайшее время им придется иметь дело с графом Бенкендорфом. И оказались правы.

На следующее утро, едва князь и Сергеев закончили свой скромный холостяцкий завтрак, в дверь гостиной постучал испуганный лакей и сообщил «их сиятельству», что «к ним пришли». Ранним визитером оказался не кто иной, как сам Александр Христофорович Бенкендорф, генерал от кавалерии, граф и, самое главное, глава III отделения СЕИВ канцелярии. Человек, между прочим, весьма неоднозначный.

Старый вояка – по здешним временам, а по меркам XXI века еще достаточно бодрый 58-летний мужчина, – выглядел сильно взволнованным, хотя и старательно скрывал свои чувства. Он был при полном параде – в лазоревом жандармском мундире с шитыми золотом эполетами, и со звездами высших российских орденов на груди. Под мышкой он держал треуголку с пышным султаном из петушиных перьев.

– Господа, – сказал он, непроизвольно поглаживая свои рыжеватые с проседью усики, – прошу извинить меня за то, что я явился к вам ни свет ни заря, но обстоятельства, которые привели меня сюда, настолько важные и безотлагательные, что я был вынужден забыть об этикете. Одним словом, – сказал генерал, видимо посчитав, что пора уже закругляться с политеком, – я хотел бы спросить у вас – где сейчас находится государь?

После этих слов граф Бенкендорф пристально посмотрел на Сергеева, словно догадываясь, что все странные события, происходящие в последнее время в Петербурге – дело рук неизвестных, поселившихся в квартире князя Одоевского.

Виктор усмехнулся про себя. Нет, не зря все-таки царь назначил Бенкендорфа на такую ответственную должность. Свое дело этот человек знал. «Но и мы тоже не лыком шиты», – подумал Виктор.

– Ваше высокопревосходительство, Александр Христофорович, – сказал Сергеев, – вы только не волнуйтесь, с государем все в порядке. Просто он отправился в одно приватное путешествие и будет отсутствовать в Петербурге не более двух-трех дней. Свидетель моих слов – князь Владимир Федорович. Надеюсь, его честного слова будет для вас достаточно?

Одоевский, внимательно слушавший беседу Бенкендорфа и Сергеева, кивнул в знак подтверждения.

Шеф III отделения немного успокоился, хотя и продолжал настороженно посматривать на Виктора. Ему явно что-то не нравилось в поведении этого, неизвестно откуда взявшегося человека. Взглянув еще раз на невысокого крепыша – наметанный глаз Бенкендорфа сразу определил, что этот человек в свое время носил (или до сих пор носит) военный мундир, – граф вдруг понял, что именно его так насторожило. Незнакомец ничуть не боялся его! Александр Христофорович давно уже привык к тому, что даже министры и придворные посматривают на него с некоторой опаской. А тут человек, по всей видимости не принадлежащий к правящему классу и из нетитулованных – представителей российской знати Бенкендорф практически всех знал лично, – смотрит преспокойно ему в глаза и даже улыбается. Что-то тут не так...

– Князь, не могли бы вы представить мне вашего гостя, – неожиданно попросил Одоевского генерал, – мы, кажется, раньше с ним не встречались.

– С большим удовольствием, – ответил Владимир Федорович и, повернувшись к Виктору, произнес: – Отставной майор Виктор Иванович Сергеев, – а потом неожиданно для Бенкендорфа добавил: – Граф, я хотел бы, чтобы вы подружились...

Бенкендорф машинально кивнул и попробовал вспомнить, приходилось ли ему раньше что-либо слышать о майоре Сергееве. По его ведомству Сергеев не числился – это точно.

– Александр Христофорович, – сказал Виктор, словно прочитав мысли главы российской тайной полиции, – вы вряд ли слышали обо мне раньше. Мало ли в России майоров – ведь вы не обязаны всех их знать в лицо. Скажу только, что государь сам захотел совершить некое секретное путешествие, о чем он вам в самое ближайшее время расскажет. Если, конечно, – тут Виктор с улыбкой посмотрел на внимательно слушавшего его графа, – захочет это сделать...

– Господин майор, – в голосе Бенкендорфа зазвенел металл, – не забываетесь! Вы все же разговариваете с генералом от кавалерии...

– Ваше высокопревосходительство, – почтительно, но твердо ответил ему Сергеев, – я наслышан про ваши заслуги перед Россией и с уважением отношусь как к вашему чину, так и к орденам, заработанным вами в сражениях с неприятелем. Еще раз хочу сказать, что с государем в настоящее время все в порядке, и он занят делом важным и полезным для России. Когда он вернется, я думаю, вы первый узнаете об этом.

– Виктор Иванович, – тихо сказал Бенкендорф, – смотрю я на вас и никак понять не могу – кто вы и откуда... Уж очень много странного стало происходить в Петербурге с вашим появлением. Вы словно из другого мира. Скажите мне всю правду, коль вы с таким почтением отзываетесь о моих заслугах перед государем и Отечеством...

Сергеев несколько минут размышлял. В конце концов, им все равно пришлось бы как-то налаживать контакт со структурой, которая в XIX веке отвечала за безопасность Империи и просто обязана была знать все, что происходило в России. Иначе грош ей цена в базарный день. Из-за ненужных подозрений у гостей из будущего со временем могли бы возникнуть недоразумения со служащими III отделения и жандармами. А они были явно ни к чему...

Вздыхнув, Виктор посмотрел на князя Одоевского. Тот едва заметно кивнул ему. Хорошо, значит, начнем официальное представление...

– Уважаемый Александр Христофорович, – сказал Сергеев, – то, о чем сейчас я вам расскажу, поначалу покажется вам бредом сумасшедшего или детской сказкой. Словом, повествованием о том, чего просто не может быть. Но оно есть, поверьте мне... А пока успокойтесь, пожалуйста, и присаживайтесь, ибо, как говорят в народе, в ногах правды нет.

Граф Бенкендорф, кивнув, присел на предложенный ему стул, и Сергеев продолжил:

– В общем, Александр Христофорович, вы угадали – мы действительно из другого мира. Точнее, из другого времени. Если у вас сейчас на дворе одна тысяча восемьсот сороковой год от Рождества Христова, то у нас – две тысячи пятнадцатый год. Начало третьего тысячелетия... Оттуда мы и пришли к вам.

Ошарашенный граф с изумлением посмотрел на Виктора. Он как человек трезвого ума и занимающийся сугубо практической работой не мог поверить в то, что говорил ему сейчас этот странный человек. Но в то же время события, факты, а главное, таинственное исчезновение государя – все это подтверждало сказанное.

– Так государь... – неожиданная догадка ошеломила Бенкендорфа. – Он что, отправился к вам, туда – в двадцать первый век?

– Да, именно так, Александр Христофорович, – с улыбкой ответил Виктор, – государь захотел своими глазами посмотреть на будущее. И мы не могли отказать ему в этой просьбе.

– Не будет ли подобное путешествие опасным для жизни и здоровья государя? – с беспокойством спросил Бенкендорф. – Ведь даже конная прогулка в Петергофе может закончиться неожиданным падением, ушибом или переломом. А тут – прыжок через годы, через века?!

– Никакой опасности нет, – успокоил Виктор графа, – спросите у Владимира Федоровича, он уже был у нас в гостях и подтвердит вам, что подобное путешествие не связано с риском для жизни и здоровья.

– Так вы, князь, уже были в Петербурге будущего? – с изумлением воскликнул Бенкендорф. – Расскажите мне, прошу вас, как там живут-поживают наши потомки!

– Обождите пару минут, граф, – улыбнувшись, ответил ему Одоевский, – сейчас я вам расскажу обо всем по порядку.

Он вышел из гостиной, но вскоре вернулся, держа в руке пакет с фотографиями, сделанными во время его первого вояжа в будущее.

– Вот это, граф, Невский проспект, – Одоевский достал из пакета первую фотографию. – Так он выглядит в году две тысячи пятнадцатом... А вот Дворцовая площадь и Зимний... А вот Летний сад...

Бенкендорф, не отрываясь, смотрел на цветные фотографии. На его лице были смешаны удивление и восторг. Виктор усмехнулся – похоже, что у них появился новый и сильный союзник. Такой умный и проницательный человек, как Александр Христофорович Бенкендорф, уже, наверное, понял, чем могут быть для него полезными пришельцы из будущего. И своего он точно не упустит.

Глава 5 Большая перемена

Я хочу знать все

Николай подозрительно осмотрел одежду, которую Ольга достала из своих необъятных сумок.

– Хм, господа, а вы уверены, что именно это я должен надеть? – с сомнением сказал царь, разглядывая тонкие светлые брюки, летнюю клетчатую рубашку с короткими рукавами и серую жилетку-разгрузку.

Окончательно его добила летние туфли без задников, именуемые в народе «ни шагу назад». Не сумев точно установить размер обуви императора – Николай категорически отказался от услуг Ольги, попытавшейся измерить его ступню, – «кузина белошвейка», не мудрствуя лукаво, решила купить безразмерные туфли. Благо погода стояла в Питере теплая, и ходить в подобной обуви было очень даже приятно.

Но Александр и Ольга сумели убедить императора в том, что именно в такой одежде он не будет бросаться в глаза прохожим. С грехом пополам, с помощью Шумилина, Николай переделся и переобулся.

Скажем прямо – атлетическая фигура, гордая осанка и правильные черты лица делали царя весьма привлекательным для особ женского пола. Зная слабость Николая к амурным приключениям, Шумилин решил не спускать с него глаз, чтобы какая-нибудь смазливая красotka не вскружила голову монарху и не завлекла его в свои сети.

Когда переодевания закончились, все вышли из бокса. Переступив порог, Николай застыл в изумлении. Его окружал незнакомый и удивительный мир. Ведь одно дело – наблюдать на экране ноутбука за самобеглыми повозками, именуемые у потомков автомобилями, и совсем другое дело – самолично лицезреть их. Предметы эти были для XXI века вполне заурядными, а вот для века XIX – вершиной технической мысли. Но помимо автомобилей присутствовали также дороги с асфальтовым покрытием, по которым эти самые автомобили сновали туда-сюда в огромном количестве, и пригородная электричка, промчавшаяся с шумом и свистом по железнодорожному полотну, совсем рядом с авторемонтной мастерской.

– Проходите, ваше величество, – пригласил Сергеев-младший царя, галантно распахивая перед ним дверцу своей легковушки. Николай неловко втиснулся в салон, поворочавшись, разместился на сиденье, а потом в автомобиль загрузились Александр, Антон и Ольга. И путешествие императора Всероссийского в будущее началось...

Автомобиль по Торжковской доехал до станции метро «Черная речка», потом, перемахнув через Большую Невку, помчался по Каменоостровскому проспекту. Николай с удивлением крутил головой, удивляясь увиденному. Вот слева от них, на Аптекарской набережной, вознеслась в небо гигантская телевизионная башня, а вот за чугунной решеткой и зеленью деревьев мелькнул знакомый красно-кирпичный силуэт храма Иоанна Предтечи.

– Помните, ваше величество, – спросил Шумилин, указывая на храм, – именно здесь мы встретились с вами пару часов назад, или сто семьдесят пять лет тому назад – это как считать...

Николай машинально кивнул, продолжая с любопытством разглядывать проносящиеся перед ним виды Северной столицы. У Петропавловки они попали в небольшую пробку. Машины еле ползли, самые нетерпеливые водители сигналили. Пользуясь случаем, царь стал с Троицкого моста рассматривать панораму Невы со спящими по ее глади речными трамвайчиками и катерами.

– А все-таки красивый город Санкт-Петербург, господа, – сказал он, любуясь раскинувшейся перед ним картиной, – только этих вот ваших авто, по-моему, слишком уж много...

– Что поделаешь, государь, – ответил Шумилин, – сие есть издержки технического прогресса. За все приходится платить... Порой цена бывает слишком дорогой.

С грехом пополам они выбрались, наконец, из пробки и по набережной Кутузова доехали до Литейного моста, свернули на Литейный проспект, а с него на Кировую улицу. Здесь в своей холостяцкой квартире проживал Шумилин. И его гостем на ближайшие два дня станет император Николай I.

Дом, в котором жил Александр, находился неподалеку от Таврического сада. Он был еще дореволюционной постройки, но после «олимпийского» капремонта, имел все удобства. Поднявшись по лестнице на третий этаж, Шумилин и его августейший спутник вошли в квартиру и перевели дух. Первым делом хозяин включил напольный вентилятор, который закрутил своими огромными лопастями и стал гонять по квартире воздух. Александр открыл окна, и дышать стало еще легче.

– Вот, ваше величество, – сказал он Николаю, с любопытством осматривавшему квартиру, – это мое жилище, располагайтесь в нем и чувствуйте себя как дома. Если есть желание, то можете принять ванну или помыться под душем.

Александр проводил царя в ванную комнату и объяснил Николаю, как следует пользоваться смесителем. Потом дал ему шампунь, чистое полотенце и махровый халат. Из ванны Николай вышел посвежевший и довольный. Шумилин предложил своему гостю полистать какой-то толстый иллюстрированный журнал, валявшийся на столе, и сам тоже отправился в ванну.

Вернувшись, он увидел, как Николай с большим удовольствием и интересом разглядывает фотографии сексапильных красоток в журнале, наряженных в весьма откровенные пляжные костюмы. Александр усмехнулся про себя, вспомнив о несколько странном хобби Николая I – коллекционировании картинок и предметов эротического и порнографического содержания. Говорят, что за долгие годы он сумел собрать огромную коллекцию, которую сейчас стыдливо прячут от посетителей в запасниках Эрмитажа. Шумилин решил, что перед отъездом надо будет зайти с царем в ближайший секс-шоп, чтобы тот пополнил свою коллекцию.

Увидев, что Шумилин уже сполоснулся и застал его за не совсем приличным занятием, Николай немного сконфузился и положил гляцевый журнал на стол.

– Ничего, ваше величество, смотрите, – с улыбкой сказал Александр, – у нас подобные картинки считаются вполне приличными. Есть, конечно, и другие, не совсем пристойные. Но я их у себя в доме не держу.

Заметив некоторое разочарование на лице царя, он решил сменить тему и предложил Николаю попить чаю.

Налив воды в электрический чайник, Шумилин включил его, а сам, достав жестяную коробку с заваркой, насыпал крупный листовый чай в заварной чайник. Николай с любопытством наблюдал за его манипуляциями.

– Господин Шумилин, – сказал царь, – вот вы все делаете сами и обходитесь без кухарки и горничной... А почему вы не наймете их, ведь, как я понял, вы не из самых бедных людей в Петербурге?

– Ваше величество, – ответил Александр, – денег у меня вполне достаточно для того, чтобы нанять прислугу. Только мне это ни к чему. После смерти Маши мне уже не хочется видеть у себя в доме других женщин. Сын мой уже взрослый и живет отдельно от меня. Да и с домашними делами я сам вполне справляюсь...

Николай задумчиво покачал головой. Впрочем, он понимал, что у людей будущего свои привычки и свои взгляды на жизнь.

– Ваше величество, – сказал Шумилин царю, после того как они попили чая и Николай съел свой традиционный соленый огурец, – если я буду дальше продолжать титуловать вас как самодержца в присутствии незнакомых с нашими делами лиц, то это будет выглядеть весьма странно и подозрительно. А посему, если вы не возражаете, я буду называть вас при посторонних по имени и отчеству – Николай Павлович...

Император немного поморщился, но, подумав некоторое время, улыбнулся и кивнул.

– Тогда, уж и мне, господин Шумилин, позвольте именовать вас по имени-отчеству. Тем более что и отчества у нас с вами схожие, – пошутил царь.

– Ваше величество... – начал было Александр, но царь улыбнулся и погрозил пальцем, – ...виноват, Николай Павлович – давайте решим с вами, с чего мы завтра начнем? Что именно вы хотите увидеть в первую очередь?

– Александр Павлович, – ответил, немного подумав, император, – давайте начнем с Зимнего дворца и Петропавловского собора. С тех мест, где рождались русские цари, и где они находили свое последнее упокоение.

А пока, если вы пока еще не собираетесь ложиться спать, расскажите мне о том, что произошло в России за эти годы...

Шумилин вопросительно взглянул на императора.

– Николай Павлович, это будет не совсем приятный для вас рассказ. Ведь в нашей истории произошло немало трагических событий...

– Я понимаю, – тихо сказал Николай, – но ведь это было... Возможно, если я узнаю обо всем плохом, что случилось у вас, то в нашей истории это плохое удастся предотвратить...

– Ну, если так, то я готов, – сказал Шумилин, – только в этом случае нам вряд ли придется сегодня ночью поспать.

– Ничего страшного, – улыбнулся царь, – я порой ложусь спать в два, а то и в три часа пополудни. Знаете, сколько вопросов приходится мне решать лично, сколько документов прочитать...

– Тогда я схожу на кухню, заварю крепкого кофе, и мы начнем, – сказал Шумилин...

* * *

– ...А начнем мы с того, что произойдет в самое ближайшее время, – сказал Шумилин, разливая по чашкам ароматный кофе и, с согласия Николая, добавляя в напиток немного балызама «Старый Таллин».

– На будущий год, – продолжил Александр, сделав глоток, – Российско-американская компания продаст гражданину Мексики швейцарского происхождения, некоему Иоганну Зуттеру, Форт-Росс в Калифорнии со всеми прилегающими к нему землями. Продажа, кстати, будет убыточной для нас – по условиям сделки, Форт-Росс продадут за 42 857 рублей и 14 копеек серебром. Эти деньги должны быть выплачены в четыре этапа: первые две выплаты хлебом, а последние две – деньгами. Но Российско-американская компания реально получит только 5 373 рубля. А потеряет она при этом... Знаете, сколько она потеряет? – спросил Шумилин у царя.

– Где-то 37 484 рубля, – быстро подсчитал в уме Николай, – но ведь это настоящий грабеж!

– Полностью согласен с вами, – сказал Шумилин, – это самый настоящий грабеж, только и это не самое страшное. Дело в том, что через семь лет после продажи в окрестностях Сан-Франциско, неподалеку от Форт-Росса, будет найдено золото. Причем в больших количествах. Начнется настоящая «золотая лихорадка». Десятки тысяч людей забросят все свои дела и помчатся промывать грунт, рыть шахты, надеясь разбогатеть. В порту Сан-Франциско будут стоять у причалов брошенные командами корабли, экипажи которых сбежали на берег.

Всего же за время золотодобычи в Калифорнии будет добыто драгоценного металла на сумму более пятидесяти миллионов долларов! Вы можете представить – как велика эта цифра?

Николай удрученно посмотрел на своего собеседника.

– Александр Павлович, – сказал он, – поверьте мне, я всего этого не знал. Мне и так уже прожужжали все уши, рассказывая о том, что наши владения в Америке приносят лишь убытки, и чем быстрее мы от них избавимся, тем будет лучше.

– Эх, Николай Павлович, – ответил Шумилин, – хорошо, если советчики говорили все это исключительно по своей глупости. А если по злему умыслу? Если бы вы знали только, какие богатства мы потеряли, отказавшись от этих самых «убыточных» заморских владений. Кстати, не из ведомства ли господина Нессельроде были эти советчики?

И еще – вы, наверное, помните, как несколько лет назад Фердинанд Петрович Врангель, будучи в Мехико, вел переговоры с правительством Мексики о том, чтобы заключить между нашими странами торговый договор. Мексиканцы предложили признать законным нахождение российских подданных на территории Калифорнии и даже не возражали против того, чтобы расширить границы территории, которой владела Российско-американская компания. Ну, а если еще приплатить им... Словом, была реальная возможность получить во владение огромный кусок плодородной земли, удобной для земледелия и скотоводства. К тому же с золотом, лежащим в ее недрах. Для того чтобы сделка состоялась, требовалось лишь одно – установить дипломатические отношения с Мексиканской республикой. Но вы на это не согласились...

Николай даже покраснел от возмущения.

– Помилуйте, Александр Павлович, да как же такое возможно – признать власть мятежников, которые отделились от Испанского королевства, выступив с оружием в руках против своего монарха.

– Николай Павлович, пожалуйста, успокойтесь, – Шумилин говорил с царем тоном человека, вразумляющего непослушное и капризное дитя, – а зачем нам надо было быть большими испанцами, чем сами испанцы? Если Испания смирилась с потерей своей заморской провинции – кстати, Мексика отделилась от Испании еще за пятнадцать лет до того, и испанский король давно уже махнул на нее рукой, – то почему мы должны не признавать ее?

– Ну, знаете, Александр Павлович, – угрюмо сказал Николай, – этак вы можете до самых опасных мыслей дойти...

– Помилуй Бог, Николай Павлович, – парировал Шумилин, – у меня наоборот – все мысли направлены на укрепление державы и монархии. Только делать это все можно по-разному...

Немного успокоившись, Николай подождал, когда хозяин нальет ему еще кофе, и уже нормальным тоном спросил:

– Александр Павлович, вы только не обижайтесь. В России я монарх, чья власть от Бога. И мой долг – когда настанет смертный час, передать державу, Всевышним мне доверенную, моему наследнику в полной целостности и сохранности, в порядке и в благоденствии...

– Я понимаю вас, Николай Павлович, – тихо ответил Шумилин, – но, к сожалению, в нашей истории все случилось как раз наоборот. Вы скончались в момент, когда враг вторгся в пределы России, войска наши терпели поражение, а недоброжелатели торжествовали...

– Когда же это произошло? – угрюмо спросил Николай.

– Император Всероссийский Николай Первый скончался в нашей истории второго марта одна тысяча восемьсот пятьдесят пятого года от пневмонии на своей походной кровати в Малом кабинете Зимнего дворца, – спокойно, безо всяких эмоций, словно читая статью в энциклопедии, ответил Шумилин.

– Через четырнадцать с лишним лет... – тихо сказал Николай. Потом перекрестился и внимательно посмотрел на Александра. – А что значат ваши слова о вражеском вторжении и торжестве недоброжелателей?

– К тому времени уже больше года шла война, получившая позднее название Восточной, или Крымской. Объединенные силы Англии, Франции, Турции и Сардинского королевства осадили Севастополь и нанесли несколько поражений русским войскам, которые пытались прийти ему на выручку.

А недоброжелатели наши – это в первую очередь Австрия, которая незадолго от этого была спасена вами, Николай Павлович, от развала. За это сия держава оплатит России и вам лично черной неблагодарностью, вступив сначала в союз с Англией и Францией, а потом предъявит нам ультиматум и потребует уступить Австрии часть Бессарабии. В случае неприятия ультиматума император Франц-Иосиф, которого вы называли своим сыном, грозил России войною.

– Вот как, – растерянно произнес Николай, – значит, все в Европе были против нас...

– Да, практически все, – ответил Шумилин, – лишь прусский король Фридрих-Вильгельм IV держался до последнего, но и он, под давлением Англии, Франции и Австрии, был вынужден – правда, всего лишь на словах – присоединиться к антироссийской коалиции. Так же поступил и шведский король, который формально вступил в антироссийский союз с Британией и Францией, но дальше слов и обещаний дело не пошло.

– Ну, а Севастополь выдержал осаду? – с надеждой в голосе спросил Николай.

– Нет, Николай Павлович, – ответил Шумилин, – врагу, после нескольких кровопролитных штурмов, удалось овладеть его южной частью. Наши войска отошли на северную сторону.

– Но почему? – с горечью воскликнул Николай. – Почему все так случилось? Неужели русские солдаты были недостаточно храбры, а русские офицеры и генералы не преисполнены решимости сражаться за Отечество до последней капли крови? Что же случилось с Россией и ее армией?

– Войска наши сражались храбро, а многие из военачальников честно сложили головы, защищая Севастополь, – ответил Александр. – Например, у моего друга, Виктора Ивановича Сергеева, предок был рядовым Селенгинского пехотного полка. Он отличился во время обороны Севастополя, сумел вывести в офицеры своих детей, и его род вот уже на протяжении полутора веков честно служит Родине, защищая ее от врага.

– Похвально, похвально, – сказал Николай, – но вы так ничего мне и не сказали про то, что послужило причиной захвата врагом части Севастополя? И почему моя армия, которой я уделял столько внимания и тратил на нее столько денег, оказалась неспособной отразить вражеское вторжение?

– На это, Николай Павлович, есть много причин, – сказал Шумилин. – Кстати, вы будете не против, если я предложу вам выпить еще кофе?

– С большим удовольствием, Александр Павлович, – ответил царь, – а вы пока будете его готовить, подумайте над моим вопросом. Я понимаю, что ответить на него будет непросто, но я вас не тороплю.

Когда Александр вошел в комнату с кофейником в руках, Николай, поднявшись с мягкого дивана, внимательно разглядывал картины в рамках, висевшие на стенах комнаты.

– Александр Павлович, – спросил он, – а что за люди изображены на этих картинах? Например, вот этот военный, – и Николай показал на репродукцию портрета художника Серова, изображавшего императора Александра III, стоявшего подбоченясь, с рапортом в руке.

– А это, Николай Павлович, ваш внук, император Александр III, – ответил Шумилин. – Очень умный и талантливый человек.

– Вот он какой, мой внук, – сказал Николай, с интересом посмотрев еще раз на портрет, – только почему-то борода у него как у мужика. А ростом и статью – весь в меня.

– Да, Николай Павлович, – сказал Александр, поставив перед императором чашку с дымящимся кофе, – статья и силушка у него были действительно богатырскими. Жаль только, что поцарствовать ему довелось сравнительно немного.

Но вернемся к вашему правлению. Вы, действительно, задали мне очень трудный вопрос. И ответить на него так сразу будет непросто. Начну с самой болезненной для России проблемы – с крепостной зависимости крестьянства...

– Александр Павлович, – царь укоризненно посмотрел на Шумилина, – если бы вы знали, сколько сил я потратил на то, чтобы как-то разрешить этот вопрос. Вы правы, крепостная зависимость – наше проклятие. Но нельзя вот так просто освободить крестьян и дать им землю. Что же мы – британцы, которые своих мужиков согнали с земли, дав им свободу? А потом сотнями и тысячами вешали их за бродяжничество. И что же делать с дворянством, которое является опорой нашего государства?

– Знаю я все, что вы уже сделали и еще сделаете, Николай Павлович, – ответил Шумилин, – я помню, что к концу вашего царствования сократилось численности крепостных крестьян с 57–58 процентов в 1817 году, до 35–45 процентов в 1858 году. Именно при вас прекратилась раздача государственных крестьян помещикам.

Знаем мы и про облегчения и льготы, которые получили при вашем правлении помещицы крестьяне. Ваш сын, император Александр II, завершит вашу работу, в 1861 году отменив крепостное право. Правда, при этом он заложит такую мину под фундамент государства, что... Впрочем, об этом лучше поговорить отдельно.

А вот насчет армии российской – это особый разговор. Мне известно, что она для вас, Николай Павлович, любимое детище. Только, к сожалению, армия наша оказалась не готова к войне с европейскими державами. Знаю, что продолжение нашего разговора касаемое армии будет для вас неприятно. Может быть, отложим его?

– Нет уж, Александр Павлович, – сказал Николай, криво усмехнувшись, – замахнулись – бейте. К тому же лекарство большей частью бывает горькое на вкус. Придется его принять. Итак, я слушаю вас.

* * *

Шумилин посмотрел на Николая с жалостью. Все-таки неприятно лишать человека веры в то, чему тот посвятил всю свою жизнь. Но иначе нельзя – трудно будет потом что-либо изменить в той реальности. И снова все может повториться: Восточный кризис, Крымская война, поражения при Альме и Евпатории, а потом – смерть от пневмонии на железной походной койке под солдатской шинелью...

– Николай Павлович, – осторожно начал Александр, – я знаю, что армия для вас все. Вы никогда не жалели денег на ее оснащение и содержание. Но тратились ли они с толком?

– У вас есть сомнения в этом? – встрепенулся Николай. – Я готов выслушать их.

– Есть, и немалые. Причем для начала я процитирую записки некоторых ваших современников, не называя, впрочем, их фамилий. Это не суть важно.

Вот мнение человека, который позднее станет военным министром в правительстве вашего сына, и неплохим, кстати, министром: «...Даже в деле военном, которым император занимался с таким страстным увлечением, преобладала та же забота о порядке, о дисциплине, гонялись не за существенным благоустройством войска, не за приспособлением его к боевому назначению, а за внешней только стройностью, за блестящим видом на парадах, педантичным соблюдением бесчисленных мелочных формальностей, притупляющих человеческий рассудок и убивающих истинный воинский дух»...

– Александр Павлович! – возмущенно воскликнул Николай. – Неужели вы считаете, что армия любой страны мира может существовать без дисциплины, умения держать строй и соблюдать общепринятые воинские ритуалы?

– Нет, я так не считаю, – ответил Шумилин, – без дисциплины армия – это стадо баранов. Да и строевая подготовка нужна, спору нет. Но все должно быть в меру. Солдат предназначен

не для парада, а для войны. Он должен уметь не тянуть носок на плацу, а убивать своего противника в бою, причем делать это он должен лучше, чем противник – иначе убьют его. И учить солдата надо прежде всего стрелять, причем быстро и метко, передвигаться и маскироваться на местности. Ну, и уметь думать. Как говорил Суворов, «каждый воин должен понимать свой маневр». А ведь сейчас как случается – порой не каждый генерал может разобраться в том, что происходит на поле боя.

– Все это так, но разве мы не учимся всему тому, о чем вы сейчас сказали? – возмутился Николай. – К тому же те, о которых вы уничтожительно говорите, заслуженные командиры, отличившиеся во многих сражениях!

– Генералы должны не саблей рубить и штыком колоть, – заметил Шумилин, – а управлять войсками на поле боя. Тут одной личной храбрости мало. Нужно еще и умение думать, причем думать быстро и не шаблонно. А у некоторых военачальников часто отсутствует умение принимать верные и своевременные решения на поле боя.

Я уже не говорю о том, что многие люди, носящие шитые золотом эполеты, считают военную службу чем-то вроде синекуры. То есть используют свое служебное положение в личных целях. Вам привести наиболее вопиющие примеры казнокрадства в военном министерстве?

– Не надо, – буркнул недовольно Николай, – здесь я с вами спорить не стану. Но только таких жуликов и взяточников из армии удаляют, лишая их чинов. Ну, а насчет умения думать... Я полагаю, что для военного важнее умение повиноваться и исполнять приказы вышестоящего начальника.

– Вот-вот, – ответил Шумилин, – в ожидании приказа этого самого вышестоящего начальника и были проиграны сражения в Крыму. Например, во время Инкерманского сражения, когда русские войска успешно атаковали англичан, срочно понадобились резервы для того, чтобы развить успех. Но генерал Данненберг со своим двенадцатитысячным резервом не тронулся с места, так же как и генерал Горчаков, простоявший с двадцатидвухтысячным отрядом в полутора верстах от поля боя. И наши войска потерпели поражение, так и не сумев деблокировать Севастополь.

– Не может такого быть! – воскликнул Николай. – Данненберг и Горчаков – подлецы! Как только я вернусь в Петербург, то сразу же уволю их со службы.

– А как вы поступите с князем Василием Андреевичем Долгоруким, который сейчас полковник, а во время Крымской войны будет военным министром? Так вот, он отказался прислать командующему русскими войсками в Крыму карту полуострова, потому что карта сия была в России всего в одном экземпляре и хранилась у военного министра.

– Безобразие! – воскликнул Николай. – Неужели, Александр Павлович, так все и было? Это же уму непостижимо!

– Было, Николай Павлович, – печально сказал Шумилин, – именно так все и обстояло. А князь Меншиков, командующий русскими войсками в Крыму? Его ведь там станут называть «Изменщиковым». Кажется, он сделал все для того, чтобы Россия потерпела поражение...

– А ведь Александр Сергеевич сейчас командует флотом! – воскликнул император. – Я знаю его как храброго воина и опытного дипломата. Князь отличился во время штурма Анапы в прошлую войну с турками, а во время осады Варны был в войсках и был ранен ядром в ноги. Нет, я не верю в это...

– Ваше право, Николай Павлович, – сказал Шумилин, – но все было именно так. А я уже не говорю об обычном нашем российском разгильдяйстве. К примеру, полушубки, которые были заказаны к зиме, хотя и крымской, но все же холодной, пришли в Севастополь лишь к лету, когда надобность в них отпала.

Я лишь чуть-чуть коснусь такого мерзкого явления, как неимоверная алчность интендантов! Они беззастенчиво воровали продукты и имущество у защитников Севастополя, оборванных и полуголодных. Дело дошло до того, что за выдачу жалования сражающимся на бастио-

нах героям, эти тыловые крысы требовали, как говорят в наше время, «откат» – шесть-восемь процентов от общей суммы жалования.

Генералы Бутович и Халецкий умудрились в разгар военных действий переслать в Петербургский банк по сорок тысяч рублей серебром. Естественно, отнюдь не накопленных в течение многих лет воздержанием от доступных им радостей жизни. Генерал же Ковалев отправил домой фортепьяно, завернутое для сохранности инструмента в корпию! И это тогда, когда раненные в Севастополе остро нуждались в перевязочном материале.

– Какой позор! – простонал Николай, закрыв лицо ладонями. – Какие мерзавцы! Александр Павлович, что же делать, ведь я увольняю их от службы, отдаю под суд, а жуликов меньше не становится.

– Человеческую натуру исправить невозможно, – хмуро сказал Шумилин, – но все же возможно заставить этих, как вы говорите, мерзавцев бояться закона, не действовать так нагло и беззастенчиво. Трудно это, но попробовать стоит...

Хотя... Вы помните, Николай Павлович, управляющего делами Комитета министров, некоего Гежелинского? Он в течение пяти лет регулярно бывал у вас с докладами, но при этом не исполнил двадцать четыре Высочайших повеления и шестьдесят пять прочих важных документов. Некоторые лежали в его канцелярии аж с 1813 года! Получается, что даже ваши указы не исполняют – что же тогда говорить о каких-то законах и правительственных постановлениях!

– Довольно, Александр Павлович! Прошу вас, хватит! – воскликнул Николай. – Неужели все так плохо? Лучше расскажите, что у нас можно сделать с армией. А о жуликах и казнокрадах мы еще поговорим, только чуть позднее...

– Хорошо, Николай Павлович, – сказал Александр, – если вернуться к неудачной для России Крымской войне, то следует вспомнить и об устарелости нашего вооружения. Особенно это касается стрелкового оружия.

Наша пехота была вооружена гладкоствольными ружьями, тогда как в Европе уже всюю использовали нарезные дальнобойные ружья. Нельзя сказать, что их у нас не было вообще. Нарезными ружьями – бельгийскими («люттихскими», льежскими) и отечественными систем Гартунга и Эрнрота, штуцерами – было вооружено лишь четыре-пять процентов пехоты: стрелковые батальоны и двадцать четыре «застрельщика» в каждом пехотном батальоне. Основным же видом массового стрелкового оружия были гладкоствольные кремневые и капсюльно-ударные ружья с дальностью прямого выстрела в двести шагов. Английские и французские пехотинцы поражали наших солдат на немислимой дистанции. Да что там солдат – союзники выбивали расчеты наших гладкоствольных артиллерийских орудий, не опасаясь получить в ответ заряд картечи.

– Почему же так произошло? – спросил Николай. – Ведь мы пытались вооружить нашу армию новым и совершенным оружием.

– Все дело в том, что вы не готовились к войне со всей Европой, – сказал Шумилин, – для войны с Турцией или Персией вооружения и снаряжения вполне было бы достаточно. А вот для войны с армиями Франции и Британии вам тягаться оказалось явно не по силам.

Ошибка ваша, Николай Павлович, заключалась в том, что неверно выстроенная внешняя политика привела к войне с самыми сильными государствами Европы, с неблагоприятным для России нейтралитетом остальных стран. Фактически Россия осталась одна.

– Да, – задумчиво сказал Николай, – я все понял... Но почему же так получилось?

– Генерал Карл фон Клаузевиц, который во время войны с Наполеоном сражался в составе Русской армии, говорил: «Война – есть продолжение политики иными насильственными средствами». Следовательно, если война началась в неблагоприятной для России обстановке, то виноваты те, кто отвечает за внешнюю политику империи... Вы понимаете, Николай Павлович, о ком я говорю?

– Понимаю, – мрачно сказал царь, – я уже не раз слышал о том, что Карл Васильевич не всегда принимает правильные решения...

– Это еще слишком мягко сказано, – с саркастичной улыбкой ответил Шумилин. – Вице-канцлер Нессельроде порой принимает весьма странные решения. И тому немало примеров. Только... – тут хозяин квартиры бросил взгляд на висящие на стене часы, – скоро уже три часа. Заболтались мы с вами, однако...

– Вы правы, Александр Павлович, – сказал Николай и потер ладонью глаза, – знаете, у меня голова уже плохо соображает от бессонницы и всех этих разговоров. Давайте поспим хотя бы пару часов, а потом продолжим беседу.

Паролем пусть будет это...

Пока царь гостил в будущем, в его времени тоже происходили не менее важные события. Главный надзирающий за Российской империей граф Александр Христофорович Бенкендорф самолично познакомился с гостями из будущего. Как умный человек и хитрый царедворец, он сразу же понял всю выгоду от такого знакомства.

В тот вечер граф засиделся в квартире Одоевского допоздна. Он жадно расспрашивал Сергеева о том, что произошло с Россией за сто семьдесят с лишним лет. Оберегая нервы и рассудок Бенкендорфа, Виктор на некоторые его вопросы отвечал весьма уклончиво и неопределенно.

Впрочем, как человек опытный, и сам Александр Христофорович прекрасно понял, что не все ему положено знать, и особо не настаивал на доскональных ответах на свои вопросы, если чувствовал, что тема, им поднятая, находится за пределами его компетенции.

Но даже то, что удалось узнать графу, повергло его в ступор. Это прежде всего Крымская война, кончина Николая I, и воцарение нового императора Александра II. К известию о своей близкой кончине (в реальной истории Бенкендорф умер в сентябре 1844 года в возрасте шестидесяти двух лет) он отнесся довольно спокойно. В конце концов, генерал был старым воякой, не раз смотрел в глаза смерти, был ранен, причем неоднократно. А вот смерть его покровителя и друга, униженного неудачами в Крыму и потрясенного предательством союзников, тех, кого император считал своими друзьями, изумила графа.

– Как же это так можно, господа? – растерянно проговорил Бенкендорф. – Мы ведь заключили договор о союзе с Австрией и Пруссией... А они пригрозили ударить нам в спину. Какая подлость!

– Александр Христофорович, голубчик, – ответил ему Сергеев, – вы же знаете, что политика – это такая вещь, в которой договоры между государствами соблюдаются лишь до тех пор, пока они выгодны. Вон, посмотрите на британцев – для них важнее всего то, что касается их любимого острова. Как скажет в недалеком будущем один из премьер-министров королевы Виктории, «у Британии нет постоянных врагов и постоянных друзей – у Британии есть только постоянные интересы».

– Но... но это же... Это мерзко и недостойно государственного деятеля! – воскликнул потрясенный Бенкендорф. – Конечно, политика – штука довольно грязная и циничная, но не настолько же...

– Александр Христофорович, – наставительно, как взрослый обычно говорит подростку о прописных истинах, произнес Сергеев, – вы ведь в молодости сами были кем-то вроде дипломата и, гм... не только дипломатом. Париж тысяча восемьсот восьмого года... Напомнить вам – чем вы занимались там вместе с графом Чернышевым?

Услышав эти слова, Бенкендорф усмехнулся. Ему было приятно вспомнить молодые годы, службу в Париже в составе русского посольства, где он занимался тем, что некоторые люди скромно называют военной разведкой, а некоторые – шпионажем. Он вспомнил и оча-

ровательную французскую актрису, пышнотелую мадемуазель Жорж, любовницу Наполеона, которую юный Бенкендорф сумел соблазнить и с которой сбежал из Франции в Петербург. После этого Бонапарт зачислил его в список своих личных врагов.

Потом разговор вернулся к сегодняшним реалиям. Граф попросил Виктора рассказать ему о том, что в самое ближайшее время произойдет в империи. К сожалению, Сергеев знал историю XIX века намного хуже, чем его одноклассник, который отбыл в Петербург века XXI с Николаем I.

Поэтому он честно признался, что многое из того, что должно случиться, ему неизвестно, и предложил Бенкендорфу по прибытии Шумилина поговорить с тем начистоту. Тем более что он мог быть полезен как специалист. Правда, Александр Павлович занимался борьбой с уголовной преступностью, а не с врагами государства, но основы розыскного дела сыщикам из III отделения узнать не помешало бы.

– Виктор Иванович, – спросил задумчиво Бенкендорф, – возможно, я буду выглядеть в ваших глазах не совсем... – граф замялся. – Но я хочу узнать – что вы думаете о моем помощнике, полковнике Леонтии Васильевиче Дубельте. Ведь это именно я ходатайствовал, чтобы его приняли на службу в жандармский корпус. А потом я взял его в свою канцелярию. Сейчас же я чувствую, что он метит на мое место. В то же время Леонтий Васильевич прекрасный служака, знает свое дело и за короткое время сумел создать сеть информаторов. Теперь мне, а соответственно и государю, хорошо известно, что происходит в Петербурге и губернских городах.

– Эх, Александр Христофорович, – сказал Сергеев, – это вам так кажется. Во-первых, нельзя до конца доверять человеку, который, по его собственному признанию, состоял сразу в трех масонских ложах, одна из которых, союз «Соединенных славян», являлась своего рода филиалом тайного общества декабристов. Я понимаю вас, Александр Христофорович, среди ваших друзей тоже были те, кто потом оказался под следствием по делу 14 декабря... Но вы, граф, заслужили доверие и уважение государя своим поведением в тот роковой день. А вот Леонтий Васильевич...

Ну, а во-вторых... Знаете, Александр Христофорович, чем вы отличаетесь от него, несмотря на то что фактически делаете одно и то же дело? Вы служите России и самодержцу не за страх, а за совесть, понимая, что работа сия, несмотря на ее внешнюю неприглядность, очень нужна и важна для государства нашего.

А вот Леонтий Васильевич в первую очередь видит в службе возможность что-то сделать для себя лично, служит не столько царю и империи, а своему тщеславию. Вспомните дело Пушкина... Точнее, историю с его дуэлью. Ведь Дубельт получил от вас и государя четкий приказ – всеми возможными средствами не допустить дуэли между Пушкиным и Дантесом. И что Дубельт – справился с переданным ему Высочайшим повелением? Как бы не так! Он, по его словам, всячески стараясь помешать той роковой дуэли, проявил между тем чудовищную халатность, и Пушкин – гордость нашей словесности, погиб.

И еще есть за господином Дубельтом грешок стяжательства. Именно сейчас начинается одна афера, о которой станет известно лишь через двенадцать лет. Я пока не буду о ней говорить – поймите меня правильно, Александр Христофорович, об этом первым должен узнать государь. Скажу только, что в ней будет замешан и Леонтий Васильевич. Так что господин Дубельт – личность, с моей точки зрения, вызывающая недоверие.

Бенкендорф хмуро кивнул.

– Виктор Иванович, я в общем-то думаю так же, как и вы, но мне хотелось лишний раз убедиться в своей правоте. Если даже вы, в своем XXI веке придерживаетесь того же мнения, то тогда...

Бенкендорф не договорил и махнул рукой. Потом он немного подумал и продолжил:

– Господин Сергеев, я не хочу вмешивать вас в мою междоусобицу с Дубельтом. Лучше будет, если он о вас вообще ничего не будет знать. Но те из моих людей, которые имели «счастье» познакомиться с некоторыми из вас... – сказав это, Бенкендорф достал из кармана мундира обрезки пластиковых стяжек. – В общем, я хочу, чтобы рядом с вами всегда теперь был мой человек, который помогал бы вам лучше разбираться в том, что происходит у нас, и решать возникающие проблемы. Завтра утром он будет у вас.

Зовут его Дмитрием Григорьевичем, фамилия его простая – Соколов, чин – ротмистр. Для того чтобы вы были уверены в том, что к вам пришел человек именно от меня, я попрошу вас, Виктор Иванович, дать какую-нибудь вашу вещь, которую вы сразу бы узнали. Утром я передам ее ротмистру, а он предъявит ее вам при встрече. Ну, это будет что-то вроде пароля.

Вполне понятно, что я не стану рассказывать ему, кто вы и откуда. Ну, а вам самим решать – продолжать считаться отставным майором Сергеевым, или прямо рассказать ему о вашем пришествии из будущего в наш мир. Скажу лишь одно – человек этот честный, верный государю и России. Ротмистр послужил в свое время на Кавказе, где проявил немалую храбрость и смекалку. Как вам мое предложение?

Сергеев на мгновение задумался. С одной стороны, появление рядом с ними человека графа Бенкендорфа создало бы определенные сложности в общении пришельцев из будущего с людьми XIX века. Но с другой стороны, лучше знать в лицо того, кто будет за ними следить, чем каждый раз озираться, выискивая тайного соглядатая. Виктор не был наивен и прекрасно понимал, что с этого дня они будут постоянно находиться «под колпаком» ведомства, возглавляемого его сегодняшним собеседником.

– Ну, что ж, Александр Христофорович, – сказал Сергеев, – пожалуй, ваше предложение вполне здравое, и действительно, с помощником от вашего ведомства мы будем чувствовать себя более спокойно... – при этом Виктор скосил глаза на лежащие на столе обрывки пластиковых стяжек. Бенкендорф, оценив намек, улыбнулся.

– Мы будем рады познакомиться с ротмистром Соколовым, тем более что мой сын уже в наше время воевал примерно в тех же местах, что и ваш протеже. Ну, а насчет нашего происхождения... – тут Сергеев развел руками. – Если ваш человек действительно умен и наблюдателен, то он довольно скоро и сам поймет, что мы за люди и откуда. Тогда волей-неволей нам придется раскрыть наш секрет.

Надеюсь, граф, что ротмистр сумеет сохранить в тайне то, что он узнает от нас. Ведь вы прекрасно понимаете, какие непоправимые последствия могут наступить в случае, если недоброжелательно настроенные к России и государю люди узнают о нашем существовании. Так что ждем завтра с визитом Дмитрия Григорьевича, а насчет вещицы... – Сергеев сунул руку в карман и достал оттуда синюю шариковую ручку с эмблемой «Зенита», – пусть вот это станет нашим паролем.

Глаза в глаза

Александр и император легли спать где-то около трех часов ночи. Но несмотря на это, в шесть Николай уже был на ногах – сказалась его привычка рано вставать. Шумилин, услышав шаги в коридоре, решил немного поваляться на своем любимом мягком диване – ничего страшного, если Николай немного побудет один. Пусть посмотрит в окно, полюбуется на жизнь Петербурга XXI века.

Но царь, видимо желая не терять времени даром, решил заняться самообразованием. Александр услышал, как скрипнула дверца книжного шкафа (черт, ведь давно собирался смазать петли!), а потом скрипнуло кресло. Обождав минут десять, Шумилин осторожно встал с кровати, надел пижамные брюки и футболку, после чего тихонечко, стараясь не шуметь, подошел к двери своей спальни. Приоткрыв дверь, он заглянул в гостиную.

Николай в мягком махровом халате сидел у окна в кресле и читал какую-то книгу, морщась время от времени – скорее всего, его раздражала новая, непривычная для человека XIX века орфография. «Интересно, что он там читает?» – подумал Шумилин.

В этот момент половица все же предательски скрипнула под его ногой, и царь, услышав посторонний звук, обернулся.

– Доброе утро, Николай Павлович, – приветствовал Александр своего гостя, – извините, заспался немного. А вы почему не спите? И что читаете, если это, конечно, не секрет?

– И вам утро доброе, Александр Павлович, – любезно поздоровался с ним Николай, – не спится мне что-то после нашего с вами ночного разговора. Да и привык я, знаете ли, рано вставать.

– Понятно, – сказал Александр, – наверное, вы такой же «жаворонок», как и я.

Заметив непонимающий взгляд царя, Шумилин пояснил:

– У нас людей делят на две категории: «жаворонки» и «совы». «Жаворонки» – это те, кто рано встают и рано ложатся. «Совы» – наоборот, любят поспать с утра и бодрствуют до полуночи и даже далеко за полночь.

Николай понимающе кивнул.

– Ясно, Александр Павлович. Только я, скорее, по-вашему и «жаворонок» и «сова» одновременно. Приходится много работать, так что на сон остается всего три-четыре часа в сутки. А сколько сейчас времени?

Шумилин взглянул на электронные часы, висевшие на стене, – по московскому времени, шесть с половиной часов утра.

Император, увидев часы, на которых вместо циферблата были большие ярко-зеленые цифры, удивился. Потом он взял со стола свои золотые карманные часы, щелкнул крышечкой и взглянул на время.

– Удивительно, но на моих часах всего четыре тридцать. Похоже, что время у вас на два часа обгоняет время Санкт-Петербурга года 1840-го. Впрочем, если учесть, что ваше время убежало не только на два часа, но и на все сто с лишним лет вперед, я уже теперь ничему не удивляюсь.

Царь встал с кресла и сладко потянулся. Александр увидел обложку книги, которую тот читал до его прихода. Это был книга генерала Шильдера «Николай I, его жизнь и царствование». Генерал и историк начал писать ее в конце XIX века, незадолго до своей смерти. И написал он только первую часть, закончившуюся рассказом о польском мятеже 1831 года.

Царь, заметив, что Шумилин смотрит на книгу, криво усмехнулся и сказал:

– Вот, решил почитать о самом себе. Этот историк – не сын ли он генерала Карла Андреевича Шильдера, который в прошлую войну с турками командовал лейб-гвардии саперным батальоном? Тот еще построил подводный корабль, который мог из-под воды стрелять зажигательными ракетами...

Шумилин подтвердил, что Николай Карлович Шильдер и в самом деле сын Карла Андреевича Шильдера, изобретателя первой в мире подводной лодки, вооруженной ракетами. И что сегодня праправнуки той самой шильдеровской ракетной подводной лодки могут запросто уничтожить все живое на планете.

От этих слов Николай даже на какое-то время потерял дар речи. А потом, придя в себя, попросил более подробно рассказать о подводных монстрах, которых он назвал «всадниками Апокалипсиса».

Шумилин взял с полки книгу с фотографиями современных кораблей русского флота и кратко рассказал царю о каждом из них. Особенно потрясли Николая снимки авианосца «Адмирал Кузнецов» и атомных подводных лодок, несущих баллистические ракеты. А когда Александр сообщил своему гостю, что такие подводные лодки могут неделями находиться под

водой, пересекать, не поднимаясь на поверхность, океаны и одним залпом стирать с лица земли целые города и даже страны, царь был потрясен.

– Александр Павлович! – воскликнул он. – Как страшно жить в вашем мире! Я не понимаю, как можно быть спокойным, когда знаешь, что где-то в глубинах морей плавают такие вот чудовища, и что его ракеты нацелены на вас. Как вы можете спокойно относиться к тому, что в любой момент мирная жизнь может прерваться, и на вашу страну обрушатся все силы ада, по сравнению с которыми гибель библейских Содомы и Гоморры покажется пустяком! Нет, в мое время между государствами, конечно, тоже случаются войны, но ни в одной из них не ставится целью истребить всех жителей государства и превратить в прах и пепел огромные города.

– Увы, Николай Павлович, – печально ответил царю Шумилин, – но реальность нашего бытия всеми давно уже принимается спокойно, без паники. Люди предпочитают не думать об этом, делая вид, что всех этих ужасных средств массового уничтожения как бы и не существует. А насчет вашего времени...

Да, в Европе поголовного истребления мирных жителей уже не происходит – времена Тилли и Валленштейна канули в Лету. Но те же британцы запросто вырезают жителей острова Тасмания, а граждане Северо-Американских Соединенных Штатов не так давно еще платили за скальп индейца от семидесяти до ста двадцати долларов – в зависимости от того, с кого сняли этот скальп – с ребенка или с взрослого воина. Да и британцы в Ирландии не так давно платили за голову учителя ирландского языка такую же премию, как за убитого волка.

– Я слышал об этом, – нахмурившись, сказал Николай, – и никогда не позволил бы одним моим подданным убивать других. Даже в мятежной Польше, где бунтовщики зверски расправлялись с пленным русским солдатами, мы наказывали лишь тех, кто был изобличен в убийстве и зверстве над теми, кто сохранил мне верность.

– Николай Павлович, – спросил Шумилин, – вы готовы отправиться в путешествие по Санкт-Петербургу? Или предпочтете еще немного побыть у меня?

– Нет, я прибыл сюда для того, чтобы увидеть ваш мир своими глазами, – возразил царь. – Александр Павлович, давайте собираться...

– Тогда, Николай Павлович, мы быстренько позавтракаем, соберемся и, как говорится, с богом – вперед...

Шумилин, привыкший к холостяцкой жизни, на скорую руку приготовил еду – пельмени, бутерброды с сыром и ветчиной, бисквиты и печенье. Ну, и кофе, чтобы разогнать усталость после напряженной ночной беседы.

Николай с удовольствием умял тарелку пельменей с майонезом и кетчупом, похрустел своим любимым соленым огурчиком, отдал должное бутербродам и бисквитам. После кофе хозяин и гость стали собираться в дорогу. Шумилин хотел позвонить по телефону Сергею-младшему, чтобы тот подъехал к ним на машине, но Николай стал возражать, заявив, что он с большим удовольствием прошелся бы пешком по улицам города. Тем более что погода к тому вполне располагала.

Перед уходом император немного замялся и извлек из-под стола небольшой саквояж, который он взял с собой из прошлого. Щелкнув его замками, царь достал из него несколько золотых табакерок с бриллиантами, несколько золотых карманных часов, две или три корбочки, в которых обычно хранятся драгоценности, и замшевый мешочек, в котором что-то брякало.

– Александр Павлович, – немного смущенно сказал Николай, – мне не хочется возвращаться домой с пустыми руками. У меня есть желание купить у вас подарки для своей супруги и детей. Для этого нужны деньги, но как я понимаю, в вашем мире мои монеты и ассигнации вряд ли примут в качестве оплаты за покупки. Поэтому я хотел бы попросить вас, Александр Павлович, обменять эти драгоценности и золотые монеты на деньги, имеющие хождение в вашем времени.

Шумилин задумчиво почесал голову. Действительно, он как-то не подумал – на какие шиши он купит то, что понравится царю в нынешнем Санкт-Петербурге. Конечно, всего того, что предложил Николай для обмена, вполне хватило бы не только на покупку сувениров, но и на приобретение вещей куда более ценных. Но реализовать царские драгоценности и золотые монеты быстро вряд ли удастся. Сбыть по дешевке такое жаба задушит, а продать серьезным людям – так на этих серьезных людей еще надо выйти через заслуживающих доверие посредников.

Конечно, можно начать с золотых монет. Но для их обмена на нынешние российские рубли нужно будет планировать отдельную операцию. Ну, а безделушки, небрежно вываленные царем на стол, в XXI веке стоят целое состояние.

– Хорошо, Николай Павлович, – сказал Александр, чуть помедлив, – давайте вернемся к этому вопросу чуть позднее. А пока совершим прогулку по городу. Я хочу, чтобы вы просто посмотрели в глаза вашим потомкам. Блаженный Августин говорил, что глаза – это зеркало души. Вы можете взглянуть в души моих современников!

* * *

Они вышли из дома и бодро зашагали по чисто вымытому поливальной машиной асфальту. День обещал быть хорошим – на небе ни облачка, ветра почти нет. Суббота – выходной. С утра на улицах народу мало, машин тоже.

Николай с любопытством осматривался по сторонам. Его удивляло все – и легкомысленная по меркам XIX века одежда встреченных ими представительниц прекрасной половины рода человеческого, и огромные в сравнении с каретами и пролетками автобусы и троллейбусы. Царю очень понравились светофоры. Когда Шумилин в двух словах объяснил ему, что означают эти загорающиеся и гаснущие зеленые, желтые и красные огоньки, тот одобрительно закивал. Александр же про себя подумал, что скорее всего, в Петербурге XIX века на Невском проспекте вскоре тоже может появиться нечто подобное. Вот только как они будут действовать? Возможно, что рядом с ними поставят специальных будочников, которые станут управлять светофорами вручную.

Кстати, Николая очень удивило то, что на улицах люди спокойно курят. В его время дымить в общественных местах было строжайше запрещено. А здесь – пожалуйста, доставай папироску и кури, сколько хочешь.

Гость из прошлого неплохо ориентировался в Петербурге XXI века, хотя многие дома были построены уже после 1840 года, а те, что уже были, не сохранились. На Кирочной, напротив улицы Восстания, царь остановился и долго смотрел на школу, находившуюся на том месте, где при нем стояла церковь Козьмы и Дамиана – храм Лейб-гвардии саперного батальона, которым Николай когда-то командовал.

– Нет его уже, значит, – грустно сказал самодержец, – а жаль...

– Мне тоже очень жаль, Николай Павлович, – ответил Александр, – красивая была церковь. Я, правда, видел ее только на фотографиях. Ее снесли еще до моего рождения.

Потом они вышли на Литейный проспект, где царь долго любовался зданием Дома офицеров. Далее свернули на улицу, которая при Николае называлась Пантелеймоновской – по имени церкви Святого Великомученика Пантелеймона Целителя. Царь уже стал привыкать к современной орфографии и с интересом читал таблички и рекламы, которыми пестрели фасады домов. И именно здесь с ним чуть было не случился удар.

Николай прочитал табличку с названием улицы и остолбенел.

– Боже праведный! – воскликнул он, не веря своим глазам. – Это как понимать прикажете, Александр Павлович!

На табличке было написано: «улица Пестеля».

– Вы назвали улицу именем этого висельника Пестеля?! – царь никак не мог прийти в себя от возмущения. – Вы, милостивый государь, хоть знаете, что это был за человек?!

– Николай Павлович, пожалуйста, не волнуйтесь так, – Шумилин заозирался по сторонам. Некоторые прохожие, удивленные странным поведением высокого и статного мужчины, начали на них коситься. – Николай Павлович, я прекрасно знаю, что Павел Пестель был человеком отвратительным, и что, дорвись он до власти, кровь потекла бы ручьем по всей Руси Великой.

– Александр Павлович, – продолжал возмущаться царь, правда уже не так бурно, – как можно называть именами таких людей улицы?! Вы еще скажите мне, что у вас и памятники им ставят!

Шумилин тяжело вздохнул. Врать он не умел, да и не любил, а правду говорить не хотелось. Ведь и памятники имеются, и фильмы о них снимали, и несколько поколений на примере этих самых «героев 14 декабря» воспитывали...

Он попытался отвлечь внимание царя, рассказывая тому о мемориальной доске напротив Пантелеймоновской церкви – о доблести защитников полуострова Ханко во время Великой Отечественной войны.

– Ханко – это Гангут? – переспросил Николай Шумилина. – Это выходит, что Россия воевала с Финляндией? Как же такое могло случиться?! Ведь Великое княжество Финляндское – это территория Российской империи...

– Уже почти сто лет как нет, – снова тяжело вздохнул Александр, – и Россия уже дважды успела повоевать с Финляндией. Правда, в последний раз они выступили против нас в союзе с германцами, – увидев вопросительный взгляд царя, он пояснил: – Ну, вы ведь, Николай Павлович, уже слышали о том, что была Великая война, названная у нас Второй мировой или Великой Отечественной. Мы победили, заняв Берлин. Я потом более подробно расскажу вам о ней.

Напротив Михайловского замка Николай минут пять стоял молча, пристально рассматривая этот мрачный дворец, в котором при трагических обстоятельствах оборвалась жизнь его отца.

– Александр Павлович, – повернулся он потом к Шумилину, – вы-то уж наверное знаете о том, что произошло здесь в ночь на 12 марта 1801 года? Это для моих подданных – да и то не для всех – секрет. А вам, в будущем, наверное, все уже известно...

– Знаю, Николай Павлович, – лаконично ответил Александр, – знакомые милиционеры, охраняющие сейчас это здание, рассказывали мне, что не раз своими глазами видели ночью призрак вашего батюшки, бродящий по пустынным коридорам и лестницам Михайловского замка.

Николай побледнел и вздрогнул.

– Ради Бога, Александр Павлович, – сказал он неожиданно охрипшим голосом, – пойдете отсюда. Потом мы как-нибудь поговорим об этом, потом, не сейчас...

Пройдя через Михайловский садик, они вышли к величественному собору, который все называли храмом Спас на Крови. На самом деле это был собор Воскресения Христова на Крови.

– Красивый храм, – сказал Николай, с любопытством оглядывая его мозаики и купола, – скажите, Александр Павлович, а как он называется, и в честь какого события поставлен?

У Шумилина сжалось сердце. Ему вдруг стало очень жалко этого высокого, красивого и могучего человека, перед которым трепетала вся Россия. И вот так взять и рассказать ему про ужасную смерть любимого сына и наследника...

Николай, по-видимому почувствовав настроение спутника, снова побледнел.

– Александр Павлович, голубчик, не рвите мне душу, расскажите обо всем! Я ведь чувствую, что здесь случилось что-то страшное...

Шумилин проглотил комок, который вдруг подкатил к горлу. Потом каким-то глухим, деревянным голосом произнес:

– Ваше величество, на этом самом месте 1 марта 1881 года злодеями-террористами был убит российский император Александр II, ваш сын и наследник.

Николай шумно вздохнул. Он сдержался, но по его щекам неожиданно покатались слезы.

– Сашка, так вот как... Значит, здесь, – только и сказал он.

Постояв несколько минут, царь отвел взгляд от собора, покосился на Шумилина, отвернулся и, достав из кармана батистовый платок, вытер слезы.

– Николай Павлович, – стал успокаивать его Шумилин, – это еще не произошло... И не произойдет, если мы вмешаемся в ход вашей истории и не позволим, чтобы то, что случилось здесь в марте 1881 года, повторилось.

Царь, слушавший вполуха то, что говорил ему Александр, неожиданно встрепенулся и, крепко схватив Шумилина за руку, взволнованно сказал:

– Александр Павлович, помогите России, помогите народу русскому избежать всех этих ужасов! Я долго думал о том, кто прислал вас в наш мир – силы добра или зла? Но без вмешательства свыше здесь точно не обошлось. Послужите России, и благодарность всего нашего народа вам будет обеспечена.

Шумилин пристально посмотрел в глаза царю.

– Николай Павлович, – сказал он, – вы полностью можете рассчитывать на меня и моих друзей.

Когда нервы императора немного успокоились, они прошли по набережной Мойки, дошли до Певческого мостика. На Дворцовой площади царь долго любовался Зимним дворцом.

– А ведь я помню, какой он был совсем недавно, после пожара, – задумчиво сказал Николай, – и вот сейчас он такой же, как и был, когда я въехал в него после ремонта. Только фасад был окрашен в темно-желтый цвет... А кто в нем живет, Александр Павлович?

– Никто в нем сейчас не живет, – ответил Шумилин, – в Зимнем дворце находится величайший музей мира. Сотни тысяч людей со всего света приезжают сюда, чтобы полюбоваться на картины и произведения искусства, выставленные в нем.

Николай одобрительно кивнул.

– Это очень хорошо, Александр Павлович, – сказал он, – люди должны видеть то, что мы и мои наследники сохранили для потомков. А галерея, где выставлены портреты генералов, участников войны 1812 года, сохранилась?

– Сохранилась, – ответил Шумилин, – и мы все с гордостью смотрим на победителей Наполеона. Помните, как у Пушкина?..

У русского царя в чертогах есть палата.
Она не золотом, не бархатом богата;
Не в ней алмаз венца хранится за стеклом;
Но сверху донизу, во всю длину, кругом,
Своею кистию свободной и широкой
Ее разрисовал художник быстроокой.
Тут нет ни сельских нимф, ни девственных мадонн,
Ни фавнов с чашами, ни полногрудых жен.
Ни плясок, ни охот, – а всё плащи да шпаги,
Да лица, полные воинственной отваги.
Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода

И вечной памятью двенадцатого года.
Нередко медленно меж ими я брожу
И на знакомые их образы гляжу,
И, мнится, слышу их воинственные клики...

– Да, хорошо написал про эту галерею господин Пушкин, – отозвался Николай.

Они помолчали немножко, шагая по бульвару мимо Адмиралтейства. У дома Лобанова-Ростовского – того самого, со львами, где с 1828 года располагалось Военное министерство – царь и Александр свернули на Вознесенский проспект и вышли к площади, на которой стоял памятник императору Николаю I, работы барона Петра Клодта.

– А вот и памятник вам, Николай Павлович, – шепнул Шумилин царю, который удивленно смотрел на себя самого бронзового. – Как видите, у нас помнят не только бунтовщиков. Можете подойти к нему и полюбоваться.

Царь машинально кивнул, и по его щеке снова скатилась слеза.

«Да, слишком сегодня получился слезливый день для самодержца, – подумал про себя Александр, – но иногда слезы смывают с души все плохое, и это идет человеку только на пользу...»

Наша служба и опасна и трудна

Человек Бенкендорфа пришел, как и обещал граф, на следующее утро. Едва Одоевский и его гости успели позавтракать, как в гостиную вошел лакей и, нагнувшись к князю, что-то шепнул ему на ухо. Одоевский кивнул и велел слуге пригласить посланца Александра Христофоровича.

Вскоре в комнату вошел мужчина в сером цивильном костюме, лет тридцати от роду, высокий, статный, с приятным, располагающим к себе лицом. Он поклонился присутствующим и, остановив свой взгляд на Викторе, подошел к нему.

– Их сиятельство просил передать вам это, – сказал ранний гость, доставая из кармана шариковую ручку с зенитовской эмблемой.

– Если не ошибаюсь, вы ротмистр Соколов? – спросил Сергеев, поднимаясь с кресла навстречу господину из III отделения. – Дмитрий Григорьевич?

Ротмистр утвердительно кивнул, и тогда Виктор представился сам и представил свою спутницу. Соколов вел себя спокойно. По его поведению было трудно понять – рассказал ли ему граф, откуда и из каких времен прибыл человек, назвавшийся отставным майором Сергеевым. Скорее всего, нет. Но ротмистр быстро сообразил, что этот пожилой плотный мужчина с седыми усами и едва заметным шрамом на лбу совсем не похож на тех, с кем ему приходилось сталкиваться ранее.

– Дмитрий Григорьевич, надеюсь, вы не обидитесь, если я буду обращаться к вам по имени и отчеству? – спросил Соколова Виктор, и добавил, – в свою очередь, я не буду возражать, если и вы так же будете обращаться ко мне.

Ротмистр кивком дал понять, что не против, и тогда Сергеев продолжил:

– Видите ли, Дмитрий Григорьевич, нам – мне и моим друзьям, которые сейчас временно отсутствуют, очень хочется, чтобы у нас во время пребывания в Петербурге не было никаких недоразумений с вашими коллегами.

– Граф дал мне на этот счет надлежащие инструкции, – ответил ротмистр, – только вы, Виктор Иванович, поймите и нас правильно – мы можем гарантировать вам почтительное отношение служащих Третьего отделения и жандармов. Но не можем ничего обещать насчет чинов городской полиции и их руководства из министерства внутренних дел. Тем более что у Александра Христофоровича уже были некоторые серьезные размолвки с графом Строга-

новым – министром внутренних дел, и Сергеем Александровичем Кокошкиным – столичным обер-полицмейстером.

Сергеев усмехнулся про себя. Столько лет прошло, а соперничество среди силовиков как было, так и осталось. «Всемогушие», как их считали в народе, жандармы все время ожидали подвоха со стороны господ-полицейских. И часто их ожидания оправдывались. Происходило же сие не от дурного воспитания и желания подгадать конкуренту. Расчет был, что ни на есть шкурный – каждое раскрытое «злоумышление на порядок управления» давало повод полицейским получить новые чины и награды, а также выбить дополнительные ассигнования на «известные цели» – так в документах того времени изящно именовались деньги, выделенные на поощрение тех, кого скромно называли агентами, а попросту – доносчиков.

– Скажите, Дмитрий Григорьевич, – неожиданно спросил Виктор ротмистра, – а приходилось ли вам лично встречаться с теми, кто возмущает лиц разного сословия против монарха и правительства? Если да, то кто они были?

Ротмистр на минуту задумался, а потом ответил:

– Видите ли, Виктор Иванович, мне довелось видеть явных противников порядка управления государством. Но не они представляют опасность для общества. Их слишком мало, чтобы возмутить народ, и большей частью они не совсем здравы умственно.

Куда опасней другие. Это молодежь – дворянчики от семнадцати до двадцати пяти лет, которые и составляют наиболее гангренозную часть общества. Среди этих сумасбродов мы видим зародыши якобинства, революционный и реформаторский дух, выливающийся в разные фразы. Тенденции, незаметно внедряемые в них старшими, иногда даже их собственными отцами, превращают этих молодых людей в настоящих карбонариев.

Все это несчастье происходит от дурного воспитания. Экзальтированная молодежь, не имеющая никакого представления ни о положении России, ни об общем ее состоянии, мечтает о возможности русской конституции, уничтожении рангов, достигнуть коих у них не хватает терпения, и о свободе, которой они совершенно не понимают, но которую полагают в отсутствии подчинения. В этом развращенном слое общества мы снова находим идеи Рылеева, и только страх быть обнаруженными удерживает их от образования тайных обществ.

«А этот ротмистр умен, весьма умен, – подумал Сергеев, – только он не знает того, что страх, о котором он говорил, скоро пройдет. И эти, как он сказал, „дворянчики“ начнут из Лондона звать народ к топору, а те из них, кто останется в России, станут организовывать тайные общества. И одним из организаторов убийства сына императора Николая I будет родная дочь губернатора Санкт-Петербурга».

– Дмитрий Григорьевич, – сказал Виктор, – мы с вами еще поговорим на эту тему. А пока я хотел бы услышать, что Александр Христофорович сказал вам относительно меня и моих друзей.

– Их сиятельство, – отчеканил ротмистр, – велел мне сопровождать вас повсюду, наблюдать за тем, чтобы никто не чинил вам ни в чем препятствий и не пытался ограничить вашу свободу. О чем графом был выдан мне соответствующий документ. Вы желаете с ним ознакомиться?

– Не надо, Дмитрий Григорьевич, – сказал Виктор. – Я вам верю. Александр Христофорович сдержал свое слово. Сегодня я хотел бы прогуляться по городу. Поскольку вы должны меня при этом сопровождать, то я попрошу вас подождать меня здесь, в гостиной. Я переоденусь и минут через пять-десять буду готов к прогулке.

Вскоре Сергеев и ротмистр уже шагали по Невскому. Виктор решил выполнить поручение Шумилина и прогуляться до Таврического сада, чтобы посмотреть, что сейчас находится на том месте, где в XXI веке была его квартира. Ну, и просто пройти по свежему воздуху.

На углу Невского и Литейного Соколов неожиданно дернул Сергеева за рукав.

– Виктор Иванович, – шепнул он на ухо отставному майору, – видите человека, который идет за нами? Ну, того, что в сером цилиндре, во фраке и с тросточкой. Вон, он сейчас отвернулся и делает вид, что смотрит на проезжающую карету.

Так вот, это человек из полиции. Я видел его как-то раз на Большой Морской улице в доме обер-полицмейстера. Он был тогда в мундире чиновника полицейского ведомства. У меня, Виктор Иванович, хорошая память на лица.

– Сие означает, Дмитрий Григорьевич, что нам на хвост сели агенты господина Кокошкина?

– Сели на хвост? – улыбнулся ротмистр. – Странное выражение, но, пожалуй, точное. Да, вполне вероятно, что господа полицейские заинтересовались вами и получили от кого-то из высокого начальства задание проследить за тем, куда вы направились и с кем будете встречаться.

– Виктор Иванович, – сказал немного погодя Соколов, – я не знаю всех подробностей вашего пребывания в Санкт-Петербурге, но по поводу вас к нам в Третье отделение пришло уже несколько доносов. Вообще-то их нам присылают каждую неделю столько, что мы и прочитать все не успеваем. В основном там пишут такие глупые вещи, что ходу им у нас не дают. Вы знаете, Виктор Иванович, во дворе нашего дома на Фонтанке каждую субботу служащие устраивают «всесожжение» – разводят костер и охапками бросают туда подобные доносы.

Так вот, про вас и ваших спутников, Виктор Иванович, в доносах, написанных дворником дома, в котором живет князь Одоевский, и приказчиком магазина, в который вы как-то раз заходили, чтобы купить слесарные инструменты, написано, что вы люди странного поведения, говорите странные слова, и у вас есть какие-то странные вещи, ранее нигде и никогда не виданные.

То, что вы не совсем обычные люди, Виктор Иванович, я и сам вижу. Но насчет того, что вы опасны для Российской империи – в этом у меня есть большие сомнения. Не стал бы граф Бенкендорф, верный слуга самодержца нашего, отдавать приказ оберегать вас. А доносы к обер-полицмейстеру, видимо, дошли до того, кому были адресованы. И тот решил поближе с вами познакомиться.

Сергеев задумался. Похоже, что события начинают выходить из-под контроля. И граф Бенкендорф здесь может не помочь. Придется, по всей видимости, подтягивать тяжелую артиллерию.

– Скажите, Дмитрий Григорьевич, – спросил Виктор, – а если бумагу, подобную той, которую выдал вам Александр Христофорович, вам выдаст сам государь-император? Тогда у обер-полицмейстера и графа Строганова пропадет к нам интерес?

Ротмистр удивленно посмотрел на Сергеева, а потом воскликнул:

– Виктор Иванович, вы, наверное, шутите?! Государь-император сам напишет подобный документ? Возможно ли такое!

– Вполне возможно, – невозмутимо ответил Сергеев, – но я бы не хотел, чтобы дело дошло до этого. Впрочем...

– Ради бога! – изумленно воскликнул Соколов. – Скажите мне, наконец, кто же вы такие, если за вас готов ходатайствовать сам император?!

Виктор тяжело вздохнул.

– Хорошо, я расскажу вам это, но только хотелось бы, чтобы вы мне дали честное слово офицера в том, что ни одна живая душа не услышит от вас то, что я вам сейчас расскажу...

Вот вам моя рука!

С Исаакиевской площади Александр и царь отправились в Петропавловскую крепость. Перешли Неву по Николаевскому мосту, по Университетской набережной дошли до Стрелки

Васильевского острова, а потом через Биржевой мост перешли Малую Неву. И вот, наконец, она, государева твердыня, она же государева тюрьма и государева усыпальница.

Николай был очень удивлен тому, что доступ в Петропавловскую крепость теперь свободный.

– Александр Павлович, а ведь это не порядок, – сказал он, кивая на настежь распахнутые ворота крепости. – Так ведь сюда любой злодей проникнуть сможет. Нет, так нельзя, – и император осуждающе покачал головой.

– Николай Павлович, – ответил Шумилин, – так зачем же закрывать крепость-то. Она теперь музей. Пусть люди смотрят и мотают на ус, узнают от экскурсоводов – что было здесь столетия назад.

– Это, наверное, интересно, – сказал царь, – а нельзя ли и мне с этими экскурсоводами пройти по крепости и послушать, что они будут рассказывать о моем правлении?

– Это нетрудно сделать, – ответил Александр, – только, Николай Павлович, я вас очень прошу, не комментируйте слова экскурсовода и не вступайте с ним в полемику. Нам ни к чему привлекать лишнее внимание.

– Хорошо, – немного подумав, сказал Николай, – я согласен. И обещаю вам, что не буду нарушать установленные здесь порядки.

Купив билет в кассе, они присоединились к очередной экскурсии. Молоденькая девица-гид достаточно грамотно рассказывала об истории крепости, о том, когда и что в ней находилось, и какие исторические события происходили в ее стенах. Николай слушал внимательно, лишь иногда недовольно морщась, когда девицу, что называется, заносило и она начинала клеймить «проклятое самодержавие».

Лишь у шемякинского пугала, выставленного на всеобщее позорище у дома коменданта крепости, его нервы не выдержали.

– Как этот мерзкий скульптор посмел изобразить государя Петра Великого в виде какого-то монстра! – воскликнул он.

Но этим восклицанием Николай не привлек к себе особого внимания, так как мнение прочих экскурсантов по поводу «шедевра» Шемякина вообще было нецензурным.

В тюрьме Трубецкого бастиона Николай внимательно слушал рассказ экскурсовода. Дело в том, что в реальной истории тюрьма эта была построена уже после его смерти, и ему информация о режиме содержания арестантов и о тех, кто здесь сидел, была так же интересна, как и другим посетителям.

А вот в Петропавловском соборе Александру показалось, что царь упадет в обморок. И он того прекрасно понимал. Действительно, не у каждого выдержат нервы, когда ему продемонстрируют его собственную могилу, а также места погребения детей, братьев и сестер, племянников и прочих близких родственников.

Шумилин предусмотрительно подхватил под локоть Николая и шепнул ему на ухо:

– Николай Павлович, может быть, вам стоит выйти на улицу? Или, если хотите, выпейте глоток воды, – и Александр достал из кармана купленную в киоске у входа в крепость пластиковую бутылочку с минералкой.

Но Николай быстро пришел в себя.

– Нет, Александр Павлович, спасибо, не надо. Не обращайтесь внимания, я просто сегодня немного устал. Впрочем, немного воды я бы выпил.

Поморщившись от того, что ему придется пить из горлышка, царь сделал большой глоток газировки. Лицо его приняло обычный цвет и перестало быть серо-зеленым.

– Александр Павлович, позвольте мне здесь побыть одному, – сказал он своему спутнику. – Вы должны меня понять...

Шумилин кивнул. Он отошел в сторону и стал разглядывать вывешенные под потолком собора трофейные шведские знамена. И тут к Александру на цыпочках подошла старушка, смотрительница музея.

– Извините, – обратилась она к нему, – вы не скажите, кто ваш спутник, и откуда он? Я раньше работала в Эрмитаже и хорошо запомнила портреты монархов, которые были у нас в экспозиции. Так вот, ваш спутник удивительно похож на императора Николая Первого. Впрочем, многие люди на кого-то похожи. Но тут просто удивительное сходство...

Шумилин усмехнулся про себя. «Интересно, – подумал он, – что станет с этим божьим одуванчиком, если я скажу ей правду? Закричит, или сразу хлопнется в обморок? А ведь может и сердечко не выдержать...»

– Это мой старый знакомый из Петрозаводска, – сказал он не в меру любопытной старушке, – а сходство... Природа порой еще не такие чудеса вытворяет.

– Посмотрите, – вдруг закудахтала смотрительница, – что он там такое делает!

Обернувшись, Шумилин увидел, как Николай встал на колени перед серым надгробием, под которым лежал убитый террористами-народовольцами его сын, и, перекрестившись, поцеловал глыбу серо-зеленой яшмы. Потом он поднялся, низко поклонился и еще раз перекрестился. И держа спину прямо, по-гвардейски, направился к выходу из Петропавловского собора.

За спиной Александра кто-то громко ахнул. Он повернулся и увидел, как старушка медленно оседает на пол. Шумилин бросился к ней, успел подхватить под руки и усадить на стоящий у стенки стул.

– Господи, да что же это? – испуганно бормотала бедная старушка. – Ведь это был сам император Николай Павлович... Вы видели это?

Шумилин воровато оглянулся по сторонам, потом приложил указательный палец к губам и быстро, почти бегом, выскочил из собора.

Николай ждал его на площади перед входом. Он уже пришел в себя и с любопытством разглядывал фасад Монетного двора. Увидев Александра, император грустно улыбнулся и сказал:

– Знаете, Александр Павлович, только сейчас наконец я понял – где нахожусь. До этого момента я представлял, что сплю и вижу какой-то интересный и немного страшный сон. Люди из будущего, странные механизмы, странные одежды и нравы. Мне казалось, что в любой момент я могу проснуться и увидеть свой знакомый кабинет в Зимнем дворце.

И только тогда, когда я своими глазами увидел и своими руками пощупал надгробия, под которыми лежу я и мой сын, я вдруг понял, что действительно где-то далеко-далеко существует другой мир, в котором все то, что мне еще предстоит, уже давно прошло... Александр Павлович, скажите, как мне теперь жить дальше-то?

Шумилин тяжело вздохнул, а потом сказал:

– Николай Павлович, мне очень жаль, что так все получилось. Только наше появление в вашем времени, как мне кажется, не случайно. Возможно, это знак свыше... – тут Николай и Александр не сговариваясь перекрестились. – Видите ли, Николай Павлович, – продолжил этот тяжелый разговор Шумилин, – конечно, мы можем закрыть портал, перенастроить его. И пусть в вашем мире все идет своим чередом, как когда-то шло в нашем. Но мы никогда не простим себе, что имели возможность вмешаться в историю нашей страны и не воспользовались этой возможностью. Это будет подло по отношению к нашим предкам. Мы не хотим, чтобы Россия прошла через унижения Крымской войны, чтобы террористы убили вашего сына. Нельзя этого допустить! И мы будем помогать вам, чего бы нам это ни стоило.

Мы, Николай Павлович, люди уже взрослые, даже чересчур. Но мы еще можем кое-что. И у нас есть дети, знакомые, которые с радостью нам помогут. Так что вы, ваше величе-

ство, можете полностью рассчитывать на нас. Вместе с вами мы можем горы свернуть. Как вы, согласны с нашим предложением?

Николай внимательно посмотрел в глаза Шумилину, потом неожиданно улыбнулся и протянул свою ладонь Александру:

– Вы меня убедили, пусть будет все так, как вы говорите. Вот вам в том моя рука!

Глава 6

Господин тайный советник

А теперь – пройдемте...

Сергеев и Соколов не спеша шли по Литейному проспекту. Виктор собрался с духом и начал рассказывать ротмистру историю о том, как он и его приятели оказались в XIX веке. Поначалу Соколов не поверил своему новому знакомому. Да и немудрено – в подобное нормальный человек не сможет поверить с первого раза.

Пришлось Сергееву поднапрячься и еще раз, по порядку, объяснять ротмистру то, что существуют на этом белом свете параллельные миры, что Вселенная гораздо сложнее, чем она кажется, и что можно перемещаться – во всяком случае, им это удалось – из одного времени в другое.

Соколов, в свое время закончивший Петербургский университет, имел ум довольно развитый и начал потихоньку понимать, что столкнулся с необъяснимым для него явлением. Да и к тому же существовали косвенные доказательства, с которыми он уже имел возможность ознакомиться. Например, «пароль» – чудо-перо, которое не надо макать в чернила, но которое тем не менее пишет, причем так, как ротмистр никогда не мог себе и представить. К тому же этот пожилой человек, назвавшийся отставным майором, не был похож ни на одного из тех людей, с кем Соколову уже приходилось встречаться.

Вполне естественно, что уверовав в иновременное происхождение Сергеева, ротмистр стал сразу же расспрашивать его о житье-бытье в XXI веке. Виктор отвечал уклончиво, не зная, стоит ли выкладывать спутнику всю правду. Хотя...

– Дмитрий Григорьевич, – сказал он, – наша жизнь настолько не похожа на здешнюю, что поначалу ваши современники, побывавшие в нашем времени, пребывают в своего рода ступоре... – заметив недоумение в глазах собеседника, он поправился: – В общем, полностью выпадают из реальности. Но я обещаю вам, что в свое время вы со всеми нашими делами будете ознакомлены, а может быть, и увидите будущее своими глазами.

– Виктор Иванович, – воскликнул ротмистр, – значит, кто-то уже побывал в вашем времени?! Неужели...

– Знаете, один умный человек говорил: что знают двое – то знает и свинья, – сказал Сергеев. Заметив тень, мелькнувшую на лице своего спутника, он добавил: – Не обижайтесь, Дмитрий Григорьевич, но на некоторые вопросы я не смогу вам сейчас ответить.

Желая прекратить этот разговор, Виктор, вспомнив то, чему учил его Шумилин относительно конспирации, сделал вид, что что-то уронил на мостовую, нагнулся и бросил взгляд назад. Потом, разогнувшись, сказал Соколову:

– А тот тип – ну, который полицейский – так и идет за нами следом.

– Служба у него такая, – ответил ротмистр, – только мне это совсем не нравится. Такой достаточно высокий чин, а занимается тем, что должен делать обычный уличный филер... Вряд ли тот, кто так свободно общался с самим генерал-майором свиты и петербургским обер-полицеймейстером Сергеем Александровичем Кокошкиным, стал бы ходить следом за нами. Непроста это все...

Виктор задумался. Он не настолько хорошо разбирался в исторических реалиях XIX века, чтобы знать полный расклад сил в окружении императора Николая Павловича. Но слова ротмистра его насторожили.

Тем временем они уже почти дошли до переулочка, выходящего на площадь и к Спасо-Преображенскому собору. Виктор хорошо знал этот храм. Здесь его крестили, сюда он любил заходить, когда возвращался в родной город после очередной командировки.

– Дмитрий Григорьевич, – сказал он, – давайте пойдем в собор, помолимся. Вы не возражаете?

Соколов, естественно, не возражал. Но в храм они так и не попали. Неизвестно, какие инструкции получил полицейский чин, следивший за ними, но видимо, согласно этим инструкциям пришла пора их арестовывать. И сделали господа полицейские это весьма профессионально.

Едва путешественники свернули с Литейного в сторону Преображенской площади, как шедшие им навстречу два крепких мужика в одежде мастеровых неожиданно остановились рядом с ними и крепко схватили Виктора и ротмистра за руки. А человек в сером цилиндре, подойдя к ним, тихо сказал:

– Господа, я попрошу вас не сопротивляться и следовать с нами. Вас желает видеть Сергей Александрович Кокошкин. Вам, наверное, не нужно разъяснять, кто это?

Ротмистр попытался было вырваться из рук державшего его «мастерового», но тот лишь рассмеялся и ловко завернул руки Соколова за спину.

– Ишь, как задергался, – сказал он грубым хриплым голосом, – только ты зря надеешься сбежать – от меня еще никто не убежал! Стой и не крутись!

Господин из полиции махнул рукой с зажатой в ней перчаткой, и из-за угла дома выехала закрытая черная карета с зарешеченными окнами. Она остановилась напротив задержанных. Дверь кареты открылась, и «мастеровые» ловко втолкнули в нее Сергеева и Соколова. Туда же сел господин в сером цилиндре и один из полицейских. Второй разместился на запятках кареты. Дверь закрылась, и «автозак» XIX века тронулся с места.

После небольшой паузы ротмистр начал бурно протестовать и пригрозил людям обер-полицмейстера большими неприятностями.

– Знаете ли вы, кто я? – бушевал Соколов. – Я ротмистр из Третьего отделения, и у меня бумага, подписанная самим графом Бенкендорфом!

Он полез было в карман, но сидящий напротив него полицейский ловко перехватил его руку, а человек в сером цилиндре (правда, цилиндр, перед тем как сесть в карету, он снял и теперь держал на коленях) сунул руку в карман сюртука Соколова и вытащил оттуда сложенный вчетверо лист бумаги. Он развернул его, прочитал, поморщился и небрежно сунул к себе в карман.

– Меня это не касается, – сказал он, – господин полицмейстер приказал мне вас задержать и доставить к нему, и я выполняю его приказание. Вы, господа, можете потом на меня жаловаться. Это ваше право. Все претензии вы выскажите Сергею Александровичу. Он с нетерпением ждет встречи с вами.

Сергеев наблюдал за перепалкой двух николаевских «силовики» и помалкивал до поры до времени. Он понимал, что генерал-адъютант Кокошкин интересуется не столько ротмистром, сколько его скромной персоной. А может, и не только Кокошкин. Возможно, что и сам министр внутренних дел граф Строганов приложил к этому руку. «Поинтересоваться, что ли?»

– Милостивый государь, – спросил он, – не соблаговолите ли представиться? А то как-то неудобно получается: заарестовали нас, везете в полицию, а мы не знаем даже, как к вам обращаться.

Человек в сером цилиндре помолчал, а потом, подумав, ответил:

– Можете называть меня Иваном Ивановичем. Это вас устроит?

– Вы, наверное, такой же Иван Иванович, как я Франц Карлович, – ответил Виктор. – Впрочем, будем считать, что все обстоит именно так, как вы сказали. И все же ответьте мне – куда вы нас везете, и зачем?

– Успокойтесь, Виктор Иванович, – неожиданно вступил в разговор ротмистр, – скорее всего, мы едем на Большую Морскую. И собеседником вашим – моим вряд ли – будет сам Сергей Александрович. Только если все то, о чем вы мне только что рассказывали, правда, то... В общем, все будет хорошо.

– А что рассказал вам господин Сергеев? – поинтересовался «Иван Иванович». – Господа, прошу иметь в виду, что чем быстрее мы узнаем от вас всю правду, тем быстрее мы с вами распрашиваемся.

– Иван Иванович, – криво улыбнувшись, сказал Сергеев, – а вы помните, что написано в Библии? В Книге Экклезиаста говорится: «Во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь». Вы не боитесь, что то, что вы узнаете, может сказаться на вашем здоровье?

«Иван Иванович» нахмурился и злобно посмотрел на Сергеева. Но препираться с ним не стал и до конца поездки молчал. Виктор же подмигнул ротмистру. Под сюртуком в кобуре у него находился травматический пистолет «Макарыч». Полицейские при задержании быстро обшарили его карманы и, не найдя в них ничего подозрительного, успокоились. Что поделаешь, нет у них еще опыта в подобных делах. Нынешние пистолы спрятать довольно сложно. Так что разговор с господином Кокошкиным может получиться весьма интересным. Но лучше бы дело не дошло до пальбы.

Карета остановилась. Виктора и ротмистра вытолкнули на улицу. Потом их провели в дом главного полицейского столицы российской империи и в коридоре попросили немного обождать. Сергеев и Соколов переглянулись. Интересно, чем все это закончится?

С высоты птичьего полета

С колокольни Петропавловского собора донеслись звуки курантов, вызывающих привычную мелодию. Шумилин машинально посмотрел на часы.

– Уже три часа, – сказал он царю, – пора возвращаться. К вечеру нам надо быть на Черной речке.

Николай вздохнул. Видимо, он соскучился по дому и семье, по своему миру и по власти над подданными, которых в XXI веке у него не было. И в то же время, как понял Александр, ему хотелось побыть еще немного в этом странном и таком интересном мире.

– Александр Павлович, – тихо сказал он, – мы еще вернемся сюда?

– Обязательно, – ответил Шумилин, – но надо помнить девиз одного античного грека: «Ничего слишком»! А как часто вы будете у нас в гостях, зависит исключительно от вашего желания.

Вдруг откуда-то сверху раздался гул мотора. Он становился все сильнее и сильнее. Вскоре в небе появился бело-синий вертолет Ми-8, на котором все желающие (и имеющие деньги) могли совершить небольшой полет над центром города.

– Александр Павлович, – Николай взволнованно схватил за рукав Шумилина, – что это?! Каким образом этот удивительный аппарат может летать по небу? Это просто невероятно!

– Николай Павлович, – Шумилин попытался объяснить царю непонятное для того явление, – этот аппарат называется вертолетом, и на нем можно летать на большие расстояния. Бывают и боевые вертолеты, которые несут страшное для вашего времени оружие. Вы можете себе представить – десяток таких ударных машин в сражении у Бородина смог бы уничтожить всю великую армию Наполеона!

– Не может быть! – воскликнул изумленный донельзя Николай. – Какое же это страшное оружие! А можно посмотреть на этот аппарат поближе?

– Конечно можно, – сказал Шумилин, – идемте.

И они пошли через ворота в сторону импровизированной взлетно-посадочной полосы, на которую только что сел экскурсионный «мишка». Пассажиры из него уже вышли, а дядечка в белой рубашке и с мегафоном в руках зазывал новую партию желающих посмотреть сверху на Северную столицу.

Услышав предложение зазывалы, Николай посмотрел на Шумилина. Ему очень хотелось полетать по небу. В то же время гордость монарха не позволяла об этом попросить. Поняв невысказанное желание царя, Александр вздохнул и сказал:

– Идемте, Николай Павлович, полчаса погоды не сделает. – А про себя подумал: «Ну и цены у этих рвачей: за четверть часа полета – три тысячи рублей!»

Расплатившись, они заняли места в креслах. Александр посадил Николая поближе к иллюминатору. Вскоре пассажирский салон вертолета заполнился, и входная дверь закрылась. Царь вздрогнул, когда двигатели взревели, а лопасти закружились, подняв тучу пыли и мусора.

– Поехали! – по-гагарински воскликнул Александр. Винтокрылая машина стала медленно подниматься. Николай непроизвольно схватил Шумилина за руку, и тот вспомнил, что лично храбрый император боялся в своей жизни только одного – высоты. Похоже, что желая поближе познакомиться с этой чудо-машиной, способной летать по небу, Николай решил пре небрежь своей фобией.

Вертолет пошел сначала вдоль Невы до Николаевского моста. Потом, развернувшись, он так же вдоль Невы долетел до моста Александра Невского, после чего вернулся к месту взлета и стал медленно садиться. Все это время Николай не отрываясь смотрел на панораму расстилавшегося под ним города. Это был его Петербург – столица его империи. И в то же время это был новый, необычный и немного чужой город.

Александр, который за свою долгую жизнь летал на самолетах, вертолетах, дельтапланах – было такое дело, и даже дважды совершил прыжок с парашютом – сидел спокойно и больше наблюдал за реакцией царя. А тот, растеряв все свое спокойствие и невозмутимость, больше был похож на ребенка, чем на повелителя огромной империи.

Когда вертолет приземлился, Николай со вздохом поднялся с кресла и вышел из салона, прищурившись от ярких лучей солнца, бивших ему прямо в глаза.

– Александр Павлович, – сказал он, повернувшись к Шумилину, – я вам очень благодарен за доставленное мне удовольствие. То, что я испытал, взлетев в небо, ни с чем сравнить невозможно. Я ваш должник – просите у меня все, что хотите.

– Николай Павлович, – ответил Александр, по-восточному приложив правую ладонь к сердцу, – хозяин рад, когда гость доволен. Думаю, что в следующий ваш визит в наше время вы узнаете и увидите еще много нового и интересного. А нам надо спешить. Ведь вы еще хотели купить гостинцы для супруги и детей. Да и для вас что-то надо приобрести на память об этой поездке.

Впрочем, время поджимало, и Николай с Александром ограничились посещением двух-трех магазинов, торговавших сувенирами и ширпотребом. Вещи, столь привычные для жителей XXI века, для века XIX были настоящим чудом. К примеру, светодиодный фонарик, смешной хомяк, повторявший слова, которые ему говорили, шариковые ручки, наборы открыток с видами Петербурга и Москвы – словом, много всякой всячины.

Александр купил в подарок Николаю наручные часы одной южнокорейской фирмы, которые ему нравились своей надежностью и точностью хода. Стоили они немало, но Шумилин решил, что с учетом всего того, что Николай прихватил с собой в будущее, для царя теперь открыт неограниченный кредит, и он может рассчитывать на самые щедрые подарки.

Поймав «бомбилу», они быстро доехали до дома, возле которого их уже поджидали в машине Сергеев-младший и Ольга Румянцева. Княгиня Одоевская осталась в будущем еще на пару дней, чтобы пройти полное обследование в частной клинике и завершить курс лечения.

Николай прихватил с собой подарки для царя, которые поручил приобрести ему Шумилин. Это было прекрасное двустольное охотничье ружье и пакет с «веселыми картинками». Зная страсть Николая Павловича к эротическим рисункам и статуэткам, Сергеев-младший заскочил в один секс-шоп, где купил иллюстрированное издание «Камасутры».

В автомобиле, учитывая габариты Николая и количество пассажиров, было немного тесновато. Но до места путешественники добрались без приключений. В боксе у своего «агрегата» их уже ждал Антон. Он запустил машину времени, открыл портал и отправил на разведку Сергеева-младшего и Дениса. Те вскоре вернулись, встревоженные и немного растерянные.

– Отец куда-то пропал, – хмуро сказал Николай, – вышел на прогулку с человеком, которого прислал к нему граф Бенкендорф, и с тех пор о них ни слуху, ни духу. Князь Одоевский очень переживает. Он встретился с Александром Христофоровичем, который тоже рвет и мечет. Жандармы клянутся, что они тут ни при чем. Так оно, скорее всего, и есть. Сейчас князь и граф у портала ждут возвращения императора.

– Дядя Саша, – Николай умоляюще посмотрел на Шумилина, – разрешите мне отправиться вместе с вами! Я ведь буду сидеть здесь как на иголках и не успокоюсь, пока не узнаю, что же все-таки произошло с отцом!

Александр посмотрел на императора. Николай Павлович, услышав рассказ Сергеева-младшего, нахмурился. Ему очень не понравилось то, что в его отсутствие в столице кто-то начал проявлять излишнюю самостоятельность и совать нос, куда не следовало.

– Александр Павлович, – сказал он, – пусть этот молодой человек отправится с нами. Я понимаю его чувства и разделяю его страстное желание найти пропавшего отца.

– Хорошо, Коля, давай, собирайся в дорогу. Вооружись, но по малой программе. А то я знаю тебя, нагрузишься, как Шварц в «Коммандо».

Сергеев-младший кивнул и побежал вооружаться. А путешественники во времени по очереди переоделись за перегородкой в одежду XIX века и стали готовиться к открытию портала.

Антон сел за пульт, в воздухе появилось изумрудное кольцо. Словом, все было как обычно. Необычной была лишь делегация, которая встречала их на полянке – князь Одоевский и граф Бенкендорф, и та озабоченность, которая была на их лицах.

Впрочем, они немного успокоились, увидев царя. Николай же хмуро посмотрел на встречающих и зло бросил главе Третьего отделения:

– Что же у вас такое происходит, граф! Среди бела дня в моей столице пропадают люди. . .

Потом Николай повернулся и помахал на прощание рукой Антону и Денису. Портал закрылся. На полянке наступила напряженная тишина.

Добрый вечер, господа!

Через полчаса Сергеева и Соколова доставили в кабинет начальника петербургской полиции. Генерал-майор Кокошкин внешне выглядел браво – «слуга царю – отец солдатам». Его не назовешь паркетным генералом – семнадцатилетним портупей-прапорщиком лейб-гвардии Преображенского полка он участвовал в Бородинском сражении, потом сражался с французами при Лютцене, Бауцене, Кульме, Лейпциге, в 1814 году вошел в Париж. После войны он сделал карьеру на штабной работе и в придворных кругах. В 1830 году Николай I назначил Кокошкина столичным полицмейстером.

На этой должности Сергей Александрович развернулся во всю ширь своей щедрой души. Пользуясь правом ежедневного личного доклада императору, он активно интриговал против своих соперников, продвигал на посты нужных ему людей. Не гнушался и откровенными взятками.

Полицмейстер отчаянно соперничал с графом Бенкендорфом и, казалось бы, всеильным Третьим отделением СЕИВ канцелярии. Скажем прямо, в этом деле он преуспел. Дело доходило до того, что полицейские шпики следили... за агентами Третьего отделения. Один из сотрудников отделения, Максим Яковлевич фон Фок, жаловался Бенкендорфу: «Полиция отдала приказание следить за моими действиями и за действиями органов надзора. Полицейские чиновники, переодетые во фраки, бродят вокруг маленького дома, занимаемого мною, и наблюдают за теми, кто ко мне приходит... Ко всему этому следует прибавить, что они составляют и ежедневно предоставляют военному губернатору рапортчики о том, что делают и говорят некоторые из моих агентов».

Зная все это от Шумилина, Сергеев не удивился тому, что Кокошкин стал ломиться напролом и не остановился даже перед тем, чтобы пойти на открытую конфронтацию с графом Бенкендорфом. Только вот зачем все это ему было нужно?

– Здравствуйте, господа, – обратился к ним полицмейстер, – с вами, ротмистр, я уже имею честь быть знакомым. Я полагаю, что вы скоро нас покинете и отправитесь к месту вашей службы. А вот с вами, – Кокошкин, прищурившись, посмотрел на Виктора, – мы, по всей видимости, расстанемся не скоро. Мы будем с вами беседовать. Причем долго, с чувством, с толком и с расстановкой.

– Ваше превосходительство, – попытался было что-то объяснить Соколов, – у меня при себе был документ, подписанный графом Бенкендорфом...

– Документ? – притворно удивился Кокошкин. – Был? А кто его видел? Впрочем, – ухмыльнулся полицмейстер, – мы еще встретимся с Александром Христофоровичем и поговорим с ним о господине, который назвал себя отставным майором Сергеевым... Кстати, господин Сергеев, в каком полку вы служили?

Виктор хотел было сказать – в Селенгинском пехотном, но потом передумал. Хитрый шеф столичной полиции запросто мог отправить своих агентов поискать в Петербурге кого-нибудь из офицеров этого полка, благо сам полк сейчас был расквартирован в европейской части России. Если бы это им удалось, то достаточно было предложить селенгинцам опознать своего якобы сослуживца, чтобы уличить Сергеева во лжи. Поэтому он решил пойти, как говорят уголовники, «в полную несознанку» и не отвечать на вопросы вообще. Он надеялся на то, что пока Кокошкин будет собирать на него компромат, из будущего вернется император Николай I и всех быстро построит по ранжиру.

Виктор промолчал. Кокошкин позвонил в колокольчик и сказал вошедшему в кабинет полицейскому чину:

– Проводи, братец, господина ротмистра в соседнюю комнату. А я побеседую с глазу на глаз с человеком, именующим себя отставным майором Сергеевым.

Оставшись с Виктором вдвоем, Кокошкин помолчал с минуту, потом предложил своему собеседнику присесть на жесткий казенный стул, а сам, взяв со стола пачку каких-то бумаг и перебирая их, стал медленно расхаживать по кабинету.

– Итак, кто же вы, господин Сергеев? – начал снова свой допрос Кокошкин. – И откуда вы прибыли в Санкт-Петербург? – Не дождавшись ответа, он продолжил: – Я навел справки – ни через одну из городских застав в течение последних двух недель в столицу империи не въезжал человек с вашими именем и фамилией.

Виктор усмехнулся. Конечно, откуда у него могла быть подорожная? Не Антоха же ее ему выдал, отправляя в прошлое. Но препираться с Кокошкиным он не стал. Пусть тот расскажет ему еще что-нибудь интересное...

А полицмейстер, начавший закипать, видя нежелание Сергеева отвечать на вопросы, повысил голос:

– Что вы молчите?! Не желаете мне отвечать?! Хорошо, тогда я вас возьму под стражу, и у вас появится время подумать – стоит ли запираться!

Кокошкин снова позвонил в колокольчик и, когда дежуривший в его приемной полицейский чин вошел в кабинет, указал пальцем на Сергеева:

– Этого господина поместить в отдельное помещение и не спускать с него глаз. На его вопросы не отвечать, бумагу и перо с чернильницей не давать. Если захочет что-то сказать мне, сообщить об этом немедленно!

Виктора повели по длинному коридору. В конце его находилась небольшая комната, обставленная очень скромно. Стол, на котором стоял медный кувшин и оловянная кружка, два стула, диван, точнее топчан, застеленный шерстяным одеялом, подушка. На окне стальная решетка, на прочной дубовой двери – крепкий засов снаружи.

– Еду вам будут приносить сюда, – сказал сопровождающий Сергеева полицейский, – а если захотите выйти по нужде – постучите в дверь. Надеюсь, что вы будете вести себя благо- разумно, – добавил он.

Дверь захлопнулась, лязгнул засов. Виктор прилег на диван и задумался. Похоже, что господин Кокошкин решил поинтриговать против графа Бенкендорфа. И оружием интриги должен стать он, Виктор Иванович Сергеев, 1955 года рождения, гражданин Российской Федерации и пенсионер МО. Просто фантазмагория какая-то! Ну, что ж, будем поглядеть.

Мысли в голове стали путаться, и он сам не заметил, как заснул, и преспокойно проспал до самого утра. Разбудил его лязг засова. Вошел полицейский с подносом в руках. Он принес завтрак – тарелку пшенной каши, заправленной постным маслом, два толстых ломтя черного хлеба, стакан крепкого чая и к нему ломоть белого хлеба.

«Скромненько, но вполне съедобно, – подумал Сергеев. – В армии порой приходилось питаться и похуже».

Терпеливо дождавшись, пока арестант поест, полицейский предложил Виктору сходить в «кабинет уединения». Таковым оказался чуланчик, больше смахивающий на обычный дачный сортир. Вместо пипифакса для посетителей был приготовлен тазик с водой и мокрой тряпкой.

Оправившись, Виктор вернулся в комнату-камеру, и до обеда уже никто его больше не беспокоил. А после обеда он снова был вызван на допрос к полицмейстеру. На этот раз Кокошкин был настроен более решительно. Он стал угрожать Сергееву каторгой и сибирскими рудниками, если тот не расскажет ему: кто он, откуда, и зачем приехал в Петербург. Виктор понял, что у генерала что-то не срослось, и тот сильно нервничает.

В общем, так оно и было. Ротмистр Соколов, с которым полицмейстер тоже имел беседу, не сказал ему ничего вразумительно, ссылаясь на то, что ему было приказано лично графом Бенкендорфом сопровождать «отставного майора Сергеева» и обеспечивать его безопасность. И не более того. Но все это Кокошкин знал и без ротмистра. А самого графа он допросить, естественно, не мог.

К тому же, как доложили полицмейстеру его люди, Бенкендорф в настоящее время безвылазно находится у себя дома и никого не принимает, сказавшись больным. Однако князь Одоевский, приехавший к Бенкендорфу, был принят, и сейчас они вдвоем о чем-то долго совещаются.

Кроме того, во дворце были встревожены неожиданным отъездом государя. Впрочем, император любил импровизированные посещения городов Санкт-Петербургской губернии, сваливаясь, словно снег на голову, на бедных градоначальников и устраивая им затем голово- мойку за обнаруженные недостатки. Обычно император управлялся со такими делами в течение суток, но сейчас что-то задерживался. Однако поднимать тревогу было еще рано.

А тут еще этот «отставной майор», который молчит, словно в рот воды набрал. И посматривает на него – не последнее лицо в государстве – как-то... В общем, словно не генерал перед ним, а так, пустое место...

Но несмотря на все угрозы, Сергеев молчал, и Кокошкин, устав кричать, махнул рукой и отправил того снова в комнату-камеру, решив продолжить разговор вечером.

Вечером же произошло то, чего обер-полицмейстер столицы Российской империи никак не ожидал. Во время вечернего допроса, когда Кокошкин, уже не сдерживая себя, брызгал слюной и стучал кулаком по столу, требуя от Виктора, чтобы тот наконец заговорил, неожиданно дверь в кабинет генерала открылась, и в нее вошли император Николай I и граф Бенкендорф.

– Добрый вечер, господа, – сказал царь, озирая сие место скорби. – Не ждали?! И чем это вы тут занимаетесь, господин Кокошкин? – Николай грозно взглянул на помертвевшего от страха полицмейстера, способного выдать в качестве объяснения лишь какое-то нечленораздельное бляение.

Посмотрев с презрением на окончательно униженного и раздавленного чиновника, царь приветливо посмотрел на Сергеева.

– Виктор Иванович, – сказал Николай, – я вижу, что вы умеете хранить государственные тайны. Прошу вас извинить за то «гостеприимство», которое оказал вам генерал Кокошкин. Поверьте мне, все это произошло без моего ведома. А виновные в столь непочтительном к вам отношении будут строго наказаны. Пойдемте же, господин Сергеев, вас ждут наши общие друзья.

* * *

После победоносного освобождения из застенков петербургской полиции – заодно был извлечен из камеры и ротмистр Соколов, – они вышли на улицу, где их уже поджидали две кареты из Придворной конюшенной части. Николай, победно посмотрев на спутников с высоты своего роста, незаметно для окружающих подмигнул Сергееву, и нахлобучил на голову треуголку с пышным плюмажем.

– Господа, – сказал царь, – на сегодня, как я полагаю, вам уже достаточно приключений. Прошу считать себя моими гостями и отправиться со мной в Аничков дворец. Да, ротмистр, – сказал Николай оробевшему Соколову, который старался держаться за спиной Виктора и помышлял при первом же удобном случае сбежать, – это касается и вас тоже. Как я понимаю, Виктор Иванович успел вас познакомить с несколько необычными обстоятельствами своего появления здесь.

Когда ротмистр кивнул, император добавил:

– Александр Христофорович, вы не будете против, если я заберу этого молодца себе? Я понимаю, что он у вас один из лучших – худшего бы вы для такого важного дела не послали. Но уж мне, будьте любезны, сделайте одолжение.

Бенкендорф слегка поморщился, но царю возражать не посмел.

– Кстати, Виктор Иванович, – обратился Николай к Сергееву, – у меня для вас есть сюрприз. Угадайте, кто примчался выручать вас и готов был немедленно сразиться разом со всеми полицейскими моей столицы?

– Неужели Колька?! – изумленно воскликнул Виктор. – Так он здесь, с вами?

– С нами, с нами, – усмехнулся император, – вон он, сидит в карете. С большим трудом нам с графом удалось уговорить его остаться и не заходить в здание. Иначе у господина обер-полицмейстера появилось бы много вакансий в ведомстве. Да и сама должность обер-полицмейстера, скорее всего, тоже оказалась бы вакантной. Идите, Виктор Иванович, вон в ту карету, которая запряжена гнедыми. Там ваш витязь сидит, скушает и волнуется.

Потом все расположились в каретах и отправились в Аничков дворец. Немного отдохнув и приведя себя в порядок, все – и царь, и граф, и отставной майор, и его сын, и жандармский ротмистр – уселись за одним столом. После того как Николай побывал в новом для себя мире, он понял, что в общении с выходцами из будущего, а также причастным к великой тайне подданным, не обязательно так строго придерживаться дворцового этикета. Во всяком случае, когда рядом нет посторонних.

Стол был скромно сервирован, спиртное, которое император недолюбливал и употреблял весьма редко, отсутствовало. Зато в центре, среди блюд с мясными и рыбными блюдами, стояло неизменное блюдо со столь любимыми императором солеными огурцами.

– Господа, – начал царь, после того как сидящие за столом слегка утолили голод, – так получилось, что мы, и еще несколько человек, здесь отсутствующих, оказались причастными к великому чуду, которое может спасти наше Отечество. Или, если об этом станет известно врагам России, погубить его. Поэтому я прошу всех вас, господа, дать клятву, что без моего дозволения вы никому и никогда не расскажете о чудо-машине, о том, что произошло в вашем будущем, и вообще, обо всех последующих событиях и словах, которые будут произнесены в кругу посвященных.

Можете считать, что стали сейчас рыцарями некоего тайного ордена, служение в котором будет направлено на благо нашей любимой России. Вас, Виктор Иванович, и вас, молодой человек, – Николай строго посмотрел на своего тезку, который своей камуфляжкой выделялся среди присутствующих, одетых в костюмы и мундиры XIX века, – это тоже касается.

Виктор пожал плечами и кивнул, а Сергеев-младший, улыбнувшись, взглянул на отца, после чего тоже кивком подтвердил то, что он совсем не против стать рыцарем. Лишь бы его после этого не заставили влезть в латы и отправиться на рыцарский турнир – ведь, как он слышал, царь время от времени устраивал конные представления в стиле позднего Средневековья. К тому же общение в детстве с отцом – императором Павлом I, мистически настроенным и всерьез считавшим себя гроссмейстером ордена Госпитальеров – сказалось на формировании характера и взглядов царя.

– Виктор Иванович, – император снова вернулся к простым и чисто житейским вопросам, – а как вы предполагаете узаконить ваше нахождение здесь? Вы, конечно, всецело можете рассчитывать на мою помощь. Граф Бенкендорф придумает вам... – тут Николай на минуту замялся, – ну, в общем, историю вашей жизни здесь. Или, как говорит ваш друг, Александр Павлович, «легенду».

– Ваше величество, – ответил Сергеев, – я хотел бы заняться сельским трудом и в то же время иметь возможность работать по металлу, используя механизмы и приспособления, которые я перевезу сюда из будущего. Одним словом, меня бы устроило положение владельца небольшой деревеньки, в которой была бы кузница, и которая находилась бы недалеко от Петербурга. Кстати, – вспомнил вдруг Виктор, – на примете у Антона было одно селение, расположенное рядом с дорогой на Шлиссельбург. Но об этом надо поговорить с ним лично.

– Хорошо, – кивнул царь, – то, что вы просите, выполнимо. После того как вы обозначите нужное вам место, мы снова вернемся к этому разговору. Ну, а вы, Николай Викторович, – обратился царь к Сергееву-младшему, – как вы видите себя в моем времени? Или вы предпочтете вернуться в будущее?

– Ваше величество, – задумчиво сказал бывший десантник, – конечно, мне больше нравится мое время. Но и отца я бросать не собираюсь. И потому буду рад, если вы позволите время от времени гостить у него. К тому же, ваше величество, я солдат, и готов служить России в любом качестве.

– Отлично! – воскликнул царь. Он придерживался мнения, что все порядочные люди должны носить мундир. И то, что понравившийся ему молодой человек считает себя военным, обрадовало императора.

– Сразу видно военного человека! – продолжил он. – Кстати, какой у вас чин?

– Гвардии старший прапорщик ВДВ, ваше величество, – гордо ответил Николай.

Царь на мгновение задумался.

– Гм, у нас нет такого звания. И ВДВ – это, кажется, воздушно-десантные войска так называются – у нас их тоже нет. А чин ваш соответствует чину подпоручика гвардии. Не хотели бы вы перейти ко мне на службу в этом чине?

– Я подумаю, ваше величество, – сказал Сергеев-младший. – Тем более что я даже не могу представить, чем именно я буду здесь заниматься. Но на мою помощь можете рассчитывать.

– Хорошо, – император кивнул тезке, – давайте продолжим этот разговор чуть позже. Ну, а вы, ротмистр, – император повернулся к Соколову, – вам я предлагаю стать моим чиновником по особым поручениям. С соответствующими полномочиями и правом личного доклада мне. Возможно, что вам придется сопровождать меня во время очередного путешествия в будущее. Ну, и нужно будет стать связным между мною и господами пришельцами. Вы доказали свою преданность и умение держать язык за зубами. Именно такой человек мне и нужен.

– Ваше величество, – взволнованно промолвил удивленный донельзя ротмистр, – я готов... – тут голос его дрогнул, и он замолк, подбирая слова.

– Полно, ротмистр, – улыбнувшись, сказал царь, – вы даже представить себе не можете, что вам предстоит увидеть и узнать... А насчет ваших друзей, Виктор Иванович, – Николай снова повернулся к Сергееву, – мы поговорим с вами отдельно.

От каждого по способностям

После того как Бенкендорф и ротмистр Соколов отправились на Фонтанку, а Сергеев-младший, повинувшись жесту отца, вышел из кабинета «подышать воздухом», царь и Виктор остались вдвоем.

– Виктор Иванович, – сказал Николай, – в вашем мире у меня состоялся очень важный и серьезный разговор с Александром Павловичем Шумилиным. Я знаю, что вы с ним друзья, и полагаю, что секретов у вас друг от друга нет. Знаете, за время пребывания там, в двадцать первом веке, я многое понял и пережил. И сейчас смотрю на происходящее вокруг меня совсем по-другому. Наверное, я уже никогда не смогу так же править Россией, как это делал раньше. Мне стало понятно, что многое из того, что я считал единственно правильным, на самом деле ошибочно. И очень важно, что теперь у меня есть те, кто сможет меня предостеречь от повторения сделанных в вашей истории ошибок.

Виктор Иванович, вы ведь знаете, что мне изначально не была уготована участь русского императора. Преемником моего старшего брата Александра должен был стать Константин. И то, что до последнего момента мне никто не сообщил о том, что Константин отказался от права на российский престол еще в 1823 году, не моя вина. Правда, мне рассказывали о пророчестве моей великой бабки, императрицы Екатерины II, которая увидев меня, еще младенца, заявила: «Я стала бабушкой третьего внука, который по необыкновенной силе своей предназначен, кажется мне, также царствовать, хотя у него есть два старших брата».

Как бы то ни было, но меня совершенно не готовили со временем занять престол моих предков. Поэтому многое из того, что я уже успел сделать, став монархом, я делал по наитию, руководствуясь больше здравым смыслом, чем знаниями человеческой природы и наукой об управлении государством. А уж если вспомнить начало моего царствования... – Николай с досадой взмахнул рукой.

– Ваше величество, – спросил Сергеев, – вы имеете в виду события 14 декабря?

– Да, именно их я и имею в виду, – ответил император. – Отправляясь утром с батальоном преображенцев на Сенатскую площадь, я не был уверен, что вечером вернусь целым и невредимым в Зимний дворец. Вы ведь знаете, какие были планы у заговорщиков?

– Знаю, – Виктор вспомнил про споры участников мятежа, суть которых сводилась к следующему – убить лишь одного царя Николая, или вырезать полностью всю царскую фамилию.

– Вот так я и начал царствовать, – сказал император, – и видит Бог, я старался быть хорошим монархом, суровым, но справедливым, строгим, но добрым... Не всегда это у меня получалось.

Для чего я это все говорю вам, Виктор Иванович. У меня есть миллионы подданных, умные и храбрые генералы, министры и сенаторы. Но у меня нет друзей. Нет того, кто скажет мне, что я неправ, когда я действительно неправ, того, кто удержит меня от опрометчивого поступка или решения.

И я бы хотел, чтобы такими друзьями для меня стали вы. Виктор Иванович, мне рассказал господин Шумилин, что вам довелось немало повоевать, что вы честно четверть века служили России. Поэтому ваши советы о том, как нам реформировать армию и флот империи, были бы очень ценны.

А теперь я хотел бы поговорить о ваших друзьях, – Николай внимательно посмотрел в глаза Сергею, – я успел познакомиться поближе с Александром Павловичем Шумилиным. Это человек редкого ума и способностей. Я буду рад, если он тоже переберется в наше время, останется здесь жить и перейдет на службу ко мне.

Но к сожалению, было бы весьма опрометчиво назначить его министром или главой департамента. В качестве моего личного советника по вопросам внешней и внутренней политики он мог бы принести немало пользы нашему государству.

Как я уже говорил вам, Виктор Иванович, перед моим возвращением, я имел долгий и серьезный разговор с господином Шумилиным. И он дал свое согласие на то, чтобы оказать всемерную помощь мне во всех моих делах. Он даже передал мне папку с документами о многих событиях, которые произошли или произойдут в самое ближайшее время. А также мнение ваших современников о некоторых моих сановниках и министрах. Как вы считаете, в качестве кого он может оказаться в Санкт-Петербурге?

– Ваше величество, – ответил Сергей, – я полагаю, что этот вопрос надо решать не со мной, а с самим Александром Павловичем. Могу только подсказать, что мой друг – неплохой фотограф и делает хорошие снимки, многие из которых публиковали солидные газеты и журналы. Он мог бы стать придворным фотографом, что дало бы ему возможность вполне свободно появляться во дворце и общаться с вами и вашими доверенными министрами.

– Да, будучи в гостях у Александра Павловича, я обратил внимание на чудесные рисунки, которые, однако, не были нарисованы, а словно выхвачены из окружающей нас природы, – сказал Николай. – Действительно, фотографии, которые делает ваш друг, совсем не похожи на те картинки, которые в прошлом году сделал француз Луи Даггер. Я думаю, спрос на такие вот моментальные портреты будет у нас большой, и Александр Павлович таким способом познакомится лично со многими известными и знатными людьми империи.

А ваш изобретатель, Антон Михайлович? Мне кажется, что он вряд ли отправится в наше время. Да и что ему тут делать. Ведь все наши механизмы и машины в сравнении с его изобретениями – это как дубина дикаря в сравнении с тончайшими французскими часами работы мастера Бреге.

– Может быть, может быть... – задумчиво сказал Сергей. – Но все ж я думаю, что и Антон тоже со временем переберется к вам. Я хорошо его знаю. Человек он по натуре своей авантюрного склада, ему мало просто денег и славы. Ему хочется узнать и увидеть что-то новое, неизведанное. Думаю, что и он сумеет найти для себя дело в России. Хотя, конечно, основная его задача – сделать перемещение во времени делом надежным и безопасным. Ведь если все пойдет, как мы с вами решили, вы можете получить из будущего много новых и полезных вещей. Да и вы, ваше величество, как я слышал, еще не раз хотели бы побывать у нас в гостях.

Николай кивнул.

– Да, Виктор Иванович, я еще не увидел всего, что хотел бы. Поэтому как только у меня появится возможность, я постараюсь совершить новое путешествие в будущее.

– Ваше величество, – сказал Сергей, – вы забыли еще о двух наших людях, которые тоже причастны к нашей тайне. Это Ольга Румянцева и Алексей Кузнецов. С Ольгой вы уже знакомы... – Николай кивнул и улыбнулся, должно быть вспомнив их первую встречу, когда наша

«кузина-белошвейка» выдала себя за жительницу САСШ, – а вот с Алексеем Игоревичем... Тут все намного серьезней. Дело в том, что Алексей – прекрасный врач, хирург, к тому же владеющий секретами восточной медицины. А у вас в семье, как я знаю, возможны серьезные проблемы. Ваша дочь Александра – Адени – возможно, уже больна весьма опасной для вашего времени болезнью – туберкулезом...

– Не может быть! – воскликнул Николай. – Она бодра и здорова, просто задумчива по натуре и тиха по характеру!

– К сожалению, это не совсем так, – тихо сказал Виктор, – в нашей истории Александра Николаевна выйдет замуж в 1844 году за принца Фридриха Вильгельма Гессен-Кассельского и в тот же год умрет после рождения ребенка. От туберкулеза...

– Скажите, Виктор Иванович, – озабоченно спросил царь, – но ведь ее можно вылечить? Я готов заплатить любые деньги вашим докторам, только бы спасти мою любимую Адени. Я слышал, что они стали очень искусны в своем ремесле. Если надо, я буду лично просить об этом у Алексея Игоревича...

– Ваше величество, – ответил Сергеев, – у нас умеют успешно лечить туберкулез. Особенно на такой ранней стадии, как у вашей дочери. Только для того, чтобы пройти курс лечения, ей придется совершить путешествие в будущее.

Ну, а что касается Алексея, то он мог бы стать одним из ведущих врачей Петербурга. Особенно учитывая его умение лечить болезни, которые у вас пока еще считаются неизлечимыми.

– Да-да, Виктор Иванович, – обрадовано воскликнул Николай, – теперь я понимаю, что вас мне послал сам Господь. Боже мой, какая это удача! Нет, Виктор Иванович, я еще раз убеждаюсь в том, что наша встреча была не случайной. Это промысел Божий... Давайте, давайте, пригласите сюда всех ваших друзей, я переговорю с ними, и мы решим, чем и кто будет заниматься.

* * *

В условное время Антон открыл портал в квартире князя Одоевского, и Виктор, заскочивший на полчаса в будущее, вкратце рассказал Антону, Александру и Алексею о том, что произошло с ним, и о чем он договорился с царем.

Услышав про предложение, которое сделал ему император, Антон слегка поморщился.

– Иванович, ты же меня хорошо знаешь, – сказал он, – я органически не перевариваю дисциплину и всякие там правила и регламенты. Ну, не люблю я делать не то, что мне хочется, а то, что желает какой-то там дядя. Что в моей богадельне у меня когда-то вызывало аллергию, то и в царстве-государстве Николая Павловича мне быстро надоест. Нет, ребята, вы, если хотите, отправляйтесь туда, а я здесь останусь. Мне и тут найдется чем заняться.

– Тоха, ты только не горячись, – рассудительно заметил Шумилин, – ведь пока никто не заставляет тебя надевать вицмундир, застегнуться на все пуговицы и маршировать с утра до вечера. Я полагаю, что все совсем не так страшно, как тебе кажется.

Допустим, тебя легализуют как некоего заморского негоцианта. Будешь, не вызывая ни у кого подозрений, отлучаться куда тебе надо на недельку-месяц. Так сказать, отправляться в командировку в будущее. Пойми, что нам надо потихоньку закладывать здесь постоянную базу, если мы действительно решили помочь предкам. В общем, ты не спеши говорить да или нет, а еще раз все обдумай и взвесь. Время до завтра у тебя еще есть.

– Ребята, – заговорил до сего времени молчавший Алексей, – а мне тоже как-то не очень хочется отправляться на ПМЖ в прошлое. Ведь у меня здесь работа. Семьи, правда, нет, но возможно, все же когда-нибудь появится. Прошло уже четыре года, как я развелся, и мне уже

наскучила холостяцкая жизнь. В общем, если будет нужно – я загляну к вам в прошлое, помогу, чем смогу. А так – вы уж без меня как-нибудь...

Виктор, внимательно следивший за перепалкой одноклассников, наконец решил вставить свои пять копеек.

– Друзья мои, – начал он тоном, каким строгий учитель вразумляет неразумных детей, – я полагаю, что вы пытаетесь бежать впереди паровоза. Знаете, как у нас в армии говорили – курочка в гнезде, яичко в..., ну, а вы уже цыплят считаете. Давайте сразу решим вопрос по существу. Вы хотите помочь нашим предкам? – Антон и Алексей кивнули. – Ну, а тогда как и чем, мы решим в рабочем порядке. Ты, Алексей, тоже можешь жить на два дома, то есть и там и тут. Сделаем и тебя иностранцем. Ведь ты немецкий еще не забыл?

Алексей кивнул. Он родился и вырос в ГДР, где в ГСВГ служил его отец. И лишь в возрасте десяти лет его родители вернулись в СССР. Поэтому и немецкий, которым в детстве пользовался так же часто, как и русским, он знал неплохо.

– Хорошо, – немного подумав, сказал Антон, – допустим, я согласен. Думаю, что Николай не враг самому себе и прекрасно понимает, что с нами надо вести себя не так, как со своими приближенными, пусть и самыми высокопоставленными.

– Это вряд ли, – усмехнулся Шумилин, – я наблюдал за царем во время его пребывания в нашем будущем. Похоже, что у него под впечатлением всего увиденного здесь произошла значительная переоценка ценностей. Да и Николай не станет активно давить на нас. Ведь, честно сказать, мы ему нужны, а не он нам.

– Хорошо, Шурик, – сказал Алексей, – возможно, что я просто перестраховываюсь, и все совсем не так скверно, как я думаю. Да и жалко мне их.

Тут вот с Ольгой Степановной повозился, поговорил с ней, обнадежил. Знаете, какая она была счастливая, когда ей сказали, что теперь ее шансы стать матерью значительно увеличились. Дай бог, чтобы у них с Владимиром Федоровичем было все хорошо...

– Ну вот, видишь, вроде и договорились, – подвел итог беседы Сергеев. – Так что будем решать все возникшие вопросы с самим царем. Ну, и с графом Бенкендорфом тоже. Только учтите, друзья мои, Александр Христофорович не так прост, как кажется на первый взгляд. Поэтому держите с ним ухо востро.

– А что ты, Виктор, скажешь про жандармского ротмистра? – спросил Сергеева Александр. – Ты учти, что в заведении у Цепного моста дураков не держали. Подлецы – те попадались, а вот дураки – нет.

– Не знаю, Саша, – сказал Сергеев, – конечно, в людях ты разбираешься, наверное, лучше меня. Только и я не за печкой найденный. По моему скромному мнению, Дима Соколов – хороший парень, умный и смелый. Надо сделать его своим другом. Нам нужен свой человек в Третьем отделении, к тому же нетитулованный. Ведь князь и его супруга, хотя и замечательные люди, но слишком уж заметные. А ротмистр, не привлекая особого внимания, сможет выполнять некоторые наши поручения, ну или скажем так – просьбы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.